

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические поиски

ТОМ 6

БОРИС ГРУШИН, ВЛАДИМИР ЯДОВ.
В НАЧАЛЕ ПОСТБИОГРАФИЙ

В 2-х книгах

Москва

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 6: Борис Грушин, Владимир Ядов. В начале постбиографий. В 2-х кн. – М.: ЦСПиМ, 2016. – 215 с.

ISBN 978-5-906001-46-7.

Том 6 появился во 2-ом издании этой работы, тогда он включал в себя лишь книгу: «Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б.А. Грушина», написанную специально к IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина». Этот форум был организован ВЦИОМ в Москве в апреле 2014 г.

Книга открывалась предисловием, написанным Владимиром Александровичем Ядовым. И это не было случайным. Грушин и Ядов были очень близки друг другу. Они были ровесниками, и их связывало и общее понимание многих профессиональных вопросов, и высокая степень единства в восприятии мира социальных отношений и событий, происходивших в СССР и России.

Летом 2015 г. не стало Ядова... и было естественно написать книгу о нем к VI конференции «Продолжая Грушина» (2016 г.). В настоящем издании Тома 6 эти книги объединены под общим названием «Борис Грушин, Владимир Ядов. В начале постбиографий». Это – наш небольшой вклад в сохранение творческого наследия двух выдающихся ученых и знак уважения этих очень интересных, незаурядных личностей...

Я благодарен руководству ВЦИОМ за издание названных книг и за содействие в реализации задуманного – соединении текстов о Б. А. Грушине и В. А. Ядове. Думается, что в таком формате этот материал будет полезен социологам, работающим в разных направлениях науки, аспирантам и студентам.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

Содержание

Предисловие к первому изданию тома 6	4
Все мы вышли из «Грушинской шинели»	6
Мир Владимира Ядова.	115

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ТОМА 6

Если бы я специально задумывался о том, как завершить это издание, чтобы полнее отразить сделанное мною за годы исследования истории советской/российской социологии, я не нашел бы ничего интереснее, чем написать книгу о Б.А. Грушине. Вот – в общих чертах – ход рассуждений, который привел бы меня к подобному выводу?

Во-первых, сама логика разработки историко-биографического направления в изучении становления и развития отечественной социологической науки требует перехода от анализа собственно методологии исследования творчества социологов и написания статей, заметок об их жизни и деятельности к созданию монографических произведений. Ибо именно в этом случае открывается возможность проверить валидность самого замысла конструирования «человекоцентричной» истории социологии и выявить стыкуемость различных принципов, приемов реконструкции, воссоздания прошлого.

Во-вторых, обозревая корпус первопроходцев постхрущёвской российской социологии, можно утверждать, что Грушин – один из ученых, чей вклад в науку признается всеми. Он – академический ученый, создатель целостной, многогранной теории общественного мнения и общественного сознания. Он – разработчик принципов и методов изучения массовых установок. Им написаны фундаментальные книги, на которых выросло уже несколько поколений российских, и не только, социологов и полстеров. Грушин – профессор, под руководством которого несколько десятков исследователей подготовили свои кандидатские и докторские исследования. Он – организатор науки, его высшим достижением на этом пути стало создание Всесоюзного (Всероссийского) центра изучения общественного мнения.

В-третьих, Грушин прожил яркую, в высшей степени плодотворную жизнь в науке, и есть основания предполагать, что и судьба его творчества будет складываться весьма успешно. Если в России будут усиливаться институты демократии и будут полнее развиваться и использоваться научные подходы в управлении обществом, то будет расти и значение исследований общественного мнения, в частности – роль опросов. А это и есть главная часть научного наследия Грушина. Уже несколько лет проводимые журфаком МГУ «Грушинские чтения на Моховой» «Открывая Грушина» и ВЦИОМ – Международные конференции «Продолжая Грушина» – это убедительные

примеры внимания к сделанному Б.А. Грушиным и уважения его гражданской позиции.

Наконец, книга о Грушина было бы своеобразным завершением десятилетнего цикла нашего историко-социологического исследования. Напомню, все начиналось со статьи 2004 года о его жизни и творчестве.

Однако так получилось, что такая книга уже есть. В начале 2014 года она была издана ВЦИОМ в рамках подготовки к IV Международной конференции «Продолжая Грушина». И теперь эта книга составляет содержание тома 6.

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ «ГРУШИНСКОЙ ШИНЕЛИ»

К 85-летию
со дня рождения
Б. А. Грушина

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 **Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 6-ти т. Том 6: Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. – М.: ЦСПиМ, 2014. – 112 с.**

ISBN 978-5-906001-16-0.

Б. А. Грушин (1929–2007) принадлежит к узкой группе исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Как философ и методолог он значительно углубил понятийный язык социологии, рассмотрел многие сложные проблемы генезиса массового сознания и поведения. Особое место в его творчестве занимали вопросы изучения общественного мнения, он первым в СССР стал проводить опросы населения и публиковать результаты анализа мнений людей в прессе. Б. А. Грушин – один из основателей Всероссийского (ранее – Всесоюзного) центра изучения общественного мнения.

Настоящий том включает в себя книгу подготовленную к IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» и проведенную ВЦИОМ в Москве в апреле 2014 года.

Эта работа знакомит читателя с основными вехами биографии и научными достижениями Б. А. Грушина. Это – первая попытка монографического исследования его жизни и творчества.

Книга адресована исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области истории и методологии социологии, проведения опросов общественного мнения и изучения рынка. Одновременно она обращена и к более широкому кругу читателей: социологам, политологам и политтехнологам, специалистам по связям с общественностью, журналистам, всем, кто интересуется прошлым, настоящим и будущим изучения общественного мнения.

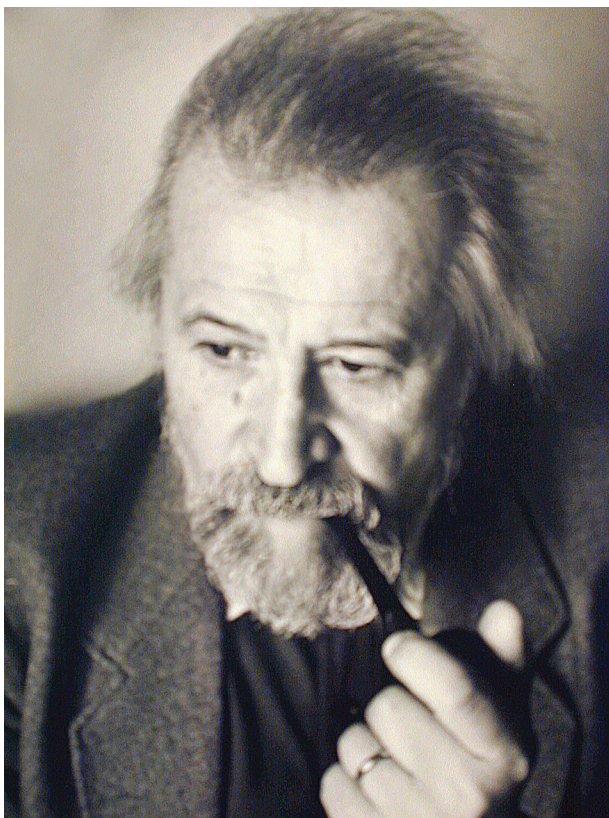
УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-16-0

© Докторов Б.З., 2014
© Фонд содействия изучению
общественного мнения
“Vox populi”, 2014

Содержание

В. А. Ядов. Предисловие	10
Человек, запечатлевший десятилетия	12
Наследие Б. А. Грушина: для всех и надолго	20
Пять периодов изучения общественного мнения в СССР/России	30
«...Из обыкновенного, банального комсомольско- го активиста...»	47
Человек идеалов и идей	56
Рождение первого Института изучения обще- ственного мнения	67
Три книги – три главных направления исследо- ваний Грушина	74
От ИОМа до ВЦИОМа	83
«Четыре жизни России». Ментальное пространс- тво и голограмма Грушина	92
Грушин о препятствиях к проведению опросов в России	100
Заключение	109
Литература	110

*Борис Андреевич Грушин
(1929 – 2007)*

В. А. ЯДОВ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Борис Докторов предпринял, я бы сказал, грандиозный проект – восстановление истории советской и постсоветской социологии в повествованиях нескольких поколений самих социологов. Книга о Борисе Андреевиче Грушине, опирающаяся на многочисленные документальные источники и беседы с её героем, даёт богатый материал для осмысления начального этапа «вторичного становления» социологии в нашей стране после более, чем тридцатилетия официального отторжения нашей дисциплины, заклеянной стигмой «буржуазная наука» (Борис Грушин с присущим ему сарказмом обозначал позицию верхов формулой «социология – продажная девка буржуазии»).

Предлагаемая книга – всеохватывающий рассказ о Борисе Андреевиче в контексте исторических перемен в жизни страны, причём в переменах этих он был, в терминологии активистской социологии, агенсу, т. е. субъектом, запускающим некий процесс. Автор этого сочинения подробнейшим образом анализирует все стадии главного жизненного достижения героя повествования – создание полноценного социального института массовых опросов общественного мнения в государстве, где подобный институт представить себе было немыслимым. Докторов называет Бориса Грушина российским Гэллапом. Но Борис Грушин инициировал массовые опросы в стране с авторитарным режимом, где государство и партийные власти решительно всё контролировали. Это был настоящий подвиг, сопоставимый с героическими действиями наших солдат, бросавшихся со связкой гранат под фашистские танки. Грушин осмелился сделать то, что он сделал, и помимо того тщательнейшим образом описал историю «трёх жизней» России, как она представлялась гражданам страны.

В последнем нашем разговоре по телефону тяжело больной Борис говорил, что он составил план четвёртого – горбачёвского – тома своего труда, но боится не успеть завершить работу.

Предлагаемая книга – это свидетельство гражданского мужества и следования профессиональному долгу Социолога. Читайте и пополняйте свою персональную сокровищницу национального достояния отечества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга о Борисе Андреевиче Грушине (1929–2007) – часть моей более чем десятилетней истории исследований общественного мнения в США и России и лишь немногим менее продолжительного периода изучения прошлого-настоящего современной советской/российской социологии. Безусловно, это два разных исследовательских проекта с различными целями, предметно-объектными характеристиками, временными горизонтами. Но их объединяет методология историко-социологического поиска, которой я пользуюсь, достраиваю и развиваю. Центральное место она отводит учёному как личности и профессионалу. Развитие науки во многом определяется спецификой макросреды, в которой осуществляются научные изыскания и в которой протекает жизнь людей, но всё же главным в познании мира всегда был, есть и будет исследователь. Каким-то таинственным образом он создаёт своё пространство, обеспечивает свою – пусть относительную – независимость от большого мира и служит науке.

Грушин – одна из центральных фигур моего исследования. Он положил начало изучению общественного мнения населения СССР, и он принадлежит к тем, кто содействовал второму рождению социологии в России. Моя первая статья о Грушине была опубликована десять лет назад, и вот – попытка более систематического анализа жизни и творчества Грушина. На всём этом долгом пути мне помогали многие мои коллеги, знавшие и дружившие с ним. Всем им я глубоко признателен.

Но сейчас я хотел бы назвать тех, кто поддержал мой замысел написать книжку о Грушине и помог в её подготовке и издании. Это – Валерий Федоров, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Наталья Седова, помощник гендиректора ВЦИОМ по науке и Елена Кофанова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Особая благодарность – Наталье Карцевой, которая долгие годы была женой и музой Бориса Грушина и вдохновляла его творчество. В последние годы она многое делает для сохранения памяти о нём.

Борис Докторов
24 декабря 2013 года

ЧЕЛОВЕК, ЗАПЕЧАТЛЕВШИЙ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

2 августа 2014 года Борису Андреевичу Грушину (1929–2007) исполнилось бы 85 лет. Это – повод, отправной момент для написания предлагаемой небольшой книги, но ни в её содержании, ни в стиле нет ничего «юбилейного». Её цель – рассказать о жизни и проанализировать творчество учёного, чей значительный вклад в развитие советской/российской науки и политической культуры давно признан нашим профессиональным сообществом. В качестве иллюстрации этого утверждения процитирую сказанное о нём людьми, много сделавшими для развития отечественной социологии и хорошо знавшими Грушина:

Т. И. Заславская: «Я понимала и понимаю, что в течение полутора лет работала с одним из самых выдающихся гуманитарных умов нашего времени» [1, с. 53].

И. С. Кон: «Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, “объясняя” и “прогнозируя” всё, что угодно, Борис публично заявил и много раз повторял, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности» [2, с. 432].

Ю. А. Левада: «...[Грушин] регулярно печатал в “Комсомолке” страницу социологических данных. Тогда никто ещё не верил в существование общественного мнения и возможность его изучать у нас. Эту отрасль науки он выдумал – создал собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом» [3, с. 409].

В. Э. Шляпентох: «Грушин – глубинный нонконформист и инноватор. Трудно найти в истории советской и постсоветской социологии, даже в числе его сверстников, тех, кто мог бы быть равен ему. Он был первым во множестве событий» [4, с. 162].

Стивен Грант (Steven A. Grant) в течение многих лет возглавлял Отдел изучения России, Украины и стран СНГ и координировал исследовательские проекты для Американской Национальной Информационной Службы (ныне Госдепартамента). Впервые Грант встретился с Грушиным в конце 1980-х, и после долгих усилий ему удалось убедить своё руководство в том, что США могут и должны проводить опросы общественного мнения в СССР. Именно по заказу Гранта ВЦИОМ провёл первый опрос общественного мнения в Советском Союзе для правительства США. Приводимые ниже суждения Гранта о Грушине изложены им в 2004 году и интересны не только тем, что в них аккумулировано его отношение к человеку, с которым он сотрудничал и дружил в течение полутора десятков лет, но

и потому, что они сформулированы в понятиях западной культуры. Другими словами, так о Грушине в принципе не мог бы написать никто из его российских коллег и друзей.

Грант начал свои заметки о Грушине словами: «Как историк и исследователь российской жизни, я мог бы передать моё понимание Грушина одним словом: *a mensch* (порядочный, приличный человек). Постараюсь уточнить и прояснить сказанное. Борис Грушин, в моём понимании – это единство двух сущностей: во-первых и прежде всего, он – моральный философ; во-вторых, “*public servant*”» [5, с. 418–419]. Первое означает, что Грушин был интеллектуалом высокой пробы, затворником «башни из слоновой кости», или теоретиком. Как моральный философ он одновременно выступал и как учёный, и как учитель. Термин «*public servant*» на Западе обычно применяется к политику или к общественному деятелю, находящемуся на государственной службе и работающему (по крайней мере теоретически) во благо не только государства, то также всего народа. А *public servant* – это человек, который помимо выполнения формальных обязанностей, задаваемых характером его деятельности, работает во благо общества и людей. Он – общественный радетель [см. 5, с. 418–419].

Теперь приведу слова В. А. Ядова, одного из ближайших друзей Грушина; в них и оценка сделанного Грушиным, и самый общий каркас пространства для анализа его научного наследия: «Борис оставил потомкам замечательно талантливое социологическое описание жизни современников. Это документальная фотография и глубокое осмысление того времени. Наверное, так происходит потому, что он действительно был очень широким человеком и работал на грани бесстрастно научного и эмоционально напряжённого анализа, иногда вообще не видел границ социологии. Ведь он и философ, он и историк, он и статистик, он и логик. Для него форма и логика рассуждения, как и образы объектов анализа, можно сказать, интегрированы в нечто целое. Это не коллаж в постмодернистском стиле, но именно целостное представление» [6, с. 17].

В последние годы постепенно начинается освоение того, что делалось и что было сделано за более чем полстолетия советскими/российскими исследователями в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках, складываются представления о творческом наследии учёных. Однако уже сейчас не приходится сомневаться в том, что по любым самым жёстким науковедческим и нравственным критериям сделанное Грушиным в области теории, методологии и социологической инструменталистики, а также в области развития демократии будет востребовано новыми поколениями

российских учёных и институтами гражданского общества в целом.

Грушин входит в очень узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями современной советской/российской социологии, и сделанное им позволяет говорить об удивительном многообразии и синтетичности его работы. Грушин – философ и методолог социологии, значительно углубивший понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы различных форм массового сознания. Он – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. Грушин первым стал изучать общественное мнение в СССР, и в сферу его анализа оказались включёнными практически все аспекты, грани этой области познания: от фундаментальных теоретико-методологических проблем до организационных аспектов крупных многокомпонентных исследовательских проектов. Можно утверждать, что и интерпретация природы общественного мнения, принятая многими российскими исследователями, и используемые отечественными полстерами измерительные приёмы генетически связаны с тем, что сделано Грушиным.

Сейчас всё отчётливее становится видно, что Грушин был историком советского послевоенного общества, благодаря его исследованиям мы знаем не только то, что происходило, но и то, как происходившее воспринималось людьми. В 2001 году он сказал журналисту, проводившему интервью: «Вы как раз застали меня за работой, я пишу четвертую главу второго тома моего четверокнижия. Самый важный результат 275 исследований, которые войдут в книгу, – то, что мы имеем сейчас возможность услышать голоса живых людей 10-, 20-, 40-летней давности. От этого можно с ума сойти! Начиная от высказываний, которые заставляют хвататься за оружие, до таких, над которыми хочется разрыдаться. Смесь наивности, веры, глупости, искренние вопли души... В массовом масштабе это нечто особенное» [7].

Грушин – один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимавшихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жёстких» и «мягких» приёмов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, проясняющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушин оставил нам огромный массив информации об общественном

мнения и других фракциях, состояниях массового сознания. Время ещё не поставило перед академической наукой задачу всеобъемлющего описания динамики послевоенного советского/российского общества, всей гаммы людских надежд и опасений, картины повседневной озабоченности и раздумий о будущем. Но как только подобная проблематика выкристаллизуется, так сразу многократно возрастёт цена грушинских измерений.

Особая тема – Грушин как журналист, и здесь его опыт и вклад многоаспектен и весом. Прежде всего, он ввёл в советскую, а затем в российскую журналистику и в повседневный мир миллионов людей сам феномен общественного мнения и дал возможность населению узнать, что оно думает о событиях общенационального и глобального масштаба. Вспоминая начало 1960-х и обозначая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), первой в СССР профессиональной организации по изучению общественного мнения, Грушин писал, что под всем этим лежал и отчётливо выраженный гражданский интерес, стремление «приучить» общество к исследованию общественного мнения как к определённой – политической и информационной – норме публичной жизни страны. Таким образом, сегодняшняя российская практика публикации итогов опросов общественного мнения, хотя многое в ней критиковалось, отвергалось Грушиным в последние годы его жизни, восходит, вытекает из его понимания важности симбиоза журналистики и изучения общественного мнения.

Результатом огромного и многострадального «Таганрогского проекта», выполнявшегося под руководством Грушина, является теоретически и эмпирически обоснованная модель процесса функционирования средств массовой информации в советский период. Любые будущие серьёзные исследования масс-коммуникативной реальности в России будут учитывать логические конструкции «Таганрогского проекта», а обнаруживаемые механизмы формирования массового сознания будут сопоставляться с тем, что было выявлено в Таганроге на рубеже 60–70-х годов прошлого века.

Кроме того, Грушин сам был профессиональным журналистом, многие годы успешно работавшим в прессе, на радио и телевидении. Всё началось в «Комсомолке», затем он был ведущим сотрудником и членом редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. В годы перестройки он был одним из наиболее заметных политических обозревателей, выступления которого отличались логичностью конструкций, полемичностью, часто – резкостью высказыва-

емых суждений, и афористичностью. Происходившее в стране в поздне-перестроечные и ранне-ельцинские годы Грушин обозначал терминами, которые и сегодня помнятся многими. Говоря о принципиальных, цивилизационных сдвигах, затрагивавших основы общества и природу сознания россиян, им использовалось понятие «социотрясение». На Радио «Свобода» Грушин вёл передачу, в которой рассматривались многие логически трудно объяснимые, он говорил – «шизофренические» – процессы, происходившие в России. Передача называлась «Общество имени Кафки Корчагина» [см.: 8–9].

Журналистика была для Грушина больше, чем одно из направлений его профессиональной деятельности. Он был журналистом по темпераменту, он был таковым в его стремлении довести результаты опросов до общества, населения. Осмысляя Грушина, мы должны будем понять, что видение им социальных процессов было бифокальным: социологическим и журналистским.

Ещё один важнейший компонент творческой и гражданской деятельности Грушина – подготовка кадров. Среди его прямых учеников – множество ведущих российских философов, социологов, журналистов и политологов.

Перечисленное – лишь обозначение сделанного Грушиным. Это по-настоящему много. Действительно, практически все изучающие общественное мнение в России и в бывших советских странах являются прямыми или опосредованными учениками, последователями Грушина. Одни знают и ценят это обстоятельство; другие, видимо, и не подозревают. Одни читали и перечитывают книги Грушина и в своей деятельности стараются следовать его научным и этическим канонам; другие, стремясь подходить к делу профессионально, возможно не знают о том, что многое в российской культуре функционирования и изучения общественного мнения несёт в себе следы научной и общественной активности Грушина. Одни действуют в манере и стиле, с которыми бы согласился Грушин; другие подверглись бы его резкой критике. Такова объективность, и это следует принимать и учитывать.

Обозревая современную ему литературную среду, Ф. М. Достоевский писал: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя». Российское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «Грушинской шинели».

Я начал знакомиться с работами Грушина в конце 1960-х, вскоре после появления его книги «Мнения о мире и мир мнений» [см.: 10]. Тогда же от моих старших коллег А. Г. Здравомыслова, Б. М. Фирсова и В. А. Ядова я услышал много интересного о личных и гражданских качествах Грушина. Но

наша личная встреча состоялась лишь в апреле 1985 года, за несколько дней до моей защиты докторской диссертации по методам измерения общественного мнения, на которой Грушин был оппонентом.

Через несколько лет, оставаясь сотрудником Института социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, я стал работать в создававшемся тогда Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), детище Грушина, где он был первым заместителем директора. Мои встречи с ним стали частыми, и наши отношения, минуя фазу «начальник – подчинённый», приобрели неформальный характер. В 1989 году Грушин ушёл из ВЦИОМа, но наше общение продолжалось. Оно сохранилось и после моего отъезда в Америку. Во всяком случае, когда в ранних «нулевых» годах нынешнего столетия я стал приезжать из Америки в Москву, я всегда заходил к Борису Андреевичу домой, старался узнать о его работе и поделиться своими планами. Так что мой рассказ о Грушине – исследователе и человеке – базируется не только на его работах и выступлениях в печати, но пронизан моим собственным отношением к нему.

Я всегда полагал, что биограф имеет право быть пристрастным при изучении жизни и творчества «портретируемого» человека. Более того, пристрастность, в моём понимании, – обязательна, она – залог объективности. Я не могу оставаться беспристрастным при рассмотрении жизненного пути Грушина, которого как учёного я признал задолго до нашего знакомства и личные контакты с которым позволили мне его лучше понять.

23 февраля 2001 года он подарил мне только что вышедшую первую книгу из сразу ставшей классикой серии «Четыре жизни России» с надписью: «БЗД от БАГ – со старинной дружбой и самыми наилучшими пожеланиями». А подаренная им 13 апреля 2004 года первая часть следующей книги («Эпоха Брежнева») во многом изменила мою жизнь [см.: 11].

К тому моменту я уже несколько лет исследовал биографию и творчество Джорджа Гэллапа и других американских создателей современной методологии изучения общественного мнения, однако ознакомление уже с двумя книгами задуманного Грушиным «четырёхкнижия» стало импульсом к анализу его биографии и его профессиональной деятельности. Так получилось, что именно в 2004 году Грушину исполнялось 75 лет, и, таким образом, подготовка статьи о его деятельности приобретала и «внешнее оправдание». Я позвонил Грушину из Америки и сказал, что буду писать о нём и обращаюсь к нему, если у меня возникнут вопросы. Работа оказалась очень трудной: мне впервые предстояло писать об активно действующем социоло-

ге, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал не планировался как юбилейный, но как историко-наукоедческое исследование. Да и Грушин был таким человеком, который ничего «юбилейного» о себе без сарказма никогда бы не принял.

В конце лета статья была опубликована в питерском социологическом журнале «Телескоп» [см.: 12]; получив свежий выпуск по почте, я перечитал текст и лишь тогда решился показать его Грушину. Я позвонил ему, чтобы узнать, как у него дела, и он сказал, что вскоре будет в Америке. Тогда мне захотелось сделать ему сюрприз, и я отправил журнал его дочери, американской писательнице Ольге Грушиной, живущей в Вашингтоне. Через какое-то время он мне позвонил, сказал, что прочёл статью, нашёл ряд неточностей, но в целом согласен с тем, что я написал о его жизни и работе. Услышав это, я вздохнул с облегчением... и разослал электронный вариант статьи социологам, лично знавшим Грушина на протяжении многих лет. Так начались мои исследования по истории советской/российской социологии [см.: 13].

Несколько позже указанная статья была доработана с учётом замечаний Грушина, дополнена новыми материалами и в качестве самостоятельной главы вошла в книгу с подзаголовком «От Гэллапа до Грушина» [см.: 14]. Таким образом, в основании настоящей книги лежит текст, прочитанный и одобренный Грушиным, что представляется существенным для историко-биографического повествования.

Важнейшим информационным источником при работе над этой книгой стали книги и статьи Грушина, а также несколько интервью с ним, размещённые в Интернете. Считаю также крайне ценными материалы, представленные в сборниках трёх конференций «Открывая Грушина». Они подготовлены сотрудниками факультета журналистики МГУ, много лет работавшими с Грушиным и понимающими важность изучения его биографии и научного наследия. В них собраны труднодоступные публикации Грушина, воспоминания его друзей и коллег, работы с анализом его теоретических и эмпирических результатов.

И всё же, изучая написанное о Грушине при его жизни и после его смерти, перечитывая его книги, вспоминая его рассказы о задумывавшейся им оригинальной по строению книге мемуаров, зная о дневниках, записях личного характера, которые он вёл долгие годы, помня о его уникальном личном и научном архиве, можно сделать два вывода. Первый – мы мало знаем

Грушина. И второй – прожитое и сделанное им заслуживает специального анализа. Мы стесняемся признавать наших современников выдающимися учёными, полагая это нескромным и считая, что только время покажет значение наследия того или иного исследователя. Мне это не кажется верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных учёных. В нём есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров.

Рывок в познании истории постхрущевской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990-х годов, дал многое. Но накопленный потенциал движения в силу ряда обстоятельств быстро разрядился, и исследования в этой области почти остановились. Допускаю, что новый виток исторических поисков будет связан с активным изучением жизни и творчества социологов первого поколения, со стремлением понять действие тех социальных пружин, которые привели в буквальном смысле горстку молодых философов, историков, экономистов в не знакомую им социологию. Место и роль Грушина в российской социологии настолько значительны, что, анализируя его биографию и творчество, мы не только углубляемся в его личное, но лучше понимаем историю нашей науки.

НАСЛЕДИЕ Б. А. ГРУШИНА: ДЛЯ ВСЕХ И НАДОЛГО

Укажу тему, которой, скажем, десять лет назад, тем более – ранее, не было, но в последние годы она заявила о себе, и наше сообщество будет обсуждать её всегда. Речь идёт об отношении живущих и действующих социологов к научному наследию наших учителей, старших коллег, друзей. Жизнь так устроена, что они слабеют, отходят от активной научной деятельности, уходят от нас навсегда... В ноябре 2006 года в своём кабинете умер Ю. А. Левада, через год скончался Б. А. Грушин, в следующие четыре года не стало А. Г. Здравомыслова, В. Н. Шубкина, И. С. Кона, в конце августа 2013 года – Т. И. Заславской. Но сделанное ими – наше общее богатство, и судьба их наследия определяется не только тем, что ими сделано, но и нашим отношением к тому, что нам досталось как обладателям этого наследия.

Не буду расширять этот мартиролог, итак ясно, что естественный ход развития российского социологического сообщества поставил перед ним новую задачу – изучение биографий и деятельности тех, кто стоял у истоков современной российской социологии. Без этого невозможно обеспечить неразрывность российской социологии, выработать и сохранить научные традиции. Имеются в виду освещение различных сторон жизни и работы этих людей, сбор воспоминаний о них, составление полных библиографий их публикаций, переиздание написанных ими книг и статей. Отмахнёмся от всего этого; сделаем вид, что всё начинается с нас? Или будем искать возможности для изучения жизни и творчества представителей старших поколений, постараемся не забыть их уроки, извлечь из их опыта определённые научные, гражданские, этические нормы и стандарты поведения? Пойдём по первому пути – рано или поздно осознаём его ущербность и постараемся исправить ситуацию, но многое будет потеряно. Изберём второй путь... поспотыкаемся, поплутаем, но относительно скоро осознаем его ценность.

Движение в этом, я полагаю, единственно верном направлении уже началось. Так, Т. В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю. А. Левады и воспоминания о нём; выпущены материалы конференций памяти Г. С. Батыгина, В. Б. Голофада, Т. М. Дридзе, Л. Н. Когана, А. Г. Харчева. Выше назывались материалы трёх Грушинских чтений на факультете журналистики МГУ под общим названием «Открывая Грушина». Здесь же следует указать на три международные конференции «Продолжая Грушина», проведённые Всероссийским центром изучения общественного мнения. На них обсуждается широкий спектр тем, в той или иной степени отвечающих проблематике, которую исследовал Грушин.

Отталкиваясь от собственного небольшого опыта, могу сказать, что анализ сделанного первопроходцами нашей науки – это крайне сложный тип исследований, проведение которых предполагает выработку синтетической методологии, создание и поддержание архивов биографической информации, уточнение нашим сообществом определённых нравственных критериев. Всё это произойдет лишь в том случае, если нами будет осознана потребность в осмыслении прошлого, если будет преодолено безразличие к нашему недавнему и дальнему прошлому. Если мы задумаемся не только о том, что было сделано; но и о том, в каких обстоятельствах всё делалось; почему сделано так, а не иначе. Если мы признаем учёного главной фигурой в науке, производстве знаний и сочтём важным сохранить в истории его имя.

Согласно развиваемой мною системе, или лестнице, поколений российских социологов, в середине 1980-х наш профессиональный цех включал в себя три активно действовавшие исследовательские когорты и набиравшую силу – четвёртую. На протяжении почти четверти века цементирующим составом сообщества была личная коммуникация. Все «ходили по одним коридорам»: встречались на службе и по работе, общались на конференциях и семинарах, читали друг друга в единственном социологическом журнале и малотиражных сборниках; выходили на праздничные демонстрации и выезжали на поля подшефных пригородных совхозов.

В настоящее время в российской социологии насчитывается уже семь действующих поколений исследователей, и в численном отношении социологов стало значительно больше, чем в доперестроечные времена. Подавляющая часть специалистов работает в университетах и независимых социологических образованиях, меньшая доля – в академических институтах. Принципиально расширилась география социологических организаций. Личная коммуникация уже не играет и не может играть той роли, которая принадлежала ей раньше; возникают и работают другие правила общения. В этих обстоятельствах действенным механизмом объединения нашего сообщества должны стать историко-научные исследования, изучение биографий представителей различных, прежде всего – старших, поколений.

Особое значение должно придаваться «суперзвездам» коммуникационных сетей; среди которых одна из самых ярких – Борис Андреевич Грушин. Он – знаковая фигура в академическом сообществе, признаваемая и уважаемая среди полстеров и широко известная вне профессионального круга. Грушин был и остаётся фигурой публичной.

Именно он сделал изучение общественного мнения не только предметом полстерского анализа, оперативного изучения и журналистского комментирования, но предметом академической науки. Грушин, возможно, единственный в мировой истории изучения общественного мнения философ и логик, обратившийся к исследованию этого феномена в опоре на результаты собственных опросов. Именно в силу серьёзной теоретической подготовленности он очень скоро в своей аналитической деятельности перешёл от описания статистики мнений, характерного для журналистики, к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования. При этом его деятельность приобрела социологическую направленность. Таким образом, опросы населения, сохранившие своё прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию глубинного теоретико-эмпирического исследования массового сознания. И потому творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Джорджем Гэллапом, Элмо Роупером, Арчибалдом Кроссли, Хэдли Кэнтрилом и другими американскими полстерами «первого призыва», но и с наследием классиков социологии Пауля Лазарсфельда, Самуэля Стауффера, Ирвинга Креспи и Дэниэла Янkelовича, известных и своими исследованиями массовых установок.

Из сказанного вытекает множество принципиальных науковедческих следствий, в частности – вопрос о генезисе изучения Грушиным общественного мнения. Первые исследования отношения к труду рабочих, проводившиеся в Свердловске (М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган), Ленинграде (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов), Горьком (Г. В. Осипов), отталкивались от признания ведущей роли рабочего класса в социальной структуре советского общества и следовали положениям партийных документов о необходимости совершенствования организации труда на производстве. Изучение свободного времени (В. А. Артемов, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев, Г. А. Пруденский) можно рассматривать как продолжение исследований Г. Г. Струмилина и ранее – русских земских статистиков. Также в общий контекст актуальной общественно-политической и социально-экономической ситуации первой половины 1960-х вписываются исследования села, проводившиеся в Новосибирске под руководством Т. И. Заславской, и выпускников школ (В. Н. Шубкин). В той или иной мере сказанное распространяется и на социологические исследования, выполнявшиеся в те годы в разных городах СССР.

В дореволюционной России и в СССР в дооттепельный период были лишь ненаучные, самостоятельные, далёкие от репре-

зентативности опросы представителей некоторых производственных, учебных и территориальных общностей. Но их нельзя назвать опросами общественного мнения. Так что первые зондажи мнений советских людей Грушина не были (да они и не рассматриваются в этом ключе) продолжением, развитием теоретического или эмпирического опыта дореволюционных или ранних советских исследований общественного мнения. Беседы с ним позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не был знаком с научными технологиями изучения общественного мнения, которые использовались тогда в США и Европе. Отчасти это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм и «перфекционизм» Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на годы.

Отмечу ещё один момент, к которому привлекла моё внимание краткая дискуссия на 2-х чтениях «Открывая Грушина» между В. А. Ядовым и Л. Д. Гудковым, представившимся оппонентом Грушина [см.: 6, с. 19–20]. Среди прочих была затронута тема знакомства Грушина с западной литературой. По мнению Гудкова, из советских социологов старшего поколения лишь Кон и Левада по-настоящему, систематически изучали её. Ядов не возражал против этого суждения, но заметил, что его собственный стиль работы ближе к Грушинскому, он заключается в погружении в собственные теоретические построения и собственный эмпирический материал.

Кон был теоретиком и историком социологии, и безусловно это предполагало глубокое знание достижений других исследователей; Левада – тоже всегда тяготел к анализу методологической проблематики, и в его долгий период вынужденного отхода от эмпирических исследований ему не оставалось ничего иного, как систематически читать новую западную литературу и обсуждать её на его известном семинаре. Ядов заметил: «Кон и Левада писали великолепные работы, это замечательные учёные. Им знание сильно помогало, а мне мешало...» [6, с. 27]. По-видимому, Грушину книжное знание, если не мешало, то явно и не помогало. Он работал как логик, выстраивал и перестраивал мысленные, идеальные конструкции, и в этом ему мало могли помочь выводы учёных, работавших в рамках других парадигм и стилей рассуждения.

Возможно, будет оправданным и допущение о том, что Грушин, который, уже получив философское образование, прочулся несколько семестров на механико-математическом факультете МГУ, вообще рассматривал свои теоретические

построения не как работу с общеполитическими категориями, а как своего рода геометрические построения. И скорее всего академик, геометр А. Д. Александров критиковал грушинскую концепцию массового сознания не потому, что его что-то не устраивало в трактовке Грушиным феноменологии этого явления, а потому, что он видел, как усилить «теоремы» Грушина [см.: 15]. И. С. Кон писал, что Грушин дал себе обет – 20 лет не смотреть текст Александрова, он сдержал своё слово [см.: 2, с. 433]. Может и зря? Их сотрудничество могло бы быть очень плодотворным.

Допускаю, что в чём-то характер размышлений Грушина был близок к тому, на что в моём интервью обратила внимание Т. И. Заславская, которая отлично училась на физическом факультете МГУ три года, но потом перешла на экономический факультет. Вот мой вопрос: «Физический факультет дал Вам не только прекрасное знание математики, которое впоследствии могло пригодиться, но он определённым образом настроил Вас по отношению к идеологии. Физики, математики всегда старались держаться в стороне от идеологии... то, что Вы начали там учиться, по-видимому, определило Вашу позицию во многих вопросах...». Ответ Заславской – очень развёрнутый, приведу лишь его отдельные фрагменты: «Никакого сомнения. Действительно, в течение трёх лет мне ставилось естественно-научное мышление, согласно которому, например, законы природы потому и законы, что они всегда исполняются, в этом их смысл. <...> Самым замечательным был “закон непрерывного роста производительности труда”. Представляете себе: можно ничего не делать, лежать себе на печи, а закон, как сила тяжести, будет сам собою повышать производительность вашего труда. Мне это казалось диким. <...> По окончании университета меня, несмотря на отличный диплом, не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее поразили меня слова одной из близких подруг, что сделано это было правильно, потому что во мне “есть что-то не то, чуждость какая-то”. Наверное, этим “не тем” я во многом была обязана трём годам физфака. <...> Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, была математическая логика» [16, с. 144].

Анализ значительного числа биографий отечественных социологов, начинавших свои исследования в 1960-х годах, позволяет мне трактовать становление постхрущёвской социологии не как возрождение российской социологии, но как её второе рождение. Всё происходило почти с «нуля», в принципиально ином, чем в дореволюционной и ранне-советской

России, социокультурном и политико-идеологическом пространстве и на основе новой интеллектуальной и идеологической программы. Путь, которым Грушин подошёл к проведению опросов, полностью отвечает именно концепции «второго рождения», и, более того, его путь – эталон, «чистая модель» того, что произошло. Талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и сами стали создавать науку и изобретать методы, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся социальные отношения.

Не обнаруживается в дореволюционной российской, а затем в советской действительности и тех макрообстоятельств, которые побудили бы Грушина начать замеры общественного мнения, равно как не существовало в СССР измерительных методов, технологий, которые он мог бы использовать в своей работе. Россия, позже СССР в политическом, социально-экономическом, идеологическом и прочих отношениях развивались принципиально иначе, чем США, где уже в первой половине XIX века возникли простейшие, так называемые, народные «соломенные» опросы общественного мнения, а примерно через сто лет – произошло становление научной, или гэллаповской, технологии, позже – культуры изучения мнений населения. Поясню сказанное.

Первое: в США никогда не было монархии, дворянства, наследственной власти; в стране быстро сложились система президентской власти и многоуровневый (страна, штаты, «районы») механизм голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказания итогов голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно – партийной, позже – внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе – это американская рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. На рубеже XIX и XX веков в стране начали создаваться службы, анализировавшие установки и поведение потребителей, и фирмы, специализировавшиеся на изучении эффективности рекламы. Постепенно складывалась практика проведения маркетинговых исследований, формировался арсенал методов анализа аудитории газет, потом журналов и ещё позже радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: в США непрерывно и поступательно происходило развитие системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение спо-

собностей и конструирование тестов. Опыт университетских учёных быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом.

На протяжении всего этого длительного периода государство как социальное образование всегда находилось «далеко» от бизнеса, журналистики и – как следствие – от всего, что связано с изучением общественного мнения. Отцы-основатели Гэллуп, Роупер и Кроссли подошли к измерению политических установок, накопив большой опыт изучения потребительских предпочтений. А их деятельность финансировалась прогрессивными представителями журналистской элиты. Гэллупа многократно приглашали в Белый дом, но он всегда отказывался. Призывая население активно участвовать в выборах, он никогда не голосовал за президента (только на выборах локального уровня). С одной стороны, он не хотел высказывать своих политических пристрастий, с другой – не считал нужным что-либо придумывать в беседах с журналистами.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов – голосование за одного кандидата, выдвигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель – король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы; социология объявлялась буржуазной наукой; никакой непрерывности в развитии наук о человеке, обществе не было. В статье памяти Грушина его ровесник А. Г. Здравомыслов, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, писал, что во времена их студенчества понятие «социология» ещё не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [см.: 17, с. 436].

В СССР политические и научные предпосылки для обсуждения общественного мнения как социального феномена возникли лишь после смерти Сталина и были порождены духом хрущёвской оттепели. Так, в начале 1960-х друг Грушина философ Э. Ю. Соловьев писал о первых грушинских опросах: он «занимался серьёзно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Я помню, что десятью годами позже И. С. Кон говорил Б. М. Фирсову и мне: «Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет».

В моём понимании, существует предбиография человека, биография и постбиография. Предбиография человека задаётся – прежде всего – семьёй, в которой он родился, и всеми макрообстоятельствами, обусловившими его рождение в той или иной

пространственно-временной точке и его последующее движение в жизненном, деятельностном пространстве. Биография – это совокупность всего, что происходило – иногда, что могло произойти – с человеком в годы его жизни. Потом начинается постбиография, которая является продолжением биографии, но связана с нею весьма нетривиально. Постбиография может быть короткой или долгой, богатой или скудной, непрерывной или прерывистой, публичной или личностной; она может быть «естественным» с исторической точки зрения продолжением биографии, но может – и неожиданным.

Судьба в моём понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведёт его по жизни и что связано с ним после её завершения. У биографии есть начало и конец; судьба – теоретически бесконечна, точнее сказать – она обычно дольше, продолжительнее жизни, многомернее биографии. Лишь в исключительных случаях истории, биографы имеют дело с биографиями, как правило – с судьбами. И чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография, т. е. то, что было, «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа реального человека. Обычно, когда учёные, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают в поле их судеб, «околдованы» ими. В противном случае нет повода всматриваться в их жизнь. Ведь нередко проходят десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшего его исторического персонажа до принятия решения о направленном познании его жизни и создания его жизнеописания.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактическом материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто – столетиями раньше. Во-вторых, данный автор и его герой будут находиться в совсем ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В целом же соотношение биографии и судьбы оказывается непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохра-

нилось множество имён людей, проживших тихо, незаметно, несчастливо, имевших внешне невыразительную биографию, но, благодаря сделанному ими, приобретших долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, чьи биографии выглядели или действительно были блестящими, счастливыми, но их судьбы оказались короткими.

Познание судьбы предполагает изучение предбиографии человека, его биографии и постбиографии. Исследование предбиографии как части судьбы – мало разработанная тема, хотя в жизни родителей и более далёких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором первичной социализации.

Достаточно мысленно обратиться даже к ближайшей истории СССР/России, чтобы понять, что судьба – это производная деятельности самого человека и отношения общества или некоторой части общества к нему. Примеров масса: это политики, люди искусства, спорта, писатели и другие публичные фигуры. Наука всегда была и будет менее публичной общественной сферой, здесь судьба учёного и результатов его творчества в первую очередь зависит от профессионального сообщества, к которому принадлежит исследователь. Временные и пространственные параметры этого сообщества определяются многими обстоятельствами, но прежде всего – характером проблем, которыми занимался учёный, и значимостью для науки (в редких случаях – для общества) полученных им результатов.

Отношение общества, профессионального сообщества к наследию, оставленному творцом, составляет суть, ядро судьбы. Во-первых, послежизненная фаза судьбы может быть много продолжительнее собственно жизненного пути человека. Во-вторых, как предбиография и биография, так и постбиография – это части культуры своего времени. Именно столкновение этих культур во многом объясняет парадоксы судьбы исторических личностей. Подобных примеров масса: в науке, в изобразительном искусстве и музыке, в литературе. Объясняется всё просто. Человек, личность, творец опередил время. В период его жизни сделанное им представлялось ненужным, даже чуждым обществу, отторгалось или замалчивалось. Но результат его труда оказался созвучен требованиям нового времени, ожиданиям, запросам новых поколений; и при неизменности биографии этого человека его судьба круто меняется.

Смерть Грушина позволяет подойти к анализу его судьбы: творческой, а значит – и личной. В историко-наукovedческих отечественных работах о становлении современного этапа советской/российской социологии сюжеты такого рода лишь начинают рассматриваться. Прежде всего, это может быть объяснено дальнoзоркостью истории: необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существуют методологические сложности в исследовании этой проблемы, и они просматриваются уже на стадии очерчивания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, тем более – пытаясь заглянуть в судьбу человека, испытываешь некий душевный дискомфорт, ведь определение судьбы – это, если отвлечься от деталей, формулирование своего рода приговора. К счастью, сама история, будущее наделены правом его отмены, пересмотра.

ПЯТЬ ПЕРИОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СССР/РОССИИ

Рассказ о творчестве учёного, заметным образом повлиявшего на становление того или иного научного направления, логично вписать в изложение процесса зарождения и развития данного научного направления. Ибо, видя, каким образом исследования проводились до начала деятельности этого учёного и как они модифицировались благодаря его открытиям, изобретениям, становится понятнее его личный вклад в науку. Сказанное выше о месте Б. А. Грушина в российской социологии и его роли в возникновении в стране практики теоретического и эмпирического изучения общественного мнения в полной мере оправдывает переход к изложению длительного периода разработки учёными многих поколений феноменологии и технологии изучения общественного мнения, а также анализа установок, суждений, мнений людей о различных сторонах жизни российского общества.

Традиционно, рассматривая достаточно протяжённый во времени процесс, стараются выделить внутри него этапы и показать их специфику. Подобная методология базируется на справедливом во многих случаях допущении о том, что в недрах одного этапа завязывается, зарождается то, что затем определит суть, лицо следующего этапа, т. е. развитие в целом осуществляется непрерывно. Применительно к изучению общественного мнения в России/СССР/России подобное допущение было бы неверным, ибо процесс познания общественного мнения населения страны неоднократно и надолго прерывался. Поэтому разговор будет идти не о последовательности этапов, а о ряде хронологически упорядоченных периодов.

История теоретических и прикладных исследований общественного мнения в России изучена крайне поверхностно, однако наиболее полно она изложена почти два десятилетия назад В. А. Мансуровым и Е. С. Петренко в фундаментальной книге по истории российской социологии, вышедшей под редакцией В. А. Ядова.

Своё изложение прошлого Мансуров и Петренко открывают словами: «Начиная с 30-х гг. проблематика обследований с помощью опросов резко сужается (в основном она затрагивает проблемы быта рабочих, частично крестьян и студентов), а к середине 30-х опросы вовсе прекращаются» [18, с. 572]. С этим утверждением нельзя не согласиться, и мы вернёмся к нему, но допускаю оправданным отнести начало исследований общественного мнения в нашей стране по крайней мере на полвека раньше.

Период первый: XIX – предреволюционные годы

Если мы действительно стремимся к познанию истории изучения общественного мнения в России, нам не уйти от серьезного анализа политической, социально-экономической, нравственной, культурной атмосферы российского общества на рубеже XIX–XX веков, так же как невозможно не попытаться узнать, кто конкретно, какие учёные, журналисты, общественные деятели были причастны к освоению нового для того времени феномена – общественное мнение.

Здесь же отмечу, что понятие, термин «общественное мнение» существовали в русском языке и раньше. Так, при анализе политического мировоззрения А. С. Пушкина русский философ С. Л. Франк цитирует пушкинское письмо к П. Я. Чаадаеву от октября 1836 года, в котором Пушкин писал, что в современном ему обществе «отсутствует общественное мнение, и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине...» [19]. Отмечается, что эти мысли Пушкина были отражением его размышлений по поводу книги Алексиса де Токвиля об американской демократии и роли общественного мнения в государственном устройстве.

Русские учёные давно стали присматриваться к тому, что делалось в Европе и США в этой области обществоведения. И это были не сугубо академические соображения, они думали об обосновании (будущих) либеральных политических, социально-экономических преобразований в стране. Они ездили за границу, учились там, работали в университетских центрах, переводили на русский язык наиболее серьезные книги зарубежных учёных.

В историко-научных исследованиях рискованно называть что-либо или кого-либо «первым». Но похоже, что книга немецкого криминолога Франца фон Гольцендорфа “Wesen und Werk der oeffentlichen Meinung”, опубликованная в Германии в 1880 году и уже через год вышедшая в России под названием «Роль общественного мнения в государственной жизни» [см.: 20], является одной из самых ранних работ, целенаправленно знакомивших русского читателя с современным взглядом на общественное мнение. Ссылка на эту книгу встречается в некоторых списках литературы для студентов, изучающих общественное мнение, однако трудно представить, чтобы до недавнего времени её активно читали; с содержанием работы можно было ознакомиться лишь в крупных книгохранилищах. Но в начале 2013 года она была выложена в Интернете*.

* Благодарю Ф. Э. Шереги, руководителя Центра социального прогнозирования и маркетинга, при активном содействии которого это было сделано.

Франц фон Гольцендорф (Joachim Wilhelm Franz Philipp von Holtzendorff, 1829–1889) принадлежал к старому дворянскому роду, получил образование в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина. В нём всегда сохранялся дух Революции 1848 года, и на протяжении всей жизни он оставался активным сторонником политического либерализма. Последние 19 лет жизни он был профессором Мюнхенского университета, читал различные курсы, но наибольшую известность имел как криминолог и специалист по международному праву.

По крайней мере два обстоятельства позволяют назвать книгу Гольцендорфа со 130-летней историей современной.

Первое, это её содержание. В ней рассмотрены темы, остающиеся актуальными и в наше время: природа общественного мнения, формы его функционирования в различных общественных формациях, механизмы образования общественного мнения, влияние на него прессы и место общественного мнения в политике государства. Замечу, что трактовка обсуждаемых вопросов во многих случаях не вызвала бы серьёзного возражения со стороны современных исследователей общественного мнения. Второе, сочетание научности и общественной страстности в толковании общественного мнения. Следует помнить, что работа писалась во времена иного, чем сейчас, представления о строгости анализа мира социальных отношений и в условиях не современной западно-европейской демократии, а в период Германской империи.

Переводчиком книги и автором «Предупреждения» является Николай Фёдорович Анненский (1843–1912), оставивший заметный след в российской истории как учёный и литератор. Известен он также своими прикладными статистическими исследованиями и признаётся создателем школы нижегородской земской статистики. На протяжении многих лет Анненский активно участвовал в народническом движении, был членом многих оппозиционных организаций и обществ, входил в совет Вольно-экономического общества. В своём предисловии Анненский объясняет, что книга была предложена русской публике, поскольку Гольцендорф пользуется заслуженным авторитетом в области государственного управления, и его книга имеет «несомненный и жизненный интерес». Кроме того, Анненский сообщает, что в переводе есть некоторые сокращения. Имея в виду деятельность русской прессы в условиях жёсткой цензуры того времени, он писал: «Жалобы на опасности от “чрезмерного влияния” ежедневной прессы на государственную жизнь в книге, адресованной к русской публике, были бы уже слишком похожи на иронию» [20, с. 2].

О несомненном интересе к проблематике общественного мнения в либеральных кругах российского общества свиде-

тельствует не только факт быстрого перевода и публикации книги Гольцендорфа, но и то, что в 1895 году эта книга под названием «Общественное мнение» [см.: 21] вышла в новом переводе, более того, в таком виде она переиздавалась ещё дважды, в 1896 и 1899 годах. Перевод был выполнен Николаем Осиповичем Бером (1866-?), имевшим юридическое образование и специализировавшимся в переводе книг по истории и праву.

К сожалению, в книге 1895 года нет введения или предисловия, объясняющих причины, в силу которых было решено опубликовать книгу Гольцендорфа в новом переводе. Я связываю это с тем, что в новых социально-политических условиях оказалось возможным издать книгу без купюр. Сопоставление «старого» и «нового» переводов показывает, что сокращения – конечно же, вынужденные, – осуществлённые Анненским, сделали издание 1881 года заметно отличным от оригинала. Похоже, что над книгой Гольцендорфа Анненский работал в Тобольской губернии, куда в мае 1880 года он был препровожден по этапу в силу его политической неблагонадёжности. Он находился там до конца февраля 1881 года. А на обороте титульного листа переведённой книги указано: «Дозволено ценз. СПб. 13 февраля 1881 г.».

В российских исследованиях общественного мнения мог присутствовать не только яркий «немецкий след», но и англо-американский. Более того, существовали предпосылки к тому, чтобы не только опросы Джорджа Гэллапа [см.: 14, с. 46–50], но и российские опросы общественного мнения в той или иной степени базировались на теоретических выводах английского историка и политолога лорда Джеймса Брайса. Траектории развития науки дают нам много интересного для исторических исследований, для понимания внутри- и междисциплинарных миграций различных идей и методов. В частности, важно понять, какие события, обстоятельства привели к тому, что в 1889 году, то есть через год после своего рождения, в России вышел перевод первого тома книги Брайса «Американская республика», а ещё через год издание было завершено полностью [см.: 22]. Каким образом эта фундаментальная историко-политологическая работа была отобрана для перевода, сегодня не известно.

Вполне естественно предположить, что инициатором перевода книги Брайса был её переводчик Василий Николаевич Неведомский (1828–1899). Он происходил из литературной семьи, служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, обер-секретарем в Сенате, Департаменте государственных имуществ, в 1872 году он стал сотрудником «Русских ведомостей». а последние двадцать лет жизни за-

нимался исключительно переводами английских и немецких историков. Знакомство В. Н. Неведомского с либеральными социальными учёными и их идеями легко объясняется характером, направленностью «Русских ведомостей» – иногда это издание иронично называли «профессорской» газетой из-за большого количества учёных, печатавшихся на её страницах. Поскольку во второй половине 1880-х годов Неведомский перевёл на русский язык ряд солидных исторических исследований, и в частности, несколько томов Теодора Моммзена по римской истории, он не мог не знать историко-политологических работ Брайса. Ведь среди них важное место занимал его труд по истории Римской империи [см.: 23].

О слабой изученности рассматриваемого периода исследования общественного мнения в России свидетельствует и такой курьёз. Лишь в конце 1970-х годов В. С. Коробейников обнаружил изданную в 1906 году книгу профессора права МГУ Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) по общественному мнению [см.: 24]. Причём в библиотеке Института научной информации АН СССР ему выдали эту книгу с не разрезанными листами, то есть он был её первым читателем [см.: 25, с. 43].

Любой историк науки скажет, что наличие некоторого числа выявленных книг по той или иной тематике автоматически означает существование и неизвестных книг, и – тем более – статей. Надо продолжить поиски.

Период второй: революционные годы, включая Гражданскую войну, – середина 1930-х годов

К концу 1920-х годов многие философы, психологи, юристы, статистики, начинавшие свои исследования в дореволюционное время, в силу разных причин отошли от активной научной деятельности, были лишены возможности преподавать. Но всё же какая-то преемственность между старыми и новыми поколениями учёных сохранялась. Может быть, именно это помогло недавнему выпускнику Коммунистического института журналистики в Москве Владимиру Александровичу Кузьмичёву (1903–1994) написать и издать в 1929 году книгу по теории общественного мнения [см.: 26]. Она заслуженно признаётся одной из первых советских монографий по рассматриваемому предмету и часто цитируется в историко-социологических исследованиях*. Но с точки зрения истории науки представляет

* Личный фонд В. А. Кузьмичёва хранится в Центре документации новейшей истории Томской области. Я благодарен тюменскому социологу, доценту Шамилю Фарахутдинову за помощь в получении базовой информации о содержании этого фонда

ся интересным изучить, была ли известна Кузьмичёву книга Гольцендорфа, и если он знал её, то в какой мере она повлияла на его собственные теоретические поиски.

Вернёмся к цитированному фрагменту статьи Мансурова и Петренко и заметим, что в нём говорится не об изучении общественного мнения, а лишь об опросах. Однако опрос как метод социологии, социальной психологии, статистики и т. д. далеко не обязательно служил для выяснения установок населения (или его отдельных групп) относительно актуальных, вызывающих общественную дискуссию социальных процессов. К примеру, в обстоятельном исследовании Ф. Э. Шереги о прикладной социологии 1920-х годов указываются многие опросные технологии, которые использовались при анализе отношения кинозрителей к различного рода кинопродукции, при изучении бюджета времени школьников, быта рабочих, уклада крестьянского хозяйства, читателей прессы и книг и т. д. [см.: 27]. В составленном им же кратком списке монографий по социологии, опубликованных в 1923–1933 годах, отражено около 80 работ. В большинстве из них рассматриваются результаты опросов, но лишь специальный анализ должен определить, какие из них могут классифицироваться как исследования в области общественного мнения [см.: 28].

Можно допустить, что в настоящее время мы не просто поверхностно знаем сделанное исследователями того времени, но нами слабо очерчено само пространство поисков. Так, в ноябре 2012 года я провёл большое интервью по истории советской/русской социологии с одним из её создателей Г. В. Осиповым. Рассказывая о теоретико-эмпирическом социологическом исследовании в Горьком, которое под его руководством было осуществлено в первой половине 1960-х гг., он сказал: «Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М. М. Ковалевский, Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы – Василейского». И после моей реплики «Никогда не слышал...» Осипов продолжил: «...А таких много было... мы с ним беседуем, он работал дворником... к удивлению я вижу у него методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек был. Он говорит: “Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это всё было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел”»*. При работе с этим интервью мне посчастливилось

* Полностью интервью с Г. В. Осиповым ещё не опубликовано, но его разрешение на публикацию мною получено.

найти в Нижнем Новгороде историка психологии Н. Ю. Стоюхину, которая несколько лет назад в соавторстве с белорусским коллегой Л. А. Кандыбовичем опубликовала книгу о С. М. Василейском [см.: 29]. Это рассказ не только о тяжёлой судьбе Василейского, но и о драматической участи учёных его поколения.

Обстоятельная беседа со Стоюхиной показала, что Василейский и его коллеги- психологи использовали опросные методы и изучали разные фракции массового сознания, в том числе – массовые установки [см.: 30]. Это лишний раз доказывает, что, проводя исторические поиски, следует исходить из двух обстоятельств: во-первых, на рубеже 1920-х – 1930-х годов занятие социологией в СССР было рискованным, и, во-вторых, трактовка социологии как науки отличалась от современной. Таким образом, поиск работ, которые сегодня могли бы классифицироваться как социологические, следует вести в области соприкосновения ряда обществоведческих наук, то есть в парадигматике междисциплинарного подхода.

Период третий: вторая половина 1930-х – рубеж 1950-х – 1960-х годов

По оценкам Мансурова и Петренко, «...к середине 30-х опросы вовсе прекращаются. Они прекращаются в том смысле, что полностью исчезают со страниц печати, но, напротив, интенсифицируются и расширяются как источник закрытой партийной (и государственной) информации. При партийных комитетах всех уровней решением ЦК ВКП(б) создаются отделы партийной информации. Используя самые разные источники (сообщения информаторов-активистов, сбор сведений собственными силами и с помощью НКВД-КГБ), эти отделы регулярно готовили обобщающие записки о настроениях в среде рабочих, на селе, в среде студенчества, молодёжи вообще (этим занимались аппаратчики службы комсомольских комитетов), интеллигенции, в армии, в партийных ячейках и в самих органах НКВД-КГБ. Более изощрённой системы изучения мнений и настроений населения, чем та, что была создана большевиками как единственной правящей партией, сросшейся с государством, не было ни в одной западной демократии» [18, с. 572].

И далее они отмечают, что по мере ужесточения политико-идеологического режима службы информации, по существу, смыкались по своим функциям с аналогичными службами органов НКВД и ГБ, то есть превращались в органы своего рода «партийной разведки» и политического сыска. Главным в их деятельности было доносительство об антипартийных и антисоветских настроениях и создание в стране ощущения активной поддержки широкими массами очередных партийных решений.

В целом, всё сказанное даёт верную оценку прошлого. Мансуров и Петренко характеризуют описанное как действия партийно-советской системы изучения настроений трудящихся. Мне же представляется, что в рамках исторического анализа будет справедливым признать: в рассматриваемом 25-летию собственно изучения общественного мнения в СССР не было. Можно согласиться с М. К. Горшковым, в первые перестроечные годы писавшим, что «на протяжении длительно времени общественное мнение, став, по существу, одной из жертв периода культа личности, оказалось вне поля зрения общественной науки» [31, с. 9].

Правда, и самого общественного мнения не было. То было время борьбы с «врагами народа», тяжелейшей войны, в том числе и на огромной части территории страны, восстановления народного хозяйства, колоссальных подвижек в структуре населения, вызванных войной и террором в отношении советских людей, тотальной цензуры, сильнейшего государственно-идеологического воздействия на сознание масс, страха людей, «железного занавеса». Конечно, страна не была безмолвной, существовало разномыслие [см.: 32], но общественного мнения как продукта достаточного свободного обсуждения в обществе волнующих его проблем, имеющего легальные формы изъяснения, рассчитывающего на учёт его позиции в практике управления, не было.

Таким образом, до начала 1960-х годов процесс теоретического и эмпирического (прикладного) исследования общественного мнения в СССР не был гладким. При переходе от первого периода ко второму многое из прошлого людям пришлось либо забыть, либо уничтожить, либо стараться не узнавать.

В одном из моих телефонных разговоров с И. С. Коном, состоявшемся в начале 2010 года, он вспомнил, что спрашивал Б. А. Чагина, который изучал в первой половине 1920-х годов общественные науки и тогда же начинал свою профессиональную деятельность, нет ли в его личной библиотеке выпусков журнала «Логос». Тот ответил, что были, но в ожидании ареста он всё уничтожил. «Логос» — международный ежегодник по философии культуры, издававшийся в Москве и Праге (1910–1914, 1925). В нём публиковались А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие социальные философы.

Наверное, этот разговор Кона с Чагиным состоялся в 1960-х — 1970-х годах, но вот пример из нашего времени. В указанной выше моей беседе со Стоюхиной она вспомнила, как втянулась в изучение прошлого: «Как-то, в начале 2000-х, мне довелось работать со старшей коллегой, окончившей Горьковский педагогический институт в 1950-х гг. Она часто вспоминала своих преподавателей, и я спросила её: “Я знаю всех старших и уважаемых коллег (слава Богу, живущих), они нас учили и учат, а кто учил их? С кого началась

психология в нашем городе?” Профессор шёпотом назвала мне фамилию Василейского, а на мои вопросы — кто это? почему шёпотом? — она, также понизив голос, произнесла: “Ну, он был известный психотехник и педолог”. Тогда у меня интерес к истории психологии был не велик, но слова “психотехник” и “педолог” заинтриговали, тем более — в сочетании с таинственным шёпотом» [30, с. 9–10].

Период четвёртый: начало 1960-х – конец 1980-х годов

Границы этого периода фактически совпадают со временем первого опроса Грушина и созданием ВЦИОМ, в определяющей степени — его детища. В социально-политическом отношении начало этого периода приходится на хрущёвскую «оттепель», его большая часть протекала в эпоху застоя и около пяти лет — в наиболее яркие годы перестройки. В историко-наукоедческом плане этот временной интервал исследований общественного мнения справедливо называть *грушинским*.

Могу допустить, что для историков советской/российской социологии, в частности — исследований общественного мнения, этот период является и долго будет оставаться наиболее интересным. Его уникальность, думается, даже если рассматривать в масштабах развития глобальной системы изучения общественного мнения, заключается в существовании некоего весьма неустойчивого баланса политических и научных сил, заинтересованных в научном познании массового сознания, и сил, препятствовавших развитию этого процесса. Причём, здесь не следует считать, что конфликт всегда разворачивался между политиками (партийными функционерами, другими представителями власти) и социологами. Всё было сложнее. В системе партийной иерархии были достаточно высокого уровня функционеры, в целом поддерживавшие проведение опросов на руководимых ими территориях; были директора крупных предприятий, которые активно содействовали социологам в изучении мнений в возглавляемых ими многотысячных трудовых коллективах. Но были и те, кто даже и слышать не хотел о допуске исследователей в «их» регионы и на «их» предприятия. Аналогичное положение существовало и в сфере науки: одни социологи считали необходимым изучение общественного мнения, другие — видели в опросах лишь стремление сторонников их проведения к «заигрыванию» с Западом и к использованию «под зонтиком партии» буржуазных методов.

Не может не вызывать интереса историков к рассматриваемому периоду изучения общественного мнения и тот факт, что в эти годы было сделано — при поддержке партийных структур и вопреки им — очень много.

Во-первых, были осуществлены широкие *теоретико-методологические* изыскания. Помимо апологетических построений о природе так называемого «социалистического общественного мнения» с присущим ему «социалистическим монизмом» [см.: 33], были и серьёзные попытки разобраться с общими критериями феноменологии общественного мнения и особенностями, обусловленными спецификой развития (позже – «развитого») социализма и деятельностью советских средств массовой информации. Нет возможности даже для краткого рассмотрения подходов разных исследователей к интерпретации понятия общественного мнения, но назову имена основных участников этой открытой и скрытой дискуссии: Б. А. Грушин, М. К. Горшков, Б. А. Ерунов, М. Х. Игитханян, М. Я. Ковальзон, В. С. Коробейников, Р. А. Сафаров, А. И. Пригожин, Ж. Т. Тощенко, А. К. Уледов.

Во-вторых, одновременно с изучением «сущности» общественного мнения советскими социологами активно разрабатывались проблемы *методики и техники* измерения это сложного образования. Невозможно перечислить имена всех, кто исследовал соответствующий круг вопросов, но перечислю авторов наиболее цитировавшихся работ: А. А. Алексеев, А. Г. Андреенков, Б. А. Грушин, А. А. Возьмитель, В. Д. Войнова, Б. З. Докторов, Т. М. Дридзе, А. С. Кулагин, Е. С. Петренко, Э. П. Петров, Г. Д. Токаровский, Б. М. Фирсов, С. В. Чесноков, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох. В этих исследованиях рассматриваются правила формирования и реализации территориальных и производственных выборок; разные аспекты методов анкетирования, изучения документов и прессы, приёмов наблюдения; способы организации полевых работ, математической обработки больших массивов данных.

Александр Константинович Уледов (1920–1999), один из первых советских обществоведов, изучавших проблемы общественного мнения, считал оправданным противопоставлять роль, значение этих двух направлений. В 1959 году он писал: «Конечно, изучение методов получения материала, необходимого для анализа общественного мнения, является одной из задач социологии, но оно не представляет единственной и тем более главной задачи социологии в области исследований мнений» [34, с. 44]. С его точки зрения, главными были определение природы общественного мнения, изучение механизмов его формирования и его места в жизни общества. По-сути, теоретические задачи отрывались от инструментальных, и, таким образом, если продолжать, углублять этот подход, познание общественного мнения сводилось к построению неких абстрактных моделей. С позиций Уледова категорически не соглашался Грушин, он считал теорию и

методологию, то есть систему правил и приёмов измерения мнений, двумя сторонами одной медали и отказывался говорить здесь о первом и втором. Можно допустить, что убеждённости Грушина в справедливости двуединства теоретического и методологического была основой его концептуалистики и практической деятельности, включавшей в себя и проведение опросов, и многолетнюю борьбу за создание в СССР организации (организаций), изучающих установки людей.

Позиции, которые занимали Грушин и Уледов по главным вопросам феноменологии общественного мнения в 1960-х — 1970-х годах, были генетически полярны. Грушин (смотри ниже), в студенческие и аспирантские годы изучавший марксизм лишь как метод логического анализа устройства естественного мира и общества, стремился к построению общенаучного, внеидеологического понятийного каркаса общественного мнения. Уледов, многие годы работавший в Академии общественных наук при ЦК КПСС, обосновывал априори пронизанную идеологией концепцию социалистического общественного мнения [см.: 35]. Наиболее ярко различие в теоретических позициях двух этих исследователей обнаруживается в трактовке вопроса о монизме или плюрализме общественного мнения.

Уледов считал, что при социализме общественное мнение монистично, и это его свойство определяется социальной и идеологической структурой общества, а именно — отсутствием антагонизма в отношениях между классами и важнейшими слоями общества. Он полагал, что единое мнение достигается в процессе борьбы, столкновения разных точек зрения благодаря тому, что все члены общества разделяют общую идеологию и признают ведущую роль КПСС в стране. Конечно, Уледов фиксировал разницу «между уровнем сознания широких масс и авангарда — Коммунистической партии» [35, с. 32–33], но чтобы это обстоятельство не противоречило тезису о монизме общественного мнения при социализме, им были введены понятия формирующегося, складывающегося общественного мнения и сложившегося. Он писал: «Когда формируется общественное мнение, то неизбежна борьба противоречивых суждений. Такая борьба имеет место и в социалистическом обществе. <...> Другое дело, когда мы сталкиваемся уже со сложившимся мнением» [35, с. 88–89].

Грушин относил плюрализм к сущностным, критериальным атрибутам общественного мнения и потому считал его свойством, присущим и социалистическому общественному мнению. Прежде всего он отмечал, что тезис Уледова о делении общественного мнения по отношению «партия — широкая масса» абсолютно не соответствует фактам: в проведённых Грушиным исследованиях не было ни одного случая, когда бы «при обсуждении того или иного

вопроса все говорящие разделились на две группы: коммунистов и беспартийную массу. Коммунистическая партия – наиболее сознательная часть народа. Это так. Но как можно утверждать, что буквально каждый член партии превосходит по уровню своих знаний и своей сознательности всех беспартийных членов общества?!» [10, с. 180]. По Грушину, суть плюрализма мнений заключалась в разнообразии (плюрализме) материальных условий существования людей, он связывал эту множественность со строением социалистического общества. Принципиальное отличие функционирования общественного мнения в социалистическом и буржуазном обществах он видел не в том, что при социализме «постоянно царит единодушие и невозможен плюрализм мнений, а в том, что существование и возможности такого плюрализма здесь *принципиально* ограничены – ограничены, в частности, *отсутствием оппозиции*» [10, с. 186]. Грушин обстоятельно объяснял своё понимание плюрализма социалистического общественного мнения и природу границ плюрализма мнений при социализме, но само обсуждение этих проблем за два десятилетия до начала перестройки и объявления политики гласности, выглядело вызывающим, еретическим.

Третье важнейшее направление деятельности исследователей общественного мнения – выявление и изучение суждений, оценок, установок советских людей. Масштабы, многообразие, географию опросов, проведённых в те годы, ещё предстоит оценить; безусловно, это – тысячи полевых исследований. Если говорить о руководителях наиболее крупных, многоцелевых теоретико-прикладных проектов, то следует отметить Е. И. Башкирову, М. К. Горшкова, Б. А. Грушина, Я. С. Капелюша, В. С. Коробейникова, В. Н. Иванова, И. Т. Левыкина, В. А. Мансурова, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсова, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентоха. В Институте комплексных социальных исследований АН СССР (теперь – Институт социологии РАН) в 1973–1984 годах все опросы общественного мнения – 10–12 в год – были сосредоточены в отделе прикладных социальных исследований и проводились только по прямому указанию отделов ЦК КПСС. Данные опросов публиковались крайне ограниченно, в основном они использовались заказчиком.

Опросы общественного мнения, прежде всего, работающей части населения и студенчества выполнялись во всех регионах, но результаты этих исследований либо вообще не публиковались, так как действовали очень суровые ограничения на распространение этого рода информации, либо кратко освещались в местных малотиражных сборниках. Общую картину сделанного по этому направлению дать крайне сложно, но, может быть, кое-что ещё восстановимо.

Период пятый: конец 1980-х гг. – настоящее время

Два общего плана обстоятельства характеризуют последние 20–25 лет изучения общественного мнения в России. Во-первых, рассматриваемый период стал развитием предыдущего, прежде всего, в нём видна кадровая преемственность. Во-вторых, новый период, возникавший в условиях гласности и становления свободного рынка, исторически, генетически был «обречён» на то, чтобы качественно отличаться от предыдущего.

Прежде всего, в 1987–1988 годах был создан ВЦИОМ с сильной региональной сетью по сбору информации; подробнее об этом будет рассказано ниже. Организацию возглавили Т. И. Заславская и Б. А. Грушин, вскоре они пригласили Ю. А. Леваду с сильной группой аналитиков. Всё это интерпретировалось в стране и на Западе как знак заинтересованности М. С. Горбачева в регулярной информации об отношении населения к проходившим в СССР политическим и экономическим реформам. ВЦИОМ сыграл роль «материнского роя». В начале 1990-х годов большинство его региональных отделений оформились как самостоятельные организации. Из ВЦИОМ вышли и стали успешно функционировать Фонд «Общественное мнение», КОМКОН, структура, называемая в настоящее время группой компаний «TNS Россия». В 2003 году во ВЦИОМ пришла новая команда, а старый коллектив в полном составе создал «Левада-Центр».

На рубеже 1980-х – 1990-х годов в Москве, Петербурге, во многих областях страны стали возникать *независимые* организации, которые по заказам политических структур, прессы, предпринимателей, зарубежных фондов начали зондировать общественное мнение, потребительские установки, отношение к рекламе и так далее.

Несмотря на недостаточно разработанную законодательную базу функционирования негосударственных предприятий, слабость банковской системы, наличие трудностей с приобретением и освоением вычислительной техники, острую нехватку кадров и прочее, находились социологи, устремившиеся в эту новую область исследовательской и аналитико-информационной деятельности. Среди основателей независимых социологических организаций были энергичные, 40–45-летние учёные, со значительным опытом прикладных исследований. Как личности они формировались в эпоху отступления хрущёвской «оттепели» и пришли в науку, когда возможности для профессионального и карьерного роста оказались крайне урезанными. Несколько позже эту новую для российской социологии нишу начали осваивать более молодые специалисты. В целом все, кто открывал «свое дело», ощущали дух, требования ме-

нявшейся в стране политической и экономической обстановки и видели в собственном бизнесе перспективы для личностной и профессиональной самореализации.

К настоящему времени мною собраны, проанализированы и в значительной мере опубликованы биографические материалы о большой группе социологов, в разные годы занимавшихся проработкой теоретико-методологических проблем изучения общественного мнения и проведением опросов. Назову всех их, ибо опыт каждого уникален и в высшей степени ценен для понимания прошлого и восприятия настоящего: Е. И. Башкирова, М. К. Горшков, Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, М. Е. Илле, В. И. Ильин, Я. С. Капелюш, Л. Е. Кесельман, Ю. А. Левада, В. В. Локозов, Р. С. Могилевский, А. Ю. Мягков, А. А. Ослон, Е. С. Петренко, Т. З. Протасенко, Г. А. Сатаров, М. А. Тарусин, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсов, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох, Н. В. Ядов.

Обращение к этим материалам обещает дать объёмную картину того, как представители разных поколений входили в проблематику исследований общественного мнения, как преодолевались многие методические и организационные трудности. Начало изучения собранного массива данных отражено в недавно вышедшей моей книге по современной истории советской/российской социологии [см.: 13]. Несколько сюжетов, рассмотренных там, иллюстрируют, как в последние годы СССР и в период возникновения постсоветской России происходило формирование системы независимых организаций, самостоятельно осваивавших изучение установок населения к проходившим в стране кардинальным политико-идеологическим и социально-экономическим реформам.

Создателем одной из первых в СССР частных исследовательских организаций является Е. И. Башкирова, которая до того многие годы проработала в Институте социологии АН. Свои знания и навыки в области изучения общественного мнения она приобрела в процессе сотрудничества с Мичиганским университетом в США, в частности с Центром социальных исследований, в котором работали Бил Зиммерман, Лэсли Киш (эксперт мирового уровня по выборкам, автор таблиц для случайного отбора респондентов), Говард Шуман и многие другие. Работала она также с Рональдом Инглхартом (США) над проектом «Мировые ценности»; с Люком Хальманом (Нидерланды) и Ж.-Ф. Черния (Франция) над «Европейскими ценностями»; с исследователями Европейской комиссии, отвечавшей за «Евробарометр»; и многими другими. Из материалов нашего интервью я приведу лишь ту часть, в которой рассказывается о создании ею организации РОМИР (Российское Общественное Мнение и Рынок). Вот фрагмент воспоминаний Башкировой:

Решение о создании РОМИРа я приняла в 1989 году. Тогда я ещё работала в Институте социологии, и тот первый РОМИР был создан по согласованию с руководством института. Деньги, которые мы там зарабатывали, шли Институту, хотя договора заключались со мной. Надо сказать, что в тот момент РОМИР очень сильно помог Институту социологии, ведь государственное финансирование было мизерным. Потом возникла довольно странная ситуация: заместитель директора института В. А. Мансуров высказался в том духе, что все клиенты РОМИРа – это клиенты именно Института социологии, и тогда возник некий конфликт интересов. Впрочем, когда из института ушла я, за мной потянулись клиенты, продолжив наше сотрудничество в рамках уже другой структуры.

Уходила я из института вскоре после того, как там прошла аттестация и мне назначили высшую категорию по её итогам. Я и мой сектор вели много актуальных проектов по самым разным проблемам, включая большое количество международных проектов [13, с. 473].

И всё же её сектор сравнительных международных исследований был сокращён. Ей предложили либо остаться работать в Институте социологии, но без её сектора, либо возглавить исследовательский центр конфликтологии при Отделении государства и права Академии наук СССР. Но в Институте ей оставаться не хотелось, а тема конфликтов и конфликтологии была для неё чужой. Поэтому она и её коллеги по сектору и первому РОМИРу зарегистрировали новый РОМИР, арендовали помещение и стали успешно работать. Это был 1992 год.

К началу перестройки Ф. Э. Шереги уже многие годы работал в Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, руководил Отделом социологии, и на его счету было множество исследований по заказам высокого уровня партийных и комсомольских структур. Однако наступили новые времена. В ходе интервью я спросил у него: «Как ты реагировал на весь комплекс событий конца 1980-х?». Вот основные положения его ответа:

Кризис в государстве достиг высокого уровня, и для меня вновь стал актуальным вопрос – как выживать? Я начал искать коммерческие возможности реализации своих социологических навыков и в итоге нашёл «хозрасчётные» работы в Министерстве иностранных дел, Союзе советских писателей, комсомольских организациях, на ряде предприятий. Так в 1988 году началась моя карьера предпринимателя. Благо, для меня эти отношения не были новшеством – с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 года зарегистрировал свою частную

социологическую фирму, которая успешно функционирует и по сей день под названием «Центр социального прогнозирования». Пока это «всёядная» организация, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры для специализации в области информационных услуг, во всяком случае – для прикладной социологии. Она задумывалась как организация по производству информации по экономическому и политическому маркетингу. Однако выжить только за счёт таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного с точки зрения тематики характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств. С фондами я работаю очень редко. С 1990 по 2006 год под моим руководством Центр социального прогнозирования выполнил не менее 400 различных проектов [13, с. 472].

Многие годы работы в негосударственной организации заставляют серьёзно относиться к оценкам Шереги общей атмосферы в стране и возможности ведения бизнеса в информационно-аналитической сфере. Наше интервью завершилось в 2007 году, на тот момент он считал, что бизнес, особенно малый и средний, был серьёзно «задавлен», работало очень трудно. По его мнению, интеллектуальной части общества предстояло долго ждать, пока «тылы» подтянутся к рынку из состояния иждивенчества.

В начале 1988 года А. А. Ослон, математик, софтвер которого использовали для анализа социологической информации, по приглашению Т. И. Заславской начал работать в только что созданном ВЦИОМе. Довольно скоро он стал заместителем Заславской и окупился в массу проблем обеспечения жизнедеятельности Центра.

По его воспоминаниям, в конце 1990 года стали появляться сведения о новых формах организаций, и как-то при выходе со станции метро «Площадь Революции» он в киоске купил примерный проект устава «товарищества с ограниченной ответственностью»; это словосочетание его поразило. По пути на работу он успел прочитать брошюру из нескольких страниц и понять, какой должна быть организация ВЦИОМ. Подобные идеи тогда витали в воздухе, однако никто не знал, как это сделать. Ослон неоднократно обсуждал идею изменения организации ВЦИОМ с Заславской, и когда казалось, что всё ясно, она спросила его: «А у нас начальства вообще что ли не будет?» К этой инновации необходимо было привыкнуть. Вскоре Ослоном был создан Фонд «Общественное мнение», исходно это был своего рода кооператив при ВЦИОМе. Летом 1991 года

вышел закон, потребовавший перерегистрации ФОМ, но он по-прежнему оставался вцпиомовским. Однако через год Ослон с небольшой группой сотрудников ФОМ ушел из ВЦИОМа. Он замечает: «Я уходил не математиком, не хозяйственником, не аналитиком данных, я уходил рыночником, то есть как бы доминантой было позиционироваться, найти своё место и добиться успеха в новой рыночной среде» [13, с. 339].

В течение следующих нескольких лет ФОМ проводил различные опросы политической, социальной, маркетинговой направленности, оттачивал методику, накапливал собственный опыт. Но качественные изменения в его жизнь и деятельность внёс 1996 год, когда Фонд стал частью команды, боровшейся за переизбрание Ельцина на пост президента [см.: 13, с. 339].

В период 1960-х – 1980-х годов опросы проводились преимущественно с привлечением анкетёров, реже – интервьюеров, на общественных началах, и сбор данных обычно проходил по месту работы или учёбы, территориальные выборки использовались в исключительных случаях. К началу 1990-х годов подобная практика перестала существовать, опрос респондентов происходил дома и осуществлялся оплачиваемыми и прошедшими специальный инструктаж интервьюерами.

Принципиально то, что результаты многих опросов стали открытыми, они появились на страницах прессы, комментировались по радио, на телевидении. Исследователь общественного мнения впервые стал публичной фигурой.

Значительная группа опытных исследователей и многие молодые социологи прошли обучение в американских и европейских полстерских и маркетинговых организациях или на курсах, проводившихся в России иностранными специалистами. К концу века российские исследовательские компании освоили западные технологии по сбору и анализу данных и были приняты в международные ассоциации, общества, союзы аналитиков общественного мнения и рынка.

Кроме перечисленных выше организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения, назову также: «Башкирова и партнеры», «Институт социального маркетинга» (INCOMAP), «Институт сравнительных социальных исследований» (CESSI), Международный институт маркетинговых и социальных исследований «ГФК Русь» (GfK RUS), «РОМИР», «Центр социального прогнозирования и маркетинга», «Циркон» и ряд других организаций.

В апреле 2001 года была образована и успешно действует Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89», она объединяет около 120 исследовательских компаний, работающих в Москве, Петербурге и почти в 30 регионах России.

«...ИЗ ОБЫКНОВЕННОГО, БАНАЛЬНОГО КОМСОМЛЬСКОГО АКТИВИСТА...».

Борис Андреевич Грушин родился в Москве в 1929 году.

В одном из интервью Грушин сказал: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было 4 класса образования, но человек это был совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 года. Фронтвик – ушёл добровольцем в первые же дни, хотя у него тогда уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А. Г. Зверева. Мне с генами передались от него два качества: честность в делах (до глупости) и аккуратность. У меня они выродились в этакий “перфекционизм”, я – “отличник по определению”. Отец оказал на меня огромное влияние» [7]. В личном письме Грушин, кроме того, сообщил мне, что его отец, будучи комсомольским и партийным активистом, быстро продвигался по службе и, став директором пекарни, был избран в Московский совет депутатов. Хотя у него не было особого образования, в середине 1930-х Моссовет направил его в Московский репертуарный комитет, утверждавший спектакли всех московских театров.

В воспоминаниях архитектора Андрея Станиславовича Косинского, одноклассника и друга Грушина, есть описание школы, в которой они по возвращении из эвакуации начали учиться первого сентября 1943 года в седьмом классе. За одной партой они просидели четыре года, а их дружба сохранилась навсегда. «Школа эта находилась в рабочем районе на улице Щипок недалеко от Павелецкого вокзала. Она была уникальна. Директор ходил в кирзовых сапогах, в стёганом ватнике, в шапке-ушанке, с болтающимися ушами, почему-то всегда с топором за поясом и не брезговал прибегать к “спектральной технологии”, отчитывая провинившихся. Учителя накануне урока прочитывали в учебниках нужный материал и на другой день, запинаясь, произносили его перед нами. Помню, каких мучений доставляло нашей “историчке” имя “Навуходоносор”. И ученическая масса, за редчайшим исключением, была отменная шпана с воровством, драками, со своими главарями...» [36, с. 27].

Уже в первые дни знакомства ребят выяснилось, что оба они любят музыку, особенно оперу. Большой театр и консерватория тогда не работали, но в Колонном зале проходили прекрасные симфонические концерты и оперы в концертном исполнении. Тогда они окунулись в музыку Бетховена, Шопена, Чайковского, Бородина, там слушали «Самсона и Дали-

лу», «Садко», «Царскую невесту», познакомились с творчеством великих певцов.

Через два года они и ещё несколько их одноклассников были переведены в другую школу. Здесь всё было иначе: иной район, иной коллектив соучеников и преподавателей. Там они испросили разрешения написать одно общее сочинение о Большом театре. Усердно работали два месяца, собирали материал, в том числе – в архивах Бахрушинского музея. Сдали сочинение, получили по пятерке и забыли. Но незадолго до выпускных экзаменов в школу пришла весть. Оказалось, что среди школьников страны был проведён всесоюзный конкурс, посвящённый 800-летию Москвы, на который было представлено около сорока тысяч сочинений. Их сочинение получило первую премию.

Сказанное выше приобретает объёмность благодаря информации, присланной мне Наталией Георгиевной Карцевой, вдовой Бориса Андреевича:

Борины родители были замечательные люди – добрые, порядочные, заботливые. Отец, сам не большой книголюб, оставил двум своим сыновьям огромную библиотеку классической литературы – русской и мировой. В своём министерстве финансов он отвечал за подписку на книги, и сам ничего из выходящего не пропускал. А Боря к тому же получил после его смерти сотни пластинок, которые отец собирал всю жизнь. Сейчас это просто бесценные музейные экспонаты.

И ещё очень характерная для семьи история: малым детям (брат моложе Бори на восемь лет) нашли няню, шестнадцатилетнюю девочку из деревни. Когда дети подросли, и она уже была им не нужна, её оставили жить с семьей в крошечной коммунальной квартире и более того отправили учиться на повара. Когда я с ней познакомилась, она работала в арбатском магазине «Диета» – все старые москвичи его хорошо знают – начальником кондитерского цеха и, уже имея свою семью, оставалась и членом грушинской.

О музыке. Кто из мальчишек мечтает стать философом? Боря мечтал стать дирижёром. У него был абсолютный слух, и до войны он учился играть на скрипке. Война спутала карты, и когда семья вернулась в Москву из эвакуации, возможность серьёзно заниматься музыкой была упущена – тут, как и в балете, надо начинать гораздо раньше. Но безумную любовь к музыке он сохранил на всю жизнь. В основном он работал дома и всегда отгораживался от всей домашней суеты стеной из музыки. И с этим у нас связана одна забавная история. Когда Оля была маленькой, мы нашли няню – немолодую глуховатую женщину. Она целый день слышала за дверью кабинета музыку, но не слышала пишущей машинки, поэто-

му когда я возвращалась вечером с работы, она очень мне сочувствовала – раздевайтесь скорее, говорила, я пока не ушла, принесу вам чай, а этот – свирепый взгляд в сторону Бори, – пусть идёт гулять с ребёнком.*

В 9 классе в школе был создан комсомольский клуб. Сочиняли и ставили спектакли, устраивали концерты, приглашали гостей. Образовалась небольшая группа, началась новая жизнь, и тут Грушин выдвинул идею: окончим школу и будем жить вместе «коммуной». Правила строгие: деньги общие, влюбляться нельзя ни внутри, ни вне, – будет нарушено равноправие, никаких тайн друг от друга и т. д. Эта неосуществимая идея просуществовала до конца школы и тихо заглохла.

По мнению Косинского, семьи Грушина «не коснулись репрессии 30-х годов, и он по убеждениям был абсолютным большевиком. Свято верил в наступление коммунизма в ближайшее время. “Ты только посмотри, – кричал он мне, – Бошнян утверждает, что коммунизм наступит через 5 лет! Лепешинская в пробирке уже вырачивает нового человека! А какие перспективы открывает Лысенко!”. Все мои сомнения по этому поводу отвергались в самой категорической форме» [36, с. 30].

Начало учёбы Грушина в МГУ ярко описал М. С. Хромченко: «Золотой медалист, ещё в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсомольца в кожанке, хотя и без маузера, его выражение, не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал ещё в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [37, с. 32–33]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям И. С. Ладенко, автора множества работ по философии познания, формировавшегося в московской школе методологов, однажды в кабинет Генералиссимуса, ра-

* Электронное письмо Н. Карцевой Б. Докторову от 20 ноября 2013 года.

ботавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов. ...Вождь предъявил им «Учебник логики» для гимназий Г. Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения её советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание – обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях [см.: 38]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства» [39, с. 205].

Через много лет, в 2000 году, Грушин так вспоминал период студенчества: «Кстати, это время, 1947–1952 годы – время при жизни Сталина, было временем гигантских, трагических событий. Один 1949 год чего стоил – когда в течение года была и кровавая, и бескровная, но острейшая, напряжённейшая борьба с так называемыми космополитами. Потом знаменитый процесс 1951 года, связанный с врачами. То есть ситуация была до предела накалена в политическом и идеологическом смысле» [40, с. 12]. Он писал, что ситуация на факультете была достаточно напряжённой, однако там чувствовалось очень серьёзное брожение в умах. В частности, он связывал это с тем, что вернулись с фронта с новыми идеями совершенно светлые умы, люди типа Э. В. Ильенкова, В. Ж. Келле, А. А. Зиновьева. Они видели мир, они первыми прорвались за «железный занавес», и вернулись, увидев совершенно иные образцы, иные формы жизни, нежели те, которые были присущи тоталитарному сталинскому обществу.

Университетские годы Грушина прошли в напряжённых философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «Московский методологический кружок» (ММК). Кружок возник в начале 1950-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Основателями, ядром ММК были четыре человека, каждый из которых внёс значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), которого, вспоминает в одном из интервью Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из-под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете он

учился на механико-математическом. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 году Зиновьев был выслан из СССР; в Россию он вернулся в июне 1999 года.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994). Проучившись три года на физическом факультете МГУ, он отказался заниматься атомной тематикой и в 1949 году перевелся на философский факультет, который с отличием окончил в 1953 году. В течение многих лет круг его научных интересов включал структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления. В 1968 году Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительству в поддержку правозащитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали: исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Через несколько месяцев он нашёл новую работу и сконцентрировался на проблемах семиотики и теории понимания, особенностях проектного, планирующего и программирующего мышления, перспективах развития соответствующей методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название «организационно-деятельностные игры».

Младшим в этой четвёрке и позже всех примкнувшим к ней был Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990), один из крупнейших философов второй половины XX века. Он был прирождённым мыслителем. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал: «Для меня самым главным в нём было то, что этот человек был как бы задан один раз и навсегда в готовом виде. Это меня потрясло больше всего... Если я когда-либо встречал так называемого неконформиста, то это был прежде всего Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 году... когда у нас начала складываться... группа людей, которая чувствовала всю несуразность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внёс какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990-м» [41].

За несколько лет до смерти Грушин вспоминал: «Действительно, наша четвёрка являла собой беспрецедентный образец мужской дружбы. Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров» [42]. Примерно то же незадолго до смерти сказал Мамардашвили: «...Это было завязкой дружеских связей, связей заговорщиков личностного бытия интеллектуальной, идеально-содержательной дружбы, то есть явления, которое исключалось существующим обществом. Если дружба случалась, то уже сама по себе она становилась разрушительной оппозицией по отношению к тогдашнему обществу» [43].

Участники ММК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они называли подобных “художников” диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [43]. Грушин вспоминает: «...Поначалу мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”. Вот как это всё выглядело на самом деле».

В одном из своих интервью Грушин кратко охарактеризовал поиски диастанкурами своего видения мира и философии. «До появления “диалектических станковистов”, – сказал он, – логика делилась на диалектическую и формальную. Диалектическая была просто болтовнёй, потому что формулы “отрицание отрицания”, “единство и борьба противоположностей” к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. Речь (у нас. – Б. Д.)... шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае... Мы же стремились раскрыть приёмы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. ...Мы назвали эту логику гене-

тически-содержательной – содержательной в том смысле, что мы пытались раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные» [42].

Образование Московского логического кружка – это из ряда флуктуаций. Прежде всего появление диастанкуров надо рассматривать как возникновение, проявление одной из маловероятных – почти невероятных – редких форм (мутаций) социокультурной рефлексии событий, происходивших в СССР в первые послевоенные годы, и уже затем как прямое следствие начинавшегося изменения в подготовке советских философов. Другими словами, историчность появления диастанкуров – что стало первым шагом на пути к возникновению опросов в СССР в 1960-е годы – видится нам в случайности, которая могла проявиться на рубеже 1940-х – 1950-х и которая реализовалась.

Конечно, приведённое объяснение парадоксально, но эта алогичность созидательна, и потому в принципе объяснение такого рода не является уникальным в истории науки, более широко – в истории изобретений. Мы же приводим такое объяснение ещё и потому, что оно содержится в воспоминаниях Мамардашвили о возникновении Московского логического кружка. Отправным для Мамардашвили (он говорил это в 1990 году) было признание существования пропасти в развитии культуры страны, имелись в виду «1917 год и всё, что за ним последовало». Признавая отсутствие прошлого, он одновременно отмечал бессмысленность ностальгирования и попыток восстановить прошлое: «Ну, нет его и быть не может, это всё исчезло физически». И далее, он говорил, что новое может возникнуть, произрасти лишь в «человеческом материале, какой есть». Так, по мнению, Мамардашвили и появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева что ли вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...».

Мамардашвили отмечал, что их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, – говорил Мамардашвили, – это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс» [43].

При анализе биографий американских исследователей общественного мнения не раз отмечалось влияние, которое оказали на их творческую судьбу университетские преподаватели. По воспоминаниям Грушина, он и его друзья оказались в иной ситуации: «...Мы понимали, что предлагаем нечто принципиально новое, которое нельзя наряжать в старые одежды, из

этого и возник наш станковизм. Но, выступая не только против... монстров от науки, объявляя другую точку зрения, мы должны были не менее резко дистанцироваться и от их оппонентов, а это означало выступать и против Павла Сергеевича Попова, и обожаемого нами Александра Сергеевича Ахманова, и Валентина Фердинандовича Асмуса, в домашней библиотеке которого я чувствовал себя как дома» [37, с. 51–53].

Кружковцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал превращение сделавшего этот выбор в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестерёнки. Они отыскиали свою тематику на пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть своё отличие от идеологизированных трактовок Марксовой диалектики.

С темой собственных исследований Грушин определился рано: это было изучение логики «Капитала». В 1952 году он окончил МГУ, с дипломной работой «Проблема логического и исторического в “Капитале” Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приёмы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нём вычленялись определённые универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках И. Ладенко писал о диссертации Грушина: «...Его интересы не ограничивались анализом “Капитала”; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приёмы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического, Б. Грушин выходил за границы того, что было в “Капитале”, и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввёл представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приёмов и способов мышления» [38].

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у Учёного совета, и в 1955 году диссертанта провалили на защите. Много позже Грушин так описывал сложившуюся ситуацию: «Мне не просто прова-

лили диссертацию, а дали “волчий” билет, я никуда не мог устроиться на работу. Куда я ни приходил – меня не брали! Ни в один институт. Конечно, у меня была возможность устроиться в школу, но мне такая работа очень не нравилась. У меня родился ребёнок, нужно было зарабатывать деньги для семьи. А я не умел ничего! Кто-то подрабатывал грузчиком, но я с этой точки зрения никуда не годился».

Наталия Георгиевна Карцева, более сорока лет прожившая вместе с Грушиным, замечает о своём муже: «Борис был очень аккуратен по отношению к своим бумагам, но... Он никогда и ничего не выбрасывал. <...> Казалось бы, кому нужны документы со всех промежуточных этапов работы? Зачем после сражения генералу перетряхивать все солдатские портянки? Борис знал зачем. Он начал собирать информацию, имеющую отношение к его жизни, по-моему, едва научившись писать. Во всяком случае дневник он вёл с восьмого класса, а последнюю, отчаянную запись сделал накануне отъезда в больницу, из которой уже не вышел» [44, с. 369].

В цитированных выше воспоминаниях Косинского отмечено: «Уже в свои 14 лет Борис Андреевич был (в отличие от меня) крайне организованным человеком. Каждый день его был расписан до мелочей. Он ничего не забывал и не пропускал» [36, с. 29]. С этим же мы встречаемся в описании Грушиным процесса поиска им работы: «...Я прошёл 21 адрес. Я был жутким педантом, как и Щедровицкий. У меня на стене висел плакат, где я отмечал у каждого адреса – придите завтра, придите послезавтра. Причём в ход пошли самые нелепые адреса: с помощью тестя я пытался попасть секретарем к Главнокомандующему танковыми войсками! А философские институты были для меня закрыты, так как они находились под пятой академиков» [42].

В 1957 году Грушин защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов и выступили 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь – в ВАКе. Всё завершилось только в 1958 году. Но всё равно на партийных собраниях философского факультета постоянно вспоминали о ревизионистах, антимарксистах, формалистах, позитивистах Зиновьеве, Щедровицком и Грушине. И лишь в 1959 году декан предложил: «Давайте Грушина оставим в покое! Всё-таки он – редактор отдела пропаганды в “Комсомольской правде”, в центральной газете!»

В 1961 году кандидатская диссертация Грушина была опубликована в виде монографии [см.: 45].

ЧЕЛОВЕК ИДЕАЛОВ И ИДЕЙ

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший сказал о своём отце: «Он был человеком идей и идеалов» [46]. Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, но в первую очередь, она относится к Грушину. Слова сына Джорджа Гэллапа были спонтанной реакцией на вопрос интервью, в равной мере он мог бы сказать и иначе: «человек идеалов и идей»; подобное изменение порядка слов было бы оправданным. Многие называли Гэллапа-старшего романтиком, считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Но он, будучи представителем десятого поколения американцев, ощущал своё предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени и называл себя апостолом демократии.

При последней моей встрече с Грушиным, у него дома в феврале 2007 года, я рассказал о соотношении идей и идеалов в творчестве Гэллапа и отметил, что собираюсь продолжить изучение жизни и дела Грушина в рамках этих понятий. И добавил, что применительно к нему буду говорить прежде об идеалах и затем – об идеях. В моём понимании лишь идеалист, мечтатель был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили о Грушине его друзья, с такой «идеей-фикусом».

Поскольку в те годы, по большому счёту, было много и много спокойнее, возможно и «хлебнее», не заниматься социологическими исследованиями, чем пробивать их, то думается, что подобное соотношение идеалов и идей достаточно характерно для ряда пионеров советской/российской социологии. С одной стороны, представления о возможности улучшения, трансформации общества на базе научных построений о нём было стимулом и движителем их деятельности в 1960-е – первую половину 1970-х годов. Потом социология стала профессией, и уже не требовалось мощных дополнительных стимулов – внешних или внутренних – для продолжения исследовательской работы. С другой стороны, масса обстоятельств, принципиально ограничивавших планирование научных поисков и повседневную исследовательскую практику, не могли не сдерживать креативность советских социологов. Система организации и функционирования социологии как науки, идеологические барьеры, самоцензура, урезанные, перекошенные контакты с западной социологией не позволяли учёным в полной мере проявить свои возможности в области теоретических построений и методических решений. У многих ведущих социологов страны были проблемы с получением одобрения соответствующими инстанциями тем, которые считали важными для углублён-

ного анализа, с созданием измерительного инструментария, с сбором и обработкой первичной информации, с публикацией полученных результатов.

На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым»; ни левым, ни правым; ни либералом, ни консерватором; ни русофилом, ни западником; ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты – даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле».

Это не означает, что Грушин не имел своей позиции по острейшим политическим событиям и был безразличен к тому, что происходило внутри социологического сообщества. Легендарным, обросшим многими мифами стало его участие в конце 1960-х годов в совещании в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на котором резкой критике, проще – разносу, была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. На обсуждении выступил Грушин, он поддержал Леваду и сказал: «Время покажет, кто стоял на пути развития социальной науки, а кто лежал, причём не вдоль, а поперек». И добавил в адрес сидевших в президиуме: «Мёртвые хватают живых» [39, с. 214]. Вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады»; эти слова принадлежат Ф. В. Константинову, философу-академику и крупному партийному функционеру [см.: 39, с. 214].

В одном из своих интервью Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [9, с. 133]. Это верно; однако, думается мне, дух окуджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» оставались в нём. Как и всегда было в нём «настоящее буйство», о котором писал Владимир Высоцкий, и неистовство, которое присутствовало в образах коммуниста в известном фильме с Евгением Урбанским и комиссара, сыгранного Нонной Мордюковой. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором всё подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашёл тему исследований, но и распределил главную линию своей жизни. Однако он быстро распознал в них свою судьбу и занимался ими, по его словам. «нещадно и вопреки всему» [43].

Выше отмечалось, что в США имелись весомые социальные предпосылки для возникновения в стране в первой половине XIX века простейших опросов общественного мнения, а примерно через сто лет – научной, или гэллаповской, технологии изучения мнений населения.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, двигателем его деятельности были его идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слушать и слышать мнения людей. Потому так важно понять, откуда всё это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

Могли ли абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да; просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нём. Настоящая философия – социальна и моральна, и Грушин воспринял её ядро. Будучи диалектиком, он не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Но сама по себе жизнь в атмосфере политической «оттепели», его работа в редакции «Комсомольской правды» не объясняет грушинского «куража», его многолетней заряженности на изучение мнений населения. Значительные группы молодой городской интеллигенции того времени читали «Новый мир» и «деревенскую» и «окопную» прозу, слушали и пели песни А. Галича и Б. Окуджавы, смотрели «Заставу Ильича» и ломились на спектакли театра «Современник». Однако для биографического анализа необходимо более личностное, весьма специфическое. По большому счёту, этой «уникальностью» была работа Грушина в газете «Комсомольская правда» и его знакомство с огромной почтой, приходившей в это издание. Но нужна была некая априорная установка, позволившая бы ему в письмах читателей увидеть «знак судьбы» – заказ на изучение общественного мнения.

Приступив к опросам, Грушин «поменял» предмет исследования: от изучения научного мышления он перешёл к массовому, и опросы стали его естественным инструментом. Не зная опыта Гэллапа, находясь в принципиально иной политико-экономической и социально-нравственной среде, чем американские отцы-основатели опросов, и оставаясь при этом философом, развивавшим теорию познания, Грушин пришёл к тому же эм-

пирическому методу познания установок, что и они. Здесь мы имеем очень интересный науковедческий инвариант.

Утверждение о том, что постхрущевская социология является продуктом, продолжением, рефлексией «оттепели», верно, но подобная формулировка имеет слишком общий характер и соответствует институциональной трактовке истории советской/российской социологии. При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии её активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погружённости в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы «оттепели».

Если говорить о Грушине, то прежде всего следует отметить, что появление группы диастанкуров – следствие начинавшегося потепления политического климата в стране. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским... каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, её нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выражалось, в частности, походами – не попойками, ...по Москве большими компаниями молодёжи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [43]. В середине 1990-х Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...Мы все ходили по краю бездны» [39, с. 207].

Здесь мне представляется важным указать тему, которая ещё не обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьёзно углубить понимание генезиса нашей науки, особенностей её развития и характера деятельности ряда социологов. Речь идёт о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов. Эта тема периферийна, если вообще может быть прописана в рамках институционального изучения истории отечественной социологии, тем не менее она становится значимой, если входит в историю через биографии социологов. Безусловно, человек на протяжении всей его жизни в том или ином виде всегда соприкасается с различными формами неофициальной культуры. Но не требует доказательства утверждение, что для становления его как личности особое значение имеют его контакты с нею в ранней молодости.

В биографиях социологов, публиковавшихся в последние годы в «Телескопе», присутствует множество сюжетов, подчёркивающих роль, которую сыграли в становлении этих людей их, пусть даже временная, погружённость в мир неформальной культуры. До начала 1970-х в СССР, говоря о направлениях развития культуры в стране, избегали использования терминов «андеграундная культура», тем более – «контркультура». Но эти течения всегда существовали.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Татьяна Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронтвики читали свои стихи. В 2006–2007 годах в нашем электронном интервью она писала: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жёстко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили её ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут – такие прекрасные люди и такие замечательные стихи» [16].

Борис Фирсов, окончивший в 1954 году Ленинградский электротехнический Институт (ЛЭТИ), вспоминает широко известный в Ленинграде в середине 1950-х студенческий спектакль «Весна в ЛЭТИ», одним из создателей которого он был [см.: 47]. Игорь Травин, обучавшийся на историческом факультете МГУ в конце 1950-х, отмечает особое влияние на него Московского фестиваля молодёжи 1957 года; то были две недели, которые потрясли его мир. Кроме того, он упоминает мастерские художников и выставки, а также концерты и фестивали Московского джаз-клуба [см.: 48]. Эдуард Беляев, в 1959 году окончивший философский факультет ЛГУ и раньше большинства своих ровесников и людей более старших начавший работать в социологии, не бывал на «капустниках» (закрытых для широкой общественности артистических вечерах), не интересовался песнями Высоцкого, но был увлечён джазом. Правда, прежде всего его интересовала музыка; социально-политические коннотации, связанные с джазом, оставались на втором плане [см.: 49]. Людмила Панова, которая в те же годы была студенткой Ленинградского кораблестроительного института, тоже говорит о полузапрещённых джазовых концертах и спектакле «Весна в ЛЭТИ». И через полвека она замечает: «...Мы на него ходили и удивлялись. что, наконец, с нами говорят тем

языком, который нам понятен и близок. <...> ...Не было никакой тяжеловесности, вранья, вымученной идеологии, которой было так напичкано всё вокруг» [50, с. 4].

В очерке о Галине Старовойтовой было показано, что многое в её гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» – элементом андеграундной культуры Ленинграда 1960–1970-х годов [см.: 51]. То же можно отнести к особенностям социологического мышления Валерия Голофаства [см.: 52]. Для Старовойтовой «Сайгон» был скорее всего местом истока её будущей правозащитной и политической деятельности, для Голофаства – местом общения с представителями андеграундной поэзии. Значение «сайгонского сообщества» в становлении её собственного критического отношения к советскому обществу отмечала в своём эссе-интервью Елена Здравомыслова [см.: 53]. Да и заголовок её эссе 2010 года, в котором «Сайгон» очерчивается как пространство негативной свободы, указывает на то, что это прошлое остаётся актуальным для неё [см.: 54].

В этих трёх случаях речь идёт о располагавшемся в центре Ленинграда кафе, за которым закрепилось имя «Сайгон», в нём собирались молодые представители богемы и диссиденты. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

В начале 1970-х свой «Сайгон» был у Владимира Ильина [см.: 55]; это «шестёрка» – общежитие ЛГУ № 6 на Мытнинской набережной. Это был своеобразный Ноев ковчег, в котором жили студенты со всех концов света. Его соседями по комнате были японский социалист, племянник крупного бизнесмена из Токио; иракский коммунист, бежавший из Ирака от преследований Саддама Хусейна; а также выходец из элитной цейлонской семьи. О мире он узнавал не из советских газет, а во время бесконечных распитий чая, вина и водки, постоянных разговоров на кухне и лестничных площадках. Туда модные диски привозились из Хельсинки, Стокгольма и Парижа. Там ходили книги не из книжных магазинов, хотя Солженицын давался только совсем своим. Здесь он впервые прочёл ахматовский «Реквием». В его комнате пару лет готовилась стенная газета «118-я Правда» (118 – по номеру комнаты), он был её главным редактором. Когда газету закрыли, он начал издавать иллюстрированный журнал «Жизнь “шестёрки”», но его он показывал только своим.

Интересна своей многокрасочностью среда, в которой проходила ранняя социализация Франца Шереги – Закарпатская Украина [см.: 56]. Там столетиями сменялась власть, и население не успевало перевечивать «государственные языки»,

гимны и законы, люди веками были абсолютно отчуждены от любой государственности и обладали «генетическим» иммунитетом недоверия к любой официальной информации. Там все с детства говорили на двух-трёх языках и самоидентифицировались по конфессиям, а не национальностям. Там до 1960-х годов социализм и советская «оккупация» воспринимались как временные явления, и потому многие «от природы» были политиками, социологами.

Имеющиеся в моём распоряжении материалы позволяют привести массу различных форм погружённости советских/российских социологов первых поколений – особенно в периоды ранней социализации – в различные ниши неформальной культуры и контркультуры. Полагаю, что в будущем это всё найдет отражение в исследованиях процесса становления отечественной социологии.

Многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его контактом с «пивным» и «банным» миром Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Эта любовь к пиву стала импульсом для написания Грушиным книги *«In pivo veritas»* (Истина в пиве) [см.: 57], в которой он проявил себя и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель пива и уникальный знаток пивной культуры. Когда Грушин работал в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма», он в поисках материалов по массовому сознанию «затеял» ходьбу по пражским пивным. Цель – собрать пивной фольклор, то есть настенные тексты разного рода, которые выражают отношение между пивом и различными сторонами жизни людей, в частности – пражан. За четыре года было осуществлено около 200 выходов в пивные, два выхода в неделю, по средам и субботам: примерно три пивных. В первой – первая кружка, во второй – две и мелкая закуска, в третьей – три и ужин. В интересном видеофильме «Цитаты из жизни», рассказывая о работе над этим проектом, Грушин говорит: «946, внимание, – 946 питейных заведений пройдено в Праге, не миновал ни одной улицы, ни одного переулка, ни одного мало-мальского закутка...»; он выучил чешский язык и нанёс на карту города все пивные. Было собрано более 600 текстов со стен, из которых 360 были интересовавшие его афоризмы. Книга *«In pivo veritas»* – это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и одновременно гимн пиву*.

* Фильм Виктора Васильева «Цитаты из жизни» <<http://www.youtube.com/watch?v=9HYyJ2DeEnY>>

Владимир Бачишин, студент МГУ и участник Грушинского семинара, а потом коллега Грушина вспоминает: «Хорошей традицией семинара, руководимого Б. А. Грушиным в 1982–1989 гг. в стенах факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, была дегустация пива. Она проходила один раз в год. Автор этих строк покупал в посольстве ЧССР несколько ящиков пива “Пльзенский Праздрой”. Когда их в первый раз в 1983 году увидел Борис Андреевич, он сказал мне: “Ещё не выпили, но уже уважаю!” <...> Чуть позже я узнал, что Борис Андреевич – большой специалист не только в вопросах пива, но и в пражском пивном фольклоре» [58, с. 404].

Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, неперенной частью среды его бытования.

Здесь я мог бы поделиться собственными впечатлениями о посещении с Грушиным бани и о разговорах о пиве... но представлю слово другим...

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек... которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то оседать: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до Кировской, или идти ещё куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли» [59]. Теперь – фрагментизированные воспоминания Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «...БА был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики» [60].

Дополню сказанное цитатой из текста американского советолога и историка Стивена Гранта, подружившегося с Грушиным в конце 1980-х: «...То, что он был и остаётся знатоком и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собственном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских *rathskeller* (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане» [5, с. 424].

Теперь – короткий рассказ в духе Хармса, написанный в 1988 году Э. Ю. Соловьёвым, называется он «Кто известен, а кто велик»:

Пригласил Грушин Сократа в баню. Когда они, обнявшись, вышли из парилки, Сократ задал Грушину такой вопрос:

– Скажи мне, юный друг, почему тебя именуют известным, Ойзермана видным, Рассела – выдающимся, а меня – великим?

Может быть, я написал больше, чем каждый из вас?

– Конечно же, нет, Сократ, ибо всем ведомо, что ты ничего не писал.

– Может быть, я знаю больше, чем каждый из вас?

– И это неверно, потому что, как помнит всякий, ты знаешь только то, что ничего не знаешь.

– А не в том ли дело, что я выражаюсь точнее и изящнее Рассела?

– Боюсь, что в этом ты ему уступаешь.

– Или забочусь о своей репутации более Ойзермана?

– Это едва ли возможно.

– Но тогда следует допустить, что и величие, и известность, и заметность существуют не в самих вещах, а лишь во мнении о них...

– В общественном мнении, – уточнил Грушин и завернулся в простыню [61, с. 138].

Тому, кто сам хоть иногда бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Ты одновременно существуешь, и тебя нет: ты – как другие, и другие как ты... ты «уважаешь» окружающих, и они «уважают» тебя... Пивная и баня (в силу их демократизма) были одновременно и школой свободомыслия Грушина, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал изучать его профессионально.

Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьёзными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодетельная и бардовская песня, анекдоты, изредка прорывавшиеся сквозь цензуру кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырёх лет вёл семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи Высоцкого, песни Пугачёвой, сочинения Жванецкого, рассказы Хармса. Им было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа. Под его руководством было защищено несколько диссертаций,

в частности – «Анекдоты на тему: русские и другие». Было изучено свыше сотни анекдотов о том, как себя ведут русские и другие нации в тех или иных ситуациях, начиная с политики и кончая сексом [см.: 9, с. 141].

В упомянутой выше статье Грант пишет: «В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объём его коллекции, без сомнения, затмевает количество собранных мною анекдотов, хотя это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного – современных» [5, с. 424].

В небольшой статье философа Н. В. Мотрошиловой, многие годы дружившей с Грушиным и его женой Н. Г. Карцевой, есть такой сюжет: «Боря Грушин в свою диссертацию включил целый ряд анекдотов. Однажды я ему сказала: “Боря, у тебя, по моему, по каждой теме есть анекдот”. Он отвечает: “Да, и на эту тему тоже есть анекдот”. И рассказывает: “Приезжают люди на постоянный двор и видят там стрелы, а вокруг мишени. Гости спрашивают: “Кто так хорошо стреляет?” Им отвечают: “Наш сын”. “Сколько ему лет?” “Пять”. “Как же он так метко стреляет?” “Всё очень просто – сначала он стреляет, потом мы рисуем мишени”. Так и он умел создавать ситуации, чтобы возникало что-то юмористическое» [62, с. 40].

В связи со сказанным, приведу ещё одну выдержку из письма Н. Г. Карцевой, которое дополняет воспоминания Н. В. Мотрошиловой: «...Их с Юрой Замошкиным дом был самым любимым местом встречи всей нашей постоянной компании, в которую входили Мераб, Эрики (так коротко назывались Эрик Соловьёв и его жена Женя Фролова – тоже философ), Саша Зиновьев с женой, мы с Борей и время от времени – Игорь Кон, Виталий Вульф, Галина Волчек и другие популярные в то время люди»*.

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX века как «шизофренического», название

* Очень живой рассказ Н. В. Мотрошиловой, вдовы социолога и политолога Ю. А. Замошкина, о названных здесь людях вошёл в цикл из восьми документальных видеофильмов А. Архангельского «Отдел»: фильм 1 «Счастливая завязка» <<http://www.youtube.com/watch?v=nlPdAH41uis>>; фильм 2 «Рождение свободной мысли» <<http://www.youtube.com/watch?v=3WZzanjnD0o>>; фильм 3 «Позолоченная эмиграция» <<http://www.youtube.com/watch?v=jiNJaQuUcPQ>>; фильм 4 «Искусство жизни под водой» <http://www.youtube.com/watch?v=jv_Ul369VrM>; и другие.

его передачи на «Радио “Свобода”» – «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи – «Учёный совет при Чингисхане» – это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погружённости в смеховую культуру. На это указывает и уже упоминавшаяся реплика Грушина о том, что время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причём не вдоль, а поперек. Я часто вспоминаю ещё один грушинский афоризм, подчёркивающий своеобразие американской культуры: «Американцы? Они очень похожи на людей».

Ещё один диастанкур, Александр Зиновьев, проявил себя не только как логик, философ и социолог, но и как писатель-сатирик, мастерски использовавший образцы, традиции советской смеховой культуры. Достаточно вспомнить некоторые названия его книг: «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Пара беллум», «Катастрожка», «Глобальный человек».

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Итак, после провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. В день его 75-летия, отвечая на вопрос О. Кучкиной о том, как он попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. После долгой безработицы. Я никогда не думал, что могу стать журналистом». И далее: «Жена Зиновьева Тамара Филатова сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью “Главная экономическая задача СССР” – не помню, какая. Я сохранил все заметки в “Комсомолке”, включая “Уголок орнитолога”, который вёл, а эта не сохранилась» [63, с. 425–426]. Главный редактор заинтересовался той статьёй Грушина, так в апреле 1956 года он попал в газету. Грушин считал это чудом, «Комсомолка» была тогда лучшей советской газетой.

Отсчёт времени следует вести со второй половины 1950-х годов, когда «Комсомольскую правду» возглавлял Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущёвской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. «Комсомолка» того времени отличалась особым стилем и духом: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодёжь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. На работу Грушина принимал Аджубей. Много позже Грушин заметил: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Многое шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками... Они создали климат честности» [9, с. 136].

Первые три года в газете для Грушина были тяжёлыми – от сознания, что он вынужден был отказаться от любимого дела. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащённым математически и пошёл учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он всё же вернулся бы в логику, но к 1960 году у него постепенно изменились научные интересы: от изучения научного сознания он перешёл

к анализу сознания массового. Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей – не только моих, но и тогдашнего главного редактора “Комсомолки” Ю. П. Воронова, её будущего главного редактора Б. Д. Панкина и моего зама В. В. Чикина» [39, с. 208]. Расскажу кратко об этих людях; ведь они стояли у истоков эмпирического изучения общественного мнения в нашей стране.

Все они были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет. Старшим был журналист, партийный работник, поэт Юрий Петрович Воронов (1929–1993). Он пришёл в «Комсомолку» в 1954 году уже опытным газетчиком, ряд лет был заместителем Аджубея и успешно вёл газету до середины 1960-х годов. Ленинградец, блокадник, он представлял лучшую, граждански наиболее зрелую часть того поколения, о котором сказал: «Им в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта». В годы перестройки Воронов был заведующим отделом культуры ЦК КПСС и недолго – главным редактором «Литературной газеты».

Интересна и многогранна жизнь Бориса Дмитриевича Панкина (род. 1931), журналиста и дипломата. Окончив в 1953 году факультет журналистики МГУ, он два десятилетия работал в «Комсомолке». В начале 1980-х он стал дипломатом: с 1982-го по 1990 год Панкин был послом в Швеции, а с 1990-го по август 1991 года – в Чехословакии. Он оказался единственным советским послом, открыто осудившим в 1991 году путч и создание ГКЧП. М. Горбачёв назначил его министром иностранных дел; таким образом, Панкину суждено было стать последним министром иностранных дел СССР. В 1991–1993 он представлял СССР, затем Россию в Великобритании. Уже много лет Панкин живёт в Швеции, продолжает журналистскую деятельность и опубликовал ряд исторических и литературоведческих книг.

Валентин Васильевич Чикин (род. 1932) участвовал не только в обсуждении идеи опросов общественного мнения, но и в их организации; он, отмечает Грушин, был первым и долгое время единственным, кроме руководителя, сотрудником Института. Чикин окончил факультет журналистики МГУ и, по его словам, десантировался на 6-й этаж (расположение редакции «Комсомолки» в здании издательства «Правда») в 1956-м, ещё студентом... а ушёл в 1971-м с поста первого заместителя главного редактора [см.: 64]. С 1971 года деятельность Чикина связана с газетой «Советская Россия», с 1986 года он возглавлял её редакцию. 22 августа 1991 года «Советская Россия» была закрыта

за поддержку действий ГКЧП, но в сентябре 1991-го её выпуск возобновился, и Чикин снова стал её главным редактором. Чикин – член Коммунистической партии России и по её спискам многократно избирался в Государственную Думу.

В обстоятельной статье, озаглавленной «К истории научного изучения общественного мнения» Грушин указывает на две важнейшие специфические черты рождения ИОМ «КП». Во-первых, он подчёркивает, что «создание ИОМ “КП” было чистейшим образом инициировано “снизу”... а вовсе не “сверху”, не по указанию руководства партии или комсомола». Многие западные журналисты, замечал он, не могли представить себе подобной «вольности» и подозревали, что за этой акцией скрывается рука ЦК КПСС, если не КГБ. И во-вторых, Грушин называет возникновение «Центра именно в “Комсомольской правде”» (Б. Д.: выделено Б. А. Грушиным) во многом случайным, объясняемым действием ряда чисто *субъективных факторов* (Б. Д.: курсив Б. А. Грушина). По мнению Грушина, решающим был царивший в коллективе особый дух товарищества [65, с. 220–221].

В начале 2000 года, то есть через сорок лет после рождения ИОМ «КП», журналистка О. Кучкина спросила Грушина: «ИОМ – нечаянный механизм прорыва в гражданское общество или лазутчик из будущего?». Вот его ответ: «Лазутчик из будущего. Мы ворвались незаконно. Но не нечаянно. Сознательно. <...> Это действительно была первая широкая, масштабная попытка создания института общественности, то есть создания гражданского общества. Базовая его характеристика: возникновение субъектов, не зависящих от государства. Люди стали высказывать собственное мнение – до нас этого не было» [9, с. 137].

Институт общественного мнения (ИОМ) «КП» возник в мае 1960 года, и руководил им Грушин. Первый опрос был проведён 10–14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолёт-разведчик и взят в плен пилот Пауэрс. Тема опроса «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала три главных вопроса: «Удастся ли человечеству предотвратить войну (да, нет)», «На чём основана ваша уверенность?», «Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?»

Отбор респондентов производился на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки в тех

районах страны, в которых население ближе всего столкнулось с бедствиями войны, – на 30-м, Пулковском, меридиане. Здесь располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, в годы войны велись активные боевые действия; значительная часть территории была оккупирована немецкими войсками.

В выборку было включено десять населённых пунктов: самый северный – город Никель на Кольском полуострове и самый южный – военный городок близ Тирасполя. В каждом населённом пункте опрашивалось по 100 человек, и организаторы опроса контролировали состав выборки по пяти параметрам: место жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст. Погрешности планирования выборки и перекосы, допускаявшиеся при её реализации, не позволяли рассматривать то первое в Союзе исследование как репрезентативное. Но авторы этого и не утверждали, в их интерпретации не шла речь о мнении населения страны.

19 мая 1960 года газета сообщила о создании Института и о начале изучения общественного мнения: «Сегодня “Комсомольская правда” открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путём социологических обследований и опроса широких слоёв населения одновременно в различных географических районах страны» [11, «Жизнь 1-я», с. 47–48]. В этом же выпуске под заголовком «Удастся ли человечеству предотвратить войну? – Да! – отвечает 30-й меридиан» публиковались материалы первого опроса.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала ещё большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [39, с. 209].

Второй опрос был проведён в августе-сентябре того же года: изучалось отношение населения к динамике уровня жизни в СССР. Сегодня подобная тема представляется социальным исследователям естественной и важной для понимания хода социальных преобразований, проходящих в стране. Но в начале 1960-х она вызывала, по-видимому, столь же естественное недоумение у экономистов. Трудно было осознать, что статистика социальных изменений и общественное мнение по поводу динамики уровня жизни – это разные грани социальной действительности.

На волне успеха в январе-марте 1961 года был проведён третий опрос, привлёкший к себе внимание в стране и за рубежом; вопросы публиковались в газете. На третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый – более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока – двадцать дней – их было более 19 тысяч. Безусловно, многое в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что вы думаете о своём поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать своё мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

В первом томе своего «четверокнижия» Грушин отмечает, что публикация анкеты в газете вызвала множество комментариев за границей. Запад был удивлён тем, что советской молодёжи дали возможность высказаться по поводу своей жизни. Вот некоторые примеры: «Молодёжная газета России “Комсомольская правда” напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, – опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастным поколением» (“Daily Telegraph”, 9 января 1961); «...Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако ...приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертностью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и “идиотским подражанием западной манере одеваться”» (“New York Herald Tribune”, 28–29 января 1961) [11, «Жизнь 1-я», с. 49–50].

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет; за это время было проведено 27 опросов различного типа, в том числе 20 всесоюзных и один международный. Среди причин прекращения деятельности Института можно выделить три группы. Это, прежде всего, проблемы, связанные с организацией опро-

сов, хотя они и не были главными. Далее, с изменением социального и политического климата в стране «оттепель» ушла в прошлое и наступило время Брежнева – стала заметной напряжённость между журналистами и исследователями общественного мнения. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной», поскольку, пишет Грушин, «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией». Так, если в течение 1960–1964 годов (эпоха Хрущёва) было опубликовано 58 материалов по итогам опросов, то с октября 1964-го по декабрь 1967 года – всего 29 [см.: 11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 16]. Но наиболее весомая причина заключалась в усиливавшейся напряжённости между наукой и властью. Всё острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность по отношению к выводам, мало-мальски отклонявшимся от императивов набиравшего силу социального мифотворчества.

По словам Грушина, «с исследованием “Комсомольцы о комсомоле” случился форменный скандал» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 28]. Объективное положение вещей в молодёжной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось в преддверии XV съезда ВЛКСМ. Обнаружился высочайший уровень разочарованности в комсомоле, неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом и собственного участия в делах этой организации.

Крупными неприятностями для «Комсомолки» и исследователей обернулся опрос о выборности на производстве, проведённый в апреле 1967 года Яковом Капелюшем под руководством Грушина. Недовольство высших партийных идеологов вызвало газетное сообщение о том, что население активно поддерживает идею выборности руководства. Через два года результаты этого исследования удалось опубликовать, но тираж брошюры [см.: 66] долго задерживался для распространения, и в конце концов его почти полностью уничтожили [см.: 67].

ИОМ «КП» был обречён; в декабре 1967 года он был закрыт.

С момента рождения ИОМ «КП» прошло более полувека, – достаточный срок для историко-научоведческой оценки этого события. В моём представлении, оно имело и будет иметь принципиально важное значение и как факт становления в СССР/России социологии, более широко – посттоталитарного обществоведения, и как уникальная политико-идеологическая

инновация. Всё очень просто: до первых опросов Грушина в стране не изучали мнения, установки населения, а после них «процесс пошёл». Конечно, в начале 1960-х многого не было видно, но сейчас можно утверждать, что своими результатами Грушин начал рушить идеологему монолитности общественно-го мнения при социализме.

Несмотря на стремление Грушина и его коллег к достижению репрезентативности получаемой информации, представлению правильной и точной статистики отношения советских людей к различным граням окружавшего их мира, этого в полной мере ему не удавалось сделать. Но это не вина Грушина, а логическое следствие «младенчества» советской социологии, только набравшей после тридцатилетнего перерыва собственный теоретический и инструментальный опыт, и финансово-организационных условий его работы. И конечно же, растерянности населения, его слабой готовности к участию в опросах.

В первой половине 1960-х результаты опросов были журналистской находкой, пропагандистским материалом, говоря словами Грушина, «удачной рубрикой в газете». Но уже к концу того десятилетия, прежде всего благодаря книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений», изучение общественного мнения стало частью теоретической и прикладной социологии и начало складываться самостоятельное направление в советской социологической науке.

В настоящее время данные ИОМ – бесценная информация для исторических исследований о советском времени и советском человеке. Для серьёзного аналитика, владеющего методологией изучения массового сознания, они – основа для глубокого, свободного от политико-идеологических пристрастий освещения относительно недавнего прошлого. Принципы подобного историко-социологического анализа разработаны Грушиным в его фундаментальном труде «Четыре жизни России» (см. ниже).

ТРИ КНИГИ – ТРИ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРУШИНА

Помимо того, что результаты опросов регулярно представлялись на страницах «Комсомолки», они с момента рождения ИОМ публиковались в научных журналах и в изданиях, обращённых к широкой читательской аудитории. В частности, три первые книги Грушина, в которых он предстаёт аналитиком общественного мнения [см.: 68–70] увидели свет одновременно с его монографией по логике мышления. В начале второй половины 1960-х годов по материалам ряда опросов Грушин опубликовал ещё две небольшие книги о свободном времени [см.: 71–72]. Таким образом, в социологическом сообществе уже долгие годы неразрывно сосуществуют два представления о Грушине: как о философе и как о социологе – исследователе общественного мнения. Наиболее явно эта отличительная черта творчества Грушина видна в трёх его книгах, охватывающих двадцать лет после закрытия ИОМ «КП».

Методология исследований общественного мнения

Итогом направленной теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищённая Грушиным в январе 1967 года. В 1969 году, после закрытия ИОМ «КП» Грушин подготовил рукопись книги «Советское общество в опросах общественного мнения». В течение последующего десятилетия она многократно дорабатывалась и предлагалась различным издательствам, но всеми была отвергнута. И всё же сегодня у нас есть документ, достаточно полно характеризующий два процесса: развитие собственно грушинских подходов к природе общественного мнения, методам его познания и становление исследований общественного мнения в СССР. Речь идёт о книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [см.: 10], сделанной на базе его диссертации. Выше отмечалось, что ИОМ «КП» и «Мнения о мире...» положили начало современному этапу изучения общественного мнения в СССР. Обозначу главные различия между тем, что писалось советскими философами и социологами в 1950–1970-е годы по общественному мнению, и тем, что изложено в «Мнениях о мире...».

Традиционно проблематика общественного мнения изучалась в рамках истматовских концепций общественного сознания с акцентом на классовую сущность природы массового отражения действительности. Само сознание трактовалось как

производная бытия, и не допускалось, что бытие может быть проявлением сознания. Из этих утверждений, как правило, следовали тривиальные, крайне идеологизированные выводы о различии морфологии и функций общественного мнения при социализме и капитализме. В частности, утверждалась практически абсолютная однородность общественного мнения в СССР: «...Оценки и суждения по коренным вопросам социально-политической жизни совпадают у всех трудящихся страны. Подобного быть не может в капиталистическом обществе, где классовая борьба проявляется и в столкновении мнений угнетаемых и угнетателей» [73]. Кроме того, во всех этих работах, даже наиболее серьёзных, проблематика анализа сводилась к описанию общего строения общественного мнения, обозначению его функций в социалистическом обществе и государстве, рассмотрению приёмов, путей его формирования. Ссылаясь на труды В. И. Ленина и директивные документы КПСС, авторы заявляли, что государство, коммунистическая партия, властные структуры, руководители трудовых коллективов должны знать и учитывать в своей деятельности интересы и чаяния народа. Однако все они практически ничего не говорили о том, каким должно быть научное изучение общественного мнения. В частности, на протяжении многих лет опросы трактовались, прежде всего, как буржуазные методы.

«Мнения о мире...» – это первая и долгие годы единственная отечественная книга о том, как изучать общественное мнение. Значительный теоретико-методологический материал, посвящённый морфологии и функционированию общественного мнения, при всей его важности и новизне носит характер общеполитических построений. Такова логика книги, её аргументация, включающая анализ опросов ИОМ «КП». Книга на несколько десятилетий опередила время: во второй половине 1960-х власти не считали нужным готовить специалистов в этой области.

Два обстоятельства, касающихся содержания и пафоса «Мнений о мире...», выделяю особо.

Во-первых, в этой книге Грушин конституировал место исследований общественного мнения в системе наук. Дискуссия о природе общественного мнения могла вестись и фактически велась в рамках философии, научного коммунизма, социальной психологии, журналистики и ряда смежных научных направлений. В принципе в недрах этих наук можно было пытаться искать и место исследования общественного мнения. Грушин вписал всю эту проблематику, начиная с её теоретико-методологических пластов и кончая методико-инструментальными аспектами, в социологию. По сути, им были заложены

жены основы социологии общественного мнения, и, что удивительно, это кардинальное решение Грушина является одним из немногих, принятых российским научным сообществом без особых дебатов.

Во-вторых, безусловно, никто, кроме профессионального логика, «поварившегося» в спорах диалектиков, не мог написать книгу об общественном мнении так, как её написал Грушин. Нередко по ходу чтения возникает ощущение, что объект анализа рассмотрен до конца, исчерпан. И вдруг на следующей странице обнаруживается, что до конца ещё очень далеко, что объект делим и далее и что существует ещё множество его граней, пребывавших в тени.

Методология изучения массовой информации

Не остыв от перипетий, связанных с закрытием ИОМ, защитой докторской диссертации и завершением работы над «Мнениями о мире...», Грушин приступает к новой теме. Сегодня её точное название – «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» – могут воспроизвести очень немногие, но трудно представить профессиональных социологов, не читавших или ничего не слышавших о «Таганрогском проекте». Он известен в силу своих целевых и содержательных параметров, объёма и арсенала использованных методов, результатов и судьбы.

В 1967 году всё начиналось оптимистично: «Таганрогский проект» инициировался знающими и прогрессивно мыслящими людьми, которые занимали высокие посты в отделе пропаганды ЦК КПСС. Фактически отдел возглавлялся Александром Николаевичем Яковлевым, историком-американистом и опытным партийным функционером. Через два десятка лет его назовут «архитектором перестройки» и «отцом гласности». Его заместителем был Георгий Лукич Смирнов, философ, разрабатывавший проблемы исторического материализма, позже работавший директором Института философии АН СССР и в конце 1980-х годов избранный академиком АН СССР. Ближе всего к исследователям был консультант отдела Леон Аршакович Оников, о котором российские социологи первого поколения хранят самые лучшие воспоминания. Время было непростым, и во многом сам факт, что проект состоялся, определялся не столько тем, что именно Оников делал, сколько тем, чего он с риском для своей карьеры не делал [см.: 74]. Несмотря на крайность по тем временам многих теоретических посылок

исследования, оно получило полную легитимность. И главную причину этого Грушин видел в неортодоксальности и гражданской смелости Г. Л. Смирнова и Л. А. О니кова.

Исследование продолжалось более семи лет и завершилось в 1974 году. Прошло ещё шесть лет до выхода книги «Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования» [см.: 75], содержащей концепцию проекта, его методологию, краткое описание инструментария и теоретико-эмпирические выводы. В целом сделанное можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, была предложена теория среднего уровня, или модельное описание основных механизмов функционирования средств массовой информации и формирования общественного мнения в среднем городе страны с однопартийной системой, жёсткой идеологией и плановой экономикой. Отличительными чертами этой модели являются многомерность, или многопараметричность, и многофункциональность.

Каркас теории среднего уровня – это, прежде всего, достижение Грушина-логика, диалектика. Легко понять, что простое, честное следование общепризнанным, общесистемным или кибернетическим принципам логического конструирования сложных систем фактически исключало «слишком» простое описание массовых информационных процессов. Но «чистый» философ, методолог мог бы остановиться на построении их общей схемы, или знаковой модели. Для социолога, исследователя общественного мнения, журналиста это было лишь началом.

Даже сухая статистика проекта, проведённого в Таганроге, впечатляет: 76 связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, в том числе 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа; 85 полевых документов общим объёмом почти 60 печатных листов. Склонный к тщательному учёту Грушин подсчитал, что в текстах анкет и интервью, в схемах наблюдений и документах, регламентировавших проведение контент-аналитических процедур, содержалось 2325 закрытых вопросов, 386 – полужакрытых, 783 – открытых. Таким образом, этот проект оказался мощнейшей лабораторией и одновременно фабрикой конструирования социологического измерительного инструментария.

«Таганрогский проект» заложил основы индустриальной технологии сбора социологической информации в СССР, которая, по сути, оказалась востребованной лишь через двадцать лет. Одновременно он стал школой подготовки высокопрофес-

сиональных исследователей общественного мнения и массовой информации. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация по философии и филологии [см.: 11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 41].

В рассматриваемой книге приведено подробное социологическое описание информационной реальности второй половины 1960-х – начала 1970-х годов. Тот факт, что прошло уже почти полвека после таганрогского исследования, несколько затрудняет понимание этой работы социологами новых поколений, но «историчность» придаёт ей новое значение. Этот документ зафиксировал исчезнувшую советскую масскоммуникационную «Атлантиду». Нет уже той страны, в которой проводилось исследование, и нет того общества. Нет КПСС, детерминировавшей и направлявшей развитие информационных процессов и формирование общественного мнения. Ушла в прошлое система идеологической работы в трудовых коллективах, в которой участвовали тысячи партийных, комсомольских и профсоюзных функционеров и активистов. Произошли кардинальные технические и содержательные перемены в работе телевидения, радио и прессы, изменилась их социальная функция. Стало иным и отношение людей к массовым текстам. Но социологическая фотография прошлого осталась, и она будет крайне полезной всем будущим исследователям.

Морфология и феноменология массового сознания

Если попытаться одним словом определить первую из рассмотренных в этом параграфе книг Грушина – «Мнения о мире...», то её можно назвать «научной». «Массовая информация...» – это работа «техническая», или «технологическая». Третья книга, «Массовое сознание» [см.: 76], – «поэтическая», в том смысле, что поэзия – это философия, выраженная в особой художественной форме. Книга в высшей степени научна и жёстко конструктивна, но сквозь её рационализм чётко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в поэтических цитатах, и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» [9, с. 141] и не могла быть холодно-рациональной.

При написании первой статьи о Грушине [см.: 12] я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...

такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её «поэтичности».

Далеко не каждый исследователь помнит, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей центральное место в его творчестве, а значит – и в его жизни. Ещё реже ему удаётся удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был «зов». Грушин в тот единственный миг оказался готовым к опознанию неизвестно откуда – изнутри или извне? – пришедшего сигнала и зафиксировал это в своём сознании.

Вот как начинается его книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения “Комсомольской правды”, посвящённого проблеме разводов в СССР. Просматривал – в который уже раз – очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причём не “в общем и целом”, а, что называется, “слово в слово”! На первый взгляд, в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции... Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства, – людей, которые, конечно же, никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [76, с. 19–20]. На следующей странице книги есть абзац, объясняющий мгновенную реакцию Грушина в приведённом выше телефонном разговоре. Абзац начинается со слов: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой...».

Через треть века после начала «Таганрогского проекта» Грушин вспоминал: «...Занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием ещё одну задачу – на обещавшем быть гигантским по объёму эмпирическом материале доказать **факт существования** (здесь и далее выделено Грушиным. – Б. Д.) в тогдашнем советском обществе этого типа общественного

сознания и по возможности продвинуться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей работы. Но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и, за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 44–45].

Я не буду здесь всесторонне обсуждать «Массовое сознание»; остановлюсь лишь на авторской трактовке природы общественного мнения. Грушин не ставил целью своего исследования углубление, поиск новых нюансов данной им ранее дефиниции общественного мнения, но объективно именно это стало одним из итогов этой работы.

В «Мнениях о мире...» Грушин определил общественное мнение «как *сознание масс, массовое сознание*, или, если угодно, как *состояние массового сознания*»; далее следовало уточнение: общественное мнение – это «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками» [10, с. 60–61]. В целом это определение было расширительным, ибо отождествляло общественное мнение и массовое сознание, и описательным, точнее – иллюстративным. После того как внутри общественного сознания мысленно удавалось сломать перегородки, в «руинах» трудно было увидеть общественное мнение.

Изучая литературу тех лет, легко заметить, что одни это определение критиковали, другие (преимущественно социальные исследователи, далёкие от собственно измерения общественного мнения) – игнорировали. Для тех немногих, кто занимался теоретико-эмпирическими исследованиями, определение Грушина было ценно своей конструктивностью, поскольку дополнялось набором функций общественного мнения, признаками его объекта и субъекта, последовательностью логических и инструментальных операций, необходимых для его измерения.

Мощнейшим фактором поддержки, или глубокой валидизацией, этого определения были собственно теоретико-эмпирические результаты Грушина. Он первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. Было показано, что многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», обладала та модификация общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Хотя это противоречило принципиальным политико-идеологичес-

ким утверждениям того времени, но, согласно опросам ИОМ, в общественном мнении были перемешаны отголоски многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что уже в первой половине 1960-х общественное мнение не было одномерным, гомогенным, гармоничным, стабильным и т. д.

Из грушинского определения общественного мнения вытекала абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Вопрос о технологии исследования превращался из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно, сущностный.

Вскоре Грушин обнаружил ошибочность отождествления общественного мнения и массового сознания и уточнил свою дефиницию. При этом он опирался на весьма продуктивную концепцию множественности массового сознания в обществе. При такой интерпретации общественному мнению была отведена узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Зондажи фиксируют эти краткосрочные сгущения массового сознания [см.: 76, с. 248–260].

Послесловия традиционны в конце книг и крупных обзорных статей, но я ощущаю необходимость написания своеобразного «внутреннего» послесловия. Его назначение – объяснить, почему три главные книги Грушина рассмотрены здесь столь бегло; ведь они могли бы стать доминирующей частью настоящей работы.

В самом общем плане появление данного послесловия обусловлено жанром этой работы, который можно характеризовать как историко-биографический. Конкретная же причина – стремление представить в книге без купюр и дополнений тот аналитический материал о Грушине, который он видел и с которым в принципе согласился. Выше было сказано, что я начал заниматься изучением биографии и творчества Грушина в 2004 году, при его жизни, и первая статья о нём стала базой настоящего исследования. В предыдущих разделах я трактовал эту «базовость» достаточно свободно, редактировал ранее написанное и добавлял новый материал. Но здесь, именно потому, что речь идёт о важнейших составляющих наследия учёного – его книгах, решил оставить текст в его первоначальном виде.

Грушин согласился с моим анализом его книг и общими оценками. Но сегодня можно взглянуть на эти книги и с иной позиции. В первой книге виден исследовательский кураж молодого Грушина, прорыв, некое удивление устройством мира

мнений. Вторая книга – это компромисс, она не такая, какой бы он хотел её видеть, но такая, на какую ему удалось добиться разрешения. Потому в ней совсем немного радости и много грусти. Книга о массовом сознании вышла в самом начале перестройки; Грушин приближался к своему шестидесятилетию, ему казалось, что найдено и оконтурено то, что он будет разрабатывать в грядущие годы. Он бился за создание в стране службы изучения общественного мнения, но перспективы не были радужными.

Общим для трёх названных книг Грушина является то, что в них он предстаёт как учёный, творчество которого охватывает широкий круг проблем теоретического, методологического и методического характера. Его идеи претворяются в логические схемы и инструментарий, позволяющие изучать те области общественного сознания и те стороны общественного мнения, о существовании которых многие даже не догадываются.

Существует множество причин неразработанности методологии биографических исследований как одного из направлений изучения прошлого современной (послевоенной) российской социологии. Прежде всего, короткая – немногим более полувека – продолжительность этого периода. Соответственно, пока недостаточно активное, целеустремленное изучение былого: событий и людей. Ещё одна причина, вообще говоря, далеко выходящая за пределы историко-социологических поисков, это поверхностное знание истории и непонимание её значимости для понимания настоящего. И последняя причина, которую я хотел бы назвать, – в действительности перечень их весьма значителен – это недостаточно глубокое осознание того, что наука делается личностями; что учёный – главная фигура в производстве нового знания, что наука – личностна, биографична.

Безусловно, по прошествии десяти лет после выхода первой статьи о Грушине и при неоднократном возвращении к анализу его жизни и творчества, к изучению материалов о нём, написанных его коллегами и учениками, мой рассказ о его книгах мог бы быть многомернее и объёмнее, но это – в будущем. А здесь – лишь то, что читал Грушин и что я потом обсуждал с ним лично.

ОТ ИОМА ДО ВЦИОМА

Свыше десяти лет назад, при первой попытке охарактеризовать становление исследований общественного мнения в СССР/России я ввёл понятие «линии Грушина» как стержня, магистральной, задающей принципиальные особенности зарождения и развития этого политического и аналитического процесса [см.: 77]. Конечно же, «линия» – это образ, а не собственно геометрическое образование; тем не менее было оправданно говорить об опорных элементах этой конструкции.

После всего выше сказанного ясно, что исходной «точкой» нашей мысленной кривой является создание ИОМ «КП» и развитие этого процесса отсчитывается от 1960 года. Прошли годы, и всё происходившее в первую пятилетку деятельности ИОМ было названо Грушиным «за здоровьем»: проводилось большое число опросов и их результаты регулярно публиковались на страницах «Комсомолки» и в виде отдельных книг. Но следующие два года были охарактеризованы Грушиным «запокойными» [см.: 65, с. 229].

В 1966–1967 году Институт резко сократил число опросов по темам с заметной пропагандистской направленностью и увеличил количество зондажей по предметам, лежавшим вне прямой пропаганды, на первое место в отборе тематики ставились собственно исследовательские цели. Одновременно ИОМ всё более отчётливо формулировал свою гражданскую позицию, заявлял о стремлении сделать изучение общественного мнения нормой публичной жизни. Новые, более сложные задачи порождали необходимость более основательной проработки методологии и технологии измерения установок. И здесь главными были проблемы комплектования выборки и совершенствования обработки информации. Эти и ряд других обстоятельств выявили во всей остроте высокий уровень напряжения между наукой и властью, не заинтересованной в знании реальной общественной ситуации, а значит – настроенной по отношению к серьёзным социологическим поискам. Повторю, в конце 1967 года ИОМ «КП» прекратил своё существование.

ИОМ «КП» создавался редакцией газеты на свой страх и риск, через несколько месяцев после открытия Института Грушин сумел дойти до всемогущего в те годы секретаря ЦК КПСС по идеологии Л. Ф. Ильичёва и объяснить ему необходимость создания государственного Института общественного мнения. Однако ничего из этого не вышло. В середине 1960-х годов Грушин пытался создать службу изучения общественного мнения при газете «Правда», но здесь ничего и не могло получиться. Главный идеолог брежневской эпохи М. А. Суслов однозначно видел в проведении опросов лишь вредное влияние Запада:

«Не нужное нам это дело! Пусть они там, у себя... занимаются этим» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 21].

Через два года после его закрытия, в 1969 году, Грушин основал Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Несколько месяцев предложения Грушина об образовании Центра не рассматривались руководящими инстанциями; всё решил, в сущности, единолично академик А. М. Румянцев, возглавлявший ИКСИ и одновременно бывший вице-президентом АН СССР.

В начале 1970 года было разослано более сотни информационных писем в министерства, ведомства, научные институты, творческие и общественные организации, редакции газет и так далее с предложением о сотрудничестве. В частности, выяснялась готовность этих организаций оплатить проведение опросов по интересующей их проблематике. Пришло более 40 писем, содержавших заявки на 102 исследования; в половине из них выражалось согласие на полную или частичную оплату работ. Оказывается, уже три десятилетия назад в СССР существовал латентный заказ на изучение общественного мнения и в принципе могли быть найдены способы финансирования опросов.

Теоретико-методологические исследования ЦИОМ группировались вокруг «Таганрогского проекта», начатого в краткий период работы Грушина в Институте философии АН СССР. Вместе с тем ЦИОМ впервые в СССР взялся за проектирование и создание организационной структуры для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Ставилась задача зондирования мнений не только населения страны, но и жителей отдельных регионов.

К важнейшим методическим достижениям ЦИОМ относится создание двух всесоюзных выборок населения численностью в 2000 и 6000 человек; это было сделано С. В. Чесноковым. Двухступенчатые районированные выборки охватывали 27 регионов страны, все типы поселений и репрезентировали население по полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному положению. В опоре на эту общую модель можно было строить выборки различного объёма.

Весной 1971 года Центр провёл первый всесоюзный репрезентативный опрос 2000 человек. Однако, пишет Грушин, «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, но главной причиной он называет «принципиальное, резкое ухудшение макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 38].

В начале 1972 года А. М. Румянцева вынудили уйти с поста директора ИКСИ, и на его место был назначен М. Н. Руткевич. Сразу дни не только отдельных учёных, но и ряда научных подразделений ИКСИ были сочтены. Одним из первых приказов нового директора был распущен ЦИОМ; весь недолгий процесс его жизни Грушин назвал медленным взлётом и стремительным падением. Летом 1974 года состоялся Учёный совет ИКСИ, на котором Грушину предлагалось покаяться по поводу ошибочности его концепции массового сознания, и существовала угроза привлечения его к уголовной ответственности за нецелевое использование средств при проведении исследования в Таганроге. Всё это Грушину удалось отвести от себя, но ИКСИ ему пришлось оставить «по собственному желанию».

При последней нашей встрече в феврале 2007 года в Москве Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне несколько страниц из готовившегося им третьего тома четырёхкнижия «Эпоха Горбачёва». Похоже, это фрагмент макета, страницы 15–24, будущей книги. Здесь – раздел, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». Текст, во-первых, даёт возможность узнать – из первых уст, – какой продолжительной, многообразной и значительной по объёму была деятельность Грушина по созданию в СССР службы изучения общественного мнения. Во-вторых, он показывает, что «линия Грушина» – не простое соединение трёх точек – о третьей, собственно ВЦИОМ, будет рассказано ниже, но совокупность огромного числа точек-событий, происходивших в жизни Грушина с 1974-го по 1988-й. В эти годы, ему «пришлось трудиться в трёх академических и одном журналистском учреждениях, которые хотя и имели определённое отношение к изучению сознания людей, но, понятно, по своему профилю полностью исключали возможность даже заикнуться о проведении в них каких-либо зондажей общественного мнения. Этими учреждениями были: Центральный экономикоматематический институт АН СССР (1974–1977), Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований ГКНТ и АН СССР (1981–1983), Институт философии АН СССР (1983–1988) и редакция международного журнала «Проблемы мира и социализма», находившаяся в Праге (1977–1981).

И все эти годы Грушин старался реализовать свою «идею-фикс» о центре изучения общественного мнения. Сам он объясняет свои действия в три направления.

Первое – личная пропагандистская работа Грушина среди встречавшихся на его жизненном пути влиятельных людей в расчёте, или – надежде, на то, что в определённых обстоятель-

твах оно могли бы поддержать его идею. Таких контактов была почти сотня. Среди собеседников были крупные партийные работники: Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Э. А. Шеварднадзе и ответственные сотрудники ЦК КПСС, представители научной элиты тех лет, деятели культуры и искусства, среди которых были: Б. А. Слуцкий, Н. П. Акимов, А. И. Райкин.

Второе направление – просветительское, то есть привлечение внимания различных групп общественности к проблеме изучения в стране общественного мнения. Это не только книги и статьи, но также участие в различных конференциях, организация дискуссий. На протяжении шести лет (1982–1988) Грушин читал курсы и вёл семинары на факультете журналистики МГУ, а в 1985–1986 – руководил общегородским семинаром по проблемам культуры, ежемесячно проходившим в Институте культуры Минкульта РСФСР.

Третье направление Грушин назвал «информационным давлением на институты власти». В апреле 1977 – сентябре 1981 года он работал в журнале «Проблемы мира и социализма» в качестве консультанта шеф-редактора издания по проблемам науки, культуры и социологических исследований. И через полгода после появления в редакции он представил руководству журнала детальную программу обсуждения в нём вопросов теории и практики отношения коммунистов к различным характеристикам сознания и поведения масс, в том числе к общественному мнению. Предлагалось открыть новую рубрику «Коммунисты и сознание масс». Поначалу отношение к этой идее было негативное: «шибко научно», «далеко от практики», «слишком дорого» – имелось в виду проведение «круглого стола». Но всё же предложенное Грушиным было в значительной мере реализовано, отчасти потому, что с мнениями представителей некоторых компартий, стоявших на позициях еврокоммунизма, нельзя было не считаться. Грушину не удалось получить документа об отношении Москвы к проведённой журналом дискуссии, но, с его точки зрения, она была негативной. Во всяком случае, материалы дискуссии не удалось издать отдельной книгой.

Текст, подаренный мне Грушиным, здесь обрывается, так что продолжаю рассказ о его деятельности по организации опросов общественного мнения в стране, отталкиваясь от его посмертной статьи «На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа» [см.: 78].

Начинается она мажорно: «Первые свидетельства возникновения у руководящих органов власти выраженного интереса к изучению общественного мнения в стране появляются в 1983 г. на июньском Пленуме ЦК КПСС, в постановлении которого

вслед за привычной риторикой насчёт того, что партия располагает многими каналами гибкой, оперативной связи, позволяющей чутко улавливать изменения в настроениях масс, глубоко изучать их интересы и потребности» и т. п., шло долгожданное признание: «в современных условиях назрела необходимость создания специальной системы изучения потребностей, мнений и настроений трудящихся масс, опирающейся на специфические методы выявления и анализа общественного мнения и позволяющей получать по любому вопросу, в любой момент надёжную, представительную и в масштабах всей страны информацию». С целью решения этой задачи Пленум признал необходимым создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения и поручил Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС внести предложения об организации этого центра». Казалось, отмечает он, «...лёд тронулся, дело сдвинулось с мёртвой точки», но затем следует: «В июне же 1983 г. уже через пару дней после окончания пленума, из доверительных бесед с участвовавшими в подготовке Пленума приятелями – работниками трёх отделов ЦК (международного, науки и пропаганды), я вынес твёрдое убеждение, что принятое решение не более чем фигура речи, рождённая внешне- и внутривнутриполитическими ситуациями страны, и что на самом-то деле создавать ВЦИОМ всерьёз никто не собирается» [78, с. 55].

8 сентября того же года отделом науки ЦК КПСС была создана группа социологов, в которую помимо Грушина вошли: Ю. А. Замошкин, Э. В. Клопов, Н. И. Лапин, В. Н. Шубкин и В. А. Ядов. Она должна была до конца месяца подготовить проект решения Секретариата ЦК КПСС о создании ВЦИОМа, естественно, всё было сделано, и 27 сентября группа завершила свою деятельность. Главным в подготовленном документе было: «Создать при Президиуме АН СССР Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), работающий под непосредственным контролем, в том числе по заданиям ЦК КПСС». Основные задачи ВЦИОМ виделись в изучении, на основе марксистско-ленинской теории и методологии, общественного мнения по актуальным проблемам внутренней и международной жизни СССР в масштабах страны в целом и отдельных регионов, среди различных слоёв и групп населения; в подготовке аналитических материалов, информирующих руководящие органы партии и государства о состоянии потребностей, мнений и настроений населения, а также в разработке практических предложений и рекомендаций, связанных с различными способами учёта общественного мнения в процессах принятия решений, повышения эффективности идеологичес-

кой, массово-политической работы, формирования социалистического общественного сознания. В качестве основных отмечались следующие формы деятельности ВЦИОМ: одноразовые оперативные «экспресс-зондажи» и регулярные, прослеживающие динамику массового сознания, опросы; кроме того – специализированные исследования механизмов формирования и функционирования общественного мнения. Предусматривалось также создание всесоюзной сети пунктов ВЦИОМ (порядка 40–50), которые осуществляют набор, обучение и организацию работы интервьюеров, действующих на основе договорных отношений [см.: 78, с. 56].

Грушин сам отмечал, что в 2007 году некоторые пункты подготовленного документа могли быть подвергнуты заслуженной критике. «Но в 1983 г., при прочих равных обстоятельствах, он был вполне достаточным, чтобы послужить основой для его превращения в устраивавшее Секретариат ЦК КПСС постановление». Появление ЦК КПСС в качестве «крыши» задуманного ВЦИОМ, писал Грушин, было встречено рядом коллег с немалой укоризной. Они недоумевали, как это авторы обсуждаемого документа – люди, славившиеся в социологическом цеху своей смелостью, самостоятельностью, независимостью от «начальства», вдруг по собственной инициативе предложили поставить вновь создаваемое учреждение под тот или иной контроль главного идеологического цензора страны. Однако, аргументировал он, подобные недоумения были явно не оправданными. На дворе шёл уже 1983-й год, и многие отделы в ЦК КПСС буквально на глазах стали сдавать одну за другой многие из своих фундаментальных позиций. В частности – жёсткую идеологическую цензуру над всеми видами массовой информации. Другими словами, была надежда на возможность плодотворного сотрудничества ВЦИОМ и партийной элиты.

Вместе с тем, акцентировал Грушин, «на дворе шёл не “уже”, а “ещё” (всего лишь) 1983-й год. Это означало, что начинавшиеся изменения были крайне далеки от своего завершения и при всех ослаблениях позиций ЦК КПСС в сфере контроля за массовым производством и распространением в обществе разного рода идеологически окрашенной информации этот контроль ещё долгое время оставался всеобъемлющим по своим масштабам и своему содержанию. В результате ни одна из теоретически допустимых “крыш” для ВЦИОМа не освобождала деятельность Центра от пристального внимания со стороны ЦК КПСС» [78, с. 56].

Однако ЦК КПСС не приняло этого предложения, и 17 июля 1987 года ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление № 825 «Об усилении работы по реализации

активной социальной политики и повышении роли Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам», в котором «в целях изучения и использования общественного мнения советских людей по важнейшим социально-экономическим проблемам» было признано целесообразным создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР. Такое исход многолетней борьбы и ожиданий, по мнению Грушина и других инициаторов, участников и сторонников создания ВЦИОМа, был не лучшим, а скорее всего даже худшим из всех возможных раскладов. «В тогдашние бурные времена находившиеся в полной зависимости от партии профсоюзы отличались ярко выраженной несамостоятельностью и беспомощностью в решении разного рода конкретных злободневных острых проблем бытия и потому, мягко говоря, не пользовались сколько-нибудь значительным авторитетом у широких масс населения» [78, с. 63].

Грушин понимал, что изменить возникшую ситуацию было невозможно, и когда руководство Профсоюзов обратилось к нему с просьбой помочь им в создании Центра, он без всяких оговорок включился в работу по подготовке документов, конституирующих его деятельность. В начале ноября ответственный сотрудник ВЦСПС сообщил Грушину, что «при решении на Президиуме ВЦСПС вопроса о директоре создаваемого Центра кандидатура Б. А. Грушина рассматриваться не будет» и поэтому необходимо срочно заняться поисками фигуры директора Центра – человека, который бы безусловно соответствовал духу времени, был бы неоспоримым авторитетом в социологическом сообществе, проявил себя в качестве отличного организатора и был бы признан Академией наук СССР. Описывая этот разговор, Грушин сделал примечание: «Я, однако, в самом деле не имел ни малейшего намерения занимать кресло директора ВЦИОМа. Мне вполне хватило бы статуса какого-нибудь “главного” советника, консультанта. Этому научил опыт семилетнего руководства “Таганрогским проектом”. Если я потратил основную часть своей жизни в борьбе за создание федеральной службы изучения общественного мнения, то это делалось мной вовсе не из карьерных соображений, не для того, чтобы самому лично возглавить эту службу, а для того, чтобы кардинально улучшить информационный климат в тогдашнем советском обществе и тем самым продвинуть его вперёд на пути превращения в гражданское» [78, с. 64].

Верю этим словам Грушина; конечно, вся его предыдущая жизнь, отношение к нему со стороны ЦК КПСС не позволяли ему надеяться на то, что ему будет поручено руководство пер-

вой в стране государственной службой изучения общественного мнения. Но одновременно уверен, что всё произошедшее он воспринимал очень тяжело; ведь это был «сигнал» о том, что и в дальнейшем ему не будут доверять и работать будет крайне сложно.

В 2005–2006 годах, то есть ещё про жизни Грушина, я проводил обстоятельное интервью с Т. И. Заславской. Мне было интересно узнать у неё, при каких обстоятельствах она получила приглашение возглавить ВЦИОМ. Приведу её ответ полностью:

После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня возникло ощущение, что он меня «прощупывает» на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение – переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус.

Я была растеряна. Принять это предложение – значило расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составляющим моё «второе я». Но я чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется, и её центр перемещается в Москву. Как социологу, мне хотелось быть там, где происходили основные события, определявшие судьбы общества. Поставленная передо мною задача представлялась важной и интересной. Было очевидно, что создаваемый в нашей стране центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом. В этом смысле моё положение было уникальным. Быть моим первым заместителем согласился Борис Андреевич Грушин, самый крупный в Союзе специалист по изучению общественного мнения. Шалаев дал мне три дня для принятия решения – с 13 по 16 декабря.

17 декабря 1987 г. состоялось историческое событие: Грушин и я встретились с руководителями ВЦСПС, чтобы обговорить принципиальные вопросы организации и работы ВЦИОМа, включая региональную сеть опорных пунктов, гласность результатов, самостоятельность в подборе кадров и др. В итоге этой полуторачасовой встречи нужные договоренности были достигнуты, и мы дали окончательное согласие руководить созданием ВЦИОМа [16].

25 января 1987 года, по случайному совпадению – в Татьянин день, Заславская подписала первый приказ по ВЦИОМу.

В нём было всего два пункта: «1. Вступаю в должность директора ВЦИОМ при ВЦСПС и Госкомтруде СССР. 2. Первым заместителем директора ВЦИОМ назначаю Бориса Андреевича Грушина».

Но работал там Грушин недолго, в августе 1989 года ушёл из ВЦИОМ и создал организацию по изучению общественного мнения “Vox Populi”.

«ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ РОССИИ». МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГОЛОГРАММА ГРУШИНА

Моя первая статья о Б. А. Грушине была закончена летом 2004 года, к тому моменту были опубликованы лишь том 1 и первая книга тома 2 его четырёхкнижия «Четыре жизни России», и было рано писать об этой его работе. Я ограничился одним абзацем: «В последние годы в его новом проекте “Четыре жизни России” Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый приём “бережной” интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удаётся сохранить дух прошлого, т. е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течение последующих десятилетий. Другими словами, в опубликованных материалах Грушин предстаёт не только “летописцем” событий 30-ти – 40-ка летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности» [12].

В 2005 году эта статья полностью вошла в книгу об американских первопроходцах изучения общественного мнения и деятельности Грушина, но и тогда прежде всего в силу технических обстоятельств четырёхкнижие не было рассмотрено. Предыдущий абзац был дополнен лишь коротким предложением: «Несомненно, по любым, самым жёстким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко, его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями учёных России и других стран» [14, с. 182].

В дни после смерти Грушина я назвал его работу над четырёхкнижием подвигом и обосновал это утверждение следующим образом. Во-первых, грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчётливо понимая, что назад пути нет. Из проведённых им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он, – рассказал о первых двух эпохах. Книга о времени Горбачёва оказалась незавершённой... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты померешь?», он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру – напишите: “Автор неожиданно помер!”» [79].

Во-вторых, содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она – о власти

и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление учёных узнать, о чём и что думали советские люди в эпоху Хрущёва и Брежнева, однозначно приведёт их к этим данным.

В третьих, замысел Грушина – свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Ещё одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...Я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [42].

В сентябре 2001 года, вскоре после выхода первого тома четверокнижия Грушин так описывал и объяснял начало этой работы: «Оперативным поводом к созданию моего четверокнижия послужили две загадки. О первой я сказал: откуда взялись люди, решительно вступившие на новый путь? Вторая – загадка 1985 года. Почему люди, столько лет принимавшие советскую систему, в одночасье растоптали её? Никто в мире не может найти ответ на этот вопрос». Замечу, поводы названы. Но Грушин продолжил и обозначил более широкое, историко-политическое обоснование задуманного исследования: «Почему я считаю Михаила Сергеевича Горбачёва фигурой номер один в XX веке? Потому что он развалил то, что развалить не представлялось возможным. Даже в 1985 году никто из нас не представлял, что мы сможем дожить до крушения советской системы, которая, как казалось, была рассчитана на тысячелетия. Слава богу, дожили. Другое дело, что мы оказались на развалинах страны, которая не должна была развалиться. Но это на совести Ельцина, а не Горбачёва, я это чётко различаю. У меня не ностальгия, а чувство отчаяния по поводу того, что произошло с Советским Союзом. Стопроцентное оправдание имеет уход из Союза прибалтийских государств, в империи они оказались случайно и не могли в ней прижиться, я это всегда знал. Но что касается всех остальных, развал, с моей точки зрения, является совершенным бредом. В конце концов за эту ошибку расплачиваются люди всех государств, входивших в Союз. Распад СССР был предопределён, но не в одночасье же! Был ведь реальным путь медленного высвобождения! Но у нас просто историческое несчастье с правителями. Ничего не поделаешь» [8].

Через три года Грушин указал ещё на одну причину своего погружения в рассматриваемое исследование: «В 1999 году “Общая газета”, которую возглавлял Егор Яковлев (Б. Д.: один из «прорабов» перестройки и одноклассник Грушина), опубли-

ковала статью “Социологу Борису Грушину – 70 лет”. Я ошалел! Я не знал, что мне 70 лет! Я ощущал себя максимум 40-летним. И в следующем году закрыл “Vox Populi”, хотя это была служба процветающая, с мощной клиентурой по всему миру. Но есть время производить информацию, есть время анализировать её. Половина того, что я сделал ещё в ИОМ, не было опубликовано никогда» [41].

Грушин трактовал начатое дело не просто как очередное крупномасштабное исследование, но как «гражданскую акцию» [11, «Жизнь 1-я», с. 5]; такая интерпретация вытекала из целей задуманного анализа и характера движения к ним. Грушин исходил из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотрясений». При этом он был озабочен «не столько самой мыслью о тотальном непонимании происходившего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» [11, «Жизнь 1-я», с. 9]. Отсюда следовали три направления деятельности, которые автор выдвигал для социологии в целом, но прежде всего – для себя: социологизация изучения исторических процессов, происходящих в России; разработка новых методов сбора и интерпретации данных; представление обществу достоверной информации, помогающей ему понять себя [11, «Жизнь 1-я», с. 9–11].

В настоящее время, несмотря на то, что Грушин не успел завершить «Четыре жизни России», этот проект не только рассматривается в качестве одного из главных результатов его научной деятельности, но признаётся одной из вершин российской социологии. Однако я не предполагаю детально анализировать содержание опубликованных книг, ограничусь изложением моего видения методологии, разработанной и реализованной Грушиным. Общие черты моей версии грушинского метода сжатия и описания собранной им информации обсуждались с ним в 2005 году, и в 2006 году она была изложена в книге «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» [см.: 80].

Исходным пунктом всех теоретико-эмпирических обобщений Грушина является система критериев [11, «Жизнь 1-я», с. 34–38], определяющих логику его анализа менталитета. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчёркивающих неуловимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществлял свои поиски в чётко описываемой десятимерной системе координат, которую можно назвать «ментальным пространством Грушина».

Прежде всего Грушин говорил о мере включённости населения в тот или иной предметный сегмент жизни общества, то есть об интересах людей. Критерий второй – глубина понимания людьми действительности, другими словами, когнитивная способность населения и соотношение в массовом сознании рефлексивного и нерефлексивного. Далее следует – уровень знаний публики, или объём и качество информации, которыми обладают массы. Следующий критерий – способность населения рефлексировать по поводу происходящего и умение артикулировать, выразить собственную рефлексия. Пятый критерий, характеризующий менталитет, – это ценностные ориентации населения, детерминирующие его предметные интересы. Шестой – отношение населения к своему обществу, в том числе мера поддержки массами соответствующего строя, глубина доверия государству и обществу, симпатии к власти. Ещё один критерий указывает на то, что менталитет не сводим к рациональному отношению к социальной действительности, но включает эмоционально-психологическое самочувствие населения, к примеру довольство/недовольство людей жизнью и меру оптимизма/пессимизма. Восьмой критерий указывает на то, что познание менталитета включает исследование реактивной способности населения, то есть степени готовности к той или иной деятельности: активно оно или пассивно. Предпоследнее в системе грушинских критериев характеристическое свойство массового сознания – это его дифференциация, измеряемая по шкале «монизм – плюрализм». Наконец, десятый критерий – степень целостности/разорванности массового сознания, его внутренней противоречивости, мера уверенности/неуверенности людей в разделяемых ими точках зрения на окружающий мир.

Грушин отдавал себе отчёт в том, что его система критериевых параметров массового сознания может быть расширена, а значит – в той или иной мере изменена; но, с другой стороны, он отмечает её прагматическую ценность: она позволяет решать многие теоретические и практические проблемы исследования общественного мнения. Перечисленные критерии позволили Грушину разработать метод «оживления» и прослушивания голосов, «оцифрованных» им же многие десятилетия назад, и эта научная технология действительно решает поставленную им перед собою задачу – «умножить знание общества о самом себе» [11, «Жизнь 1-я», с. 21]. По сути, анализ Грушина давал возможность кому-то вспомнить, но преобладающему большинству будущих читателей – узнать менталитет ряда поколений советских людей. В целом, то, что им было задумано и сделано, можно назвать созданием истории современной российской ментальности.

Однако это гражданское и общенаучное достижение Грушина не будет до конца раскрыто и оценено, если не рассмотреть сущностных особенностей используемых им интерпретационных правил. Если в строительстве, формировании «ментального пространства» Грушин предстаёт прежде всего как логик, один из диестанкуров, то при сопоставлении всех видов «разношёрстной информации» он действует как обществовед и журналист, стремящийся к максимально тщательному анализу и описанию массового сознания и мира мнений.

Разработанный и испытанный Грушиным подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого хотелось бы называть голографическим. В основе голографии как направления физики лежит способ получения объёмных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину же удаётся плоское в прошлом «изображение» сделать объёмным; при этом становится возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в её плоскостной, двумерной проекции.

Вообще говоря, известная доля голографичности – временной, пространственной, предметно-объектной – присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ можно считать просто выхолощенным.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными световыми пучками: предметным, отражённым от снимаемого объекта, и опорным – приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, то есть облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками» создаёт основу, логический каркас интерпретации прошлого. Технологичность предложенного Грушиным метода делает последний научным, то есть в целом воспроизводимым. Тем не менее думается, что голографичность интерпретации Грушина – особая: она творческая и потому принципиально личностная.

Не имея возможности для развёрнутого описания грушинской многокритериальной техники изучения общественного мнения, ограничусь одной историко-наукovedческой аналогией. Речь идёт о факторном анализе, объединяющем в себе набор формализованных математических приёмов и трудно формализуемых правил интерпретации факторных решений. Каждый пользователь факторного анализа знает, что процесс ротации, несмотря на наличие формальных правил его опти-

мизации, и содержательная интерпретация факторов во многом определяются исследователем. Потому даже по прошествии ста лет после возникновения простейшей спирменовской модели факторного анализа, семидесяти лет – после появления пионерных работ Терстона и многих десятилетий компьютерного решения всего множества факторизационных задач, этот метод продолжает оставаться и наукой, и искусством. Личностные особенности учёного, его приверженность тем или иным научным воззрениям и школам, понимание семантики наблюдаемых переменных – всё это присутствует в его интерпретации обнаруженных латентных факторов.

Полагаю, что это краткое отступление поясняет смысл сказанного о личностной окрашенности грушинской голографичности; тем не менее немного раскрою это утверждение.

Прежде всего, в нашем случае вторичная интерпретация огромного массива данных об общественном мнении россиян осуществляется не «человеком со стороны», но автором или соавтором программ и методик, использовавшихся в опросах. Таким образом, современное прочтение результатов многих ставших уже далёкими зондажей общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», но поиском ответов на вопросы, которые он давно задавал сам себе. Тогда ответы, которые в полной мере удовлетворили бы «сегодняшнего» Грушина, либо не были найдены, либо – учитывая специфику времени – не были озвучены. Зная о глубочайшей включённости Грушина в своё дело, можно утверждать, что эти вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения и поиск ответов на них не прекращался. Будь это не так, он скорее всего не пытался бы по прошествии десятилетий искать на них ответы.

Далее, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение». За годы, отделявшие начало нового века от 1960–1970-х и даже 1980-х годов, в СССР/России произошли глубинные социальные преобразования различной направленности и окрашенности. Всё это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приёмов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе – массового сознания. Можно утверждать, что аналогичной продолжительности время, но лишённое драматической тишины и неимоверного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается здесь понятием «голографическое».

Ламинарное, гладкое течение времени, медленное, застойное движение лет не способно было бы подтолкнуть исследователя к перепрочтению давно собранной информации; но, если бы это всё же произошло, новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность временного потока, скачкообразность развития всех сфер и социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьёзных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин этот вызов осознал и принял. Более того, он один из немногих, кто сохранил информацию, собранную в течение десятилетий исследований.

В относительно спокойные времена развитие многих явлений и процессов, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание во многом сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временной оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровненькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора. В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым способом; процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки, и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на упомянутый выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Если сделать голографический снимок какого-либо предмета и осветить его лазерным светом, то возникает «восстановленная голограмма» – объёмное изображение этого предмета. Меняя точку наблюдения, можно заглянуть за предметы на первом плане и увидеть детали, ранее скрытые от взгляда. Грушинская интерпретационная технология, по сути, является рассмотрением социально-временных химер с многих точек зрения. Это некий аналог ротации, используемой в факторном анализе.

Стремление Грушина к изучению чудом сохранённого им архива и его установка на создание исследовательской техноло-

гии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придёт свободная личность. Россия отойдёт не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете [11, «Жизнь 1-я», с. 11–12]. Таким образом, «четверокнижие» Грушина – это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно – программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

ГРУШИН О ПРЕПЯТСТВИЯХ К ПРОВЕДЕНИЮ ОПРОСОВ В РОССИИ

Пожалуй, уже в конце 1980-х, то есть в годы его в высшей степени активной и продуктивной работы по созданию ВЦИОМ, Б. А. Грушин начал испытывать глубокое разочарование по поводу изучения общественного мнения в СССР. Казалось бы, ему удалось реализовать давнюю мечту. Формируется система проведения регулярных опросов, появился канал информирования руководства страны о мнениях людей, открылись практически неограниченные возможности для ознакомления широких масс населения с тем, как общество видит и оценивает всё происходящее внутри и вокруг него. Но ни успокоения, ни – тем более – радости не было. Грушин, с его высочайшими требованиями к себе, к делу, которому он отдал три десятилетия, не мог согласиться с тем, как стала складываться в стране практика изучения общественного мнения. В интервью «Независимой газете» в 2001 году он даже заметил, что его недоверие опросам поссорило его с некоторыми его коллегами. Но при этом он считал: «Последние годы добавили аргументы в пользу моего утверждения. Состояние массового сознания сегодня абсолютно нестандартно. Это больное сознание больного общества, поэтому классический инструментарий, который у нас используется, просто непригоден» [81].

Настороженность Грушина обуславливалась комплексом причин, или обстоятельств, включавших в себя методологические, технологические и организационные составляющие. Также всё более усиливался в нём скепсис, вызванный наблюдавшимися им перекосами в процессе учёта разными ветвями и уровнями власти общественного мнения при принятии управленческих решений. Наиболее полно видение Грушиным трудностей изучения общественного мнения в стране было изложено им в статье «Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР»*, занявшей полную страницу в «Независимой газете» от 28 октября 1992 года. Позже она была включена в первую из книг серии «Открывая Грушина» [см.: 82]. Ниже будут изложены основные положения этой статьи, но прежде отмечу, что высказанные в ней размышления Грушина непременно надо рассматривать в контексте некоторых из его работ конца прошлого века.

Первая в этом ряду – статья 1988 года «Учёный совет при Чингисхане» [см.: 83], она явно относилась к «любимым детям» Грушина, на неё он часто ссылался в последующих работах и нередко вспоминал её в неформальных беседах. Главная

* Я благодарен Петру Залесскому, который подарил мне экземпляр «Независимой газеты» с этой статьёй

тема статьи – наука и власть. Нормальным положением вещей Грушин считал, когда «наука занимается наукой, управление – управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо – что гораздо эффективнее – путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «...на определённом этапе его истории произошла серьёзнейшая деформация: Органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле – в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [83, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов управления сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду – не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [83, с. 302].

С начала 90-х в научных статьях и публицистике Грушина начинает появляться термин «социотрясение», позволявший ему ёмко, запоминающимся образом характеризовать не просто отдельные, хотя и масштабные реформы того времени, которые описывались в терминах перехода «от тоталитаризма – к демократии», «от социализма – к капитализму», «от плановой экономики – к рынку», но глубинные изменения в социальной структуре России и в сознании россиян. Он говорил о тектонических сдвигах, попытках смены цивилизации, переходе общества, «замешенного на феодальном холопстве, рабстве, к обществу, фундаментом которого является свободная личность» [84, с. 310]. В стране шли не просто экономические или политические, но исторические преобразования, и самое главное их последствие Грушин видел в кардинальных изменениях социума, его базовых моральных принципов, психологии масс. И конечно же, этот процесс был «чрезвычайно болезненным, мучительным для всех участвующих в нём действующих лиц...» [85, с. 292].

Грушин писал, что он долго искал термин для обозначения происходившего в России, пока не увидел по телевидению кадров разрушительного землетрясения в Калифорнии в 1989 году: под ногами шаткая, ненадёжная почва, на голову всё вре-

мы падают стены, стекла и крыши, вокруг огонь пожаров, крики пострадавших, несусветная суeta спасающихся от беды или, наоборот, наживающихся на ней. И что особенно важно, писал он, «...густой (прежде всего информационный) дым, плотная пыль, а то и сплошная тьма, не позволяющая разглядеть, кто есть кто, – кто спасатель, а кто грабитель, кто друг, а кто враг, откуда ждать помощи, а откуда беды...» [84, с. 311]. Исходно Грушин относился к термину «социотрясение» как к журналистскому образу, но позже в нём обнаружилось множество эвристических, познавательных возможностей.

В 2001 году Грушин заметил, что термин «социотрясение» не прижился [см.: 81]; это неверно, автор термина явно потропился с таким выводом. В действительности, рассматриваемый термин вошёл в научный обиход, не растворился в новом постперестроечном языке российской социологии. Так, в январе 2012 года в Институте социологии Российской академии наук (ИС РАН) проходил «круглый стол» с участием ведущих политологов, социологов и дипломатов. Обсуждались итоги 20-летия российских реформ. Одновременно отмечалось 20-летие совместного проекта ИС РАН и Представительства Фонда имени Фридриха Эберта в России. В задачу этого грандиозного проекта входит изучение процессов, происходящих в Российском обществе и в сознании россиян. Как отмечается в заметке о встрече учёных, итог дискуссии подвела заведующая кафедрой политической психологии МГУ профессор Е. Б. Шестопал. Её вывод: «...Российские реформы не закончены, “социотрясение” будет продолжаться...» [86]. А значит, есть все основания предполагать, что и использование слова «социотрясение» будет продолжаться и расширяться.

Логика историко-биографических исследований, героями которых являются учёные, предполагает не только тщательное описание траекторий их жизни, но и изучение мотивации их деятельности, генезиса их концепций, причин вводимых ими терминов, понятий. И здесь открывается простор для изложения и обсуждения, на первый взгляд, самых отдалённых сходств, непрямых аналогий, которые когда-либо и при стечении каких-либо обстоятельств могут стать импульсом для построения гипотез о природе научного творчества. Как уже упоминалось, наблюдение Грушиным кадров калифорнийского землетрясения привело к возникновению термина «социотрясение», а вот ещё одна история обогащения социологии за счёт содружества историка и специалиста по предсказанию землетрясений. К сожалению всё, что связано с этим сюжетом, я узнал лишь во втором полугодии 2011 года, так что не мог обсудить его с Грушиным. А было бы интересно...

В 1967 году Алан Лихтман (Allan Lichtman, 1947 г. р.) стал бакалавром истории, а в 1973-ем получил в Гарварде учёную степень Ph. D по истории. В 1980 году за успешно проводившиеся им исследования президентских выборов XIX века Лихтман получил грант на годичную работу в Калифорнийском технологическом институте. Он пытался понять, что приводит к смене власти в США, когда переизбираемый президент или кандидат от той же партии будут находиться в Белом доме, а в каких случаях президентом будет избран представитель конкурирующей партии.

На приёме по случаю приезда новых грантодержателей Лихтман оказался за одним столом с таким же визитёром из Москвы Владимиром Иосифовичем Кейлис-Бороком (1921 г. р.). Кейлис-Борок – один из ведущих в мире ученых-сейсмологов, под его руководством разработан эффективный метод предсказания землетрясений. В 1987 году он был избран академиком АН СССР по отделению наук о Земле, является членом многих иностранных академий наук и научных обществ. Многие годы учёный работает в Университете Калифорнии (University of California) в Лос-Анджелесе.

Узнав, чем занимается американец, русский учёный сказал Лихтману, что со своими коллегами он делает то же самое, разыскивает некоторые плеяды, множества переменных, чтобы узнать, будет ли стабильность или потрясение. И предложил поработать вместе. Они решили попробовать применить методы предсказания землетрясений к прогнозированию итогов президентских выборов, то есть анализировать выборы так, как геофизики изучают землетрясения. Они трактовали президентскую политику в геофизических терминах: рассматривали не ситуацию «Рейган против Картера», или «республиканцы против демократов», или «либералы против консерваторов», а интерпретировали выборы в терминах «стабильность против потрясений». «Стабильность» при таком подходе – это тот случай, когда партия, чей президент занимает Белый дом, побеждает на выборах, а «потрясение» – когда она проигрывает.

В результате их большой исследовательской работы, включавшей создание набора признаков для описания предвыборной ситуации (всё свелось к 13 дихотомическим переменным) и разработку математического метода анализа собранной информации, им удалось построить модель (алгоритм) прогнозирования исхода президентских выборов в США. Впервые эта «социолого-геофизическая» прогностическая модель «социотрясения» была испытана в 1984 году, когда переизбирался республиканский президент Рональд Рейган, а его конкурентом был демократ Уолтер Мондейл. Предсказание «стабильности»,

то есть переизбрания Рейгана оказалось верным. После этого американцы ещё семь раз выбирали президента страны. Были «потрясения», когда в 2008 году республиканца Буша-мл. на президентском посту сменил демократ Барак Обама, были и новые выборы без «потрясений», например, в 2012 году Обама подтвердил своё право остаться в Белом доме.

Мы не знаем, каким новым смыслом будет наполняться грушинский термин «социотрясение» и насколько успешным в дальнейшем будет метод Лихтмана-Кейлис-Борока, но можно допустить, что нам мало известны эвристические возможности трактовки политических событий в понятиях «стабильность – потрясение».

Прежде чем перейти непосредственно к анализу статьи Грушина о причинах, по которым нельзя верить многим опросам, проводимым на постсоветском пространстве, мне хотелось бы заметить, что и обсуждаемый в ней тезис, основной посыл, и приведённая аргументация не были лишь следствием его восприятия постперестроечных событий. В той же степени всё было предопределено пониманием Грушиным природы общественного мнения, изложенным в называвшихся ранее его работах «Мнения о мире и мир мнений» и «Массовое сознание». Но я хотел бы при изложении трактовки Грушиным феноменологии общественного мнения воспользоваться его построениями, изложенными в статье 1970 года. В ней приводится краткое, в духе логических конструкций, описание границ суждений общественного мнения, или отделяется это образование от других, в чём-то сходных [см.: 87].

Прежде всего Грушин выделяет три типа границ, которые логически очерчивают пространство существования и исследования общественного мнения: 1 – *естественные границы*, задаваемые природой общественного мнения; 2 – *логические границы* способности общественного мнения выносить те или иные суждения; 3 – *актуальные, или искусственные, границы* выражения общественного мнения. Другими словами, речь идёт о трёх подпространствах: «естественном», «логическом» и «актуальном».

В «естественном» подпространстве проводятся две границы: общественный интерес и дискуссионность. Общественное мнение как массовидную форму сознания имеет смысл искать и измерять лишь там, где обнаруживается общественный интерес и где есть признаки спорности, дискуссионности, множественности понимания.

Также два критерия призваны отразить логику общественного мнения: его познавательную способность и его информированность. Грушин говорит о «пороге доступности», есть в при-

нции познаваемое и непознаваемое общественным мнением; и о «пороге компетентности». Он уточняет: «...Понятия “порог доступности” и “порог компетентности” описывают хотя и связанные друг с другом, хотя и сходные, но всё же в сущности своей не совпадающие явления. По отношению к объектам, лежащим за “порогом доступности”, человеческий мозг в рамках массового сознания представляет собой вместилище разного рода ложных взглядов, заблуждений и предубеждений, распространение истинных знаний путём просвещения наталкивается в таких случаях на стихийное сопротивление всех этих элементов заблуждения. По отношению же к объектам, лежащим за “порогом компетентности”, массовое сознание представляет собой, скорее, типичную *tabula rasa*, на которую путём образования, путём соответствующей постановки дела информации может быть занесено любое знание» [87, с. 166–167].

Актуальное подпространство можно одновременно назвать «исследовательским и управленческо-прагматическим». И в этом случае Грушин обозначает две границы. Первая – «задачи исследования». Эта граница проводится аналитиками общественного мнения, они, исходя из множества соображений, решают поставленные задачи или нет. Вторая – проистекает из регламентирующей деятельности общества. Она производная его социально-политического характера. «Общественное мнение, – уточнял Грушин, – сложившееся по тем или иным вопросам, не становится актуальным фактом политики, остаётся “вещью в себе”, если ему не предоставляется реальная возможность высказаться. А это зависит от характера политической организации общества, от степени развития в обществе свобод (свободы слова, печати, собраний и т. д.), от места, занимаемого различными слоями и группами общества в системе управления социальными процессами» [87, с. 175].

Теперь всё готово к тому, чтобы обратиться к статье Грушина о препятствиях к проведению опросов общественного мнения в России, которые обнаруживались им в социально-политическом контексте и характере деятельности аналитиков в начале 1990-х.

Прежде всего, обобщая множество случаев из повседневной деятельности возглавляемой им Службы изучения общественного мнения “*Vox Populi*”, Грушин сформулировал следующий вывод: «...Проведение некоторых научных исследований в границах бывшего СССР не столько затруднено, сколько в принципе невозможно». Далее он отмечал: «...В процессе программирования и реализации исследования социолог должен обладать широким набором не только собственно профессиональных, но и весьма далёких от его профессии качеств – гражд-

данским и личным мужеством, повышенной находчивостью и “пробивной силой”, развитыми неформальными связями со множеством “полезных людей” в самых различных сферах жизни общества». И ещё один штрих: «... Практически во всех случаях – как раз абсолютно независимо от умений и усилий исследователя – в исследовании все равно могут сработать те или иные факторы, которые приведут к снижению качества информации, срыву запланированных сроков работ и т. д.» [82, с. 357].

По-сути, это – описание широкого комплекса обстоятельств, затрудняющих осуществление российскими аналитиками общественного мнения их профессиональных обязанностей, но, по Грушину, и их гражданского долга. Далее в характерной для Грушина логике изложения своих наблюдений он сжимает выше сказанное и выделяет три класса препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения. Первый класс он связывает с характеристиками самого «поля», то есть изучаемого общественного сознания; второй – с характеристиками совокупного исследователя и третий – с характеристиками общества в целом. В последнем случае имелся в виду широкий социальный контекст, в котором приходится действовать социологам в их контактах с респондентами и различными людьми, так или иначе причастными к организации опросов.

Легко понять, что к первому классу были отнесены препятствия, порождённые частым отсутствием «самого предмета изучения, то есть общественного мнения, которое сложилось и существует в обществе (по обсуждаемому вопросу) до того, как к нему обратились со своими вопросниками исследователи». Другими словами, Грушин начинал строить свою аргументацию с напоминания о том, что изучаемые исследователями фракции массового сознания, должны быть именно общественным мнением, то есть должны вписываться в границы введённого им критериального пространства. По Грушину, данный класс препятствий – фундаментальный, наиболее глубокий. «Он чаще всего полностью скрыт от глаз наблюдателей, меньше всего учитывается в практической деятельности интервьюеров и (в результате названных обстоятельств) оказывается наиболее губительным по своим негативным последствиям с точки зрения производства достоверной социальной информации» [82, с. 358].

Разговор о характеристиках совокупного исследователя базировался на постулировании недостатка или полного отсутствия профессионализма в основной массе социологов-прикладников. Что объяснялось тем, что в СССР на протяжении долгого времени не было социологического образования. Од-

нако главную трудность Грушин видел не в неумении российских полстеров (замечу, в те годы это слово не использовалось в России) планировать выборку, а в сложностях, возникающих при конструировании и реализации в тяжелейших организационных, финансовых и технических условиях «поля» такой программы и такого исследовательского инструментария, которые бы позволили если и не полностью устранить, то минимизировать бесконечное множество возможных ошибок. Принципиально и то, что в вопросе о негативных характеристиках совокупного исследователя Грушин не ограничивался критикой недостатков профессионализма, он считал, что на общий уровень и качество проводимых исследований огромное влияние оказывают также гражданская позиция социологов, их представление о смысле, целях и значении их собственной работы...». И в этой области деятельности сообщества российских аналитиков общественного мнения он усматривал наличие серьёзных проблем, осложняющих и без того сложную картину бывшей советской эмпирической социологии.

Разрушительное воздействие на исследовательскую практику препятствий общего социального характера Грушин прежде всего связывал с наличием в стране социальных проблем, лежащих в основании «социотрясения» и порождаемых им. Кроме того, говорилось о выраженном антиинформационном характере нового общества, то есть яркой выраженности в нём на всех уровнях иерархии управления таких ситуаций, когда процесс принятия решений не опирается на сколько-нибудь серьёзную, надёжную информацию. Последнее положение иллюстрировалось замечанием Грушина о том, что в поисках заказов на исследования он встречался с представителями политической, экономической и масскоммуникационной элиты, среди которых были: Ельцин, Горбачёв, Бурбулис, Шеварднадзе, Силаев и др. И вот его вывод: «...Подавляющее большинство этих контактов даёт блестящий материал для моего давнего и излюбленного сюжета об Учёном совете при Чингисхане, то есть правителях, которые, во-первых, до и без всякой науки знают, что истинно, а что ложно, и, во-вторых, привычно полагают, что имущество “подданных” является естественным продолжением “государственного”, то бишь их собственного, имущества» [82, с. 366].

Историко-биографический жанр этой книги безусловно предполагал анализ Грушинской концепции «социотрясения», его взглядов на природу общественного мнения, которые складывались достаточно долго и приобрели к концу прошлого века определённую завершенность, и, наконец, его аналитико-публицистической статьи о препятствиях к проведению оп-

росов в России. Но с момента публикации этой статьи прошло два десятилетия, и было бы неверно не обсудить того, в какой мере выводы Грушина, отражающие основные элементы практики изучения общественного времени в конце 1980-х – начале 1990-х, справедливы сейчас, в начале второго десятилетия XXI века.

Есть ли у нас основания к формулированию полярных суждений о том, что российские полстеры «всегда/в большинстве» случаев или «крайне редко/никогда» имеют или не имеют дело именно с общественным мнением населения. Хотя мне не известны специальные исследования этой проблемы, я не думаю, что столь категоричные ответы – того или иного типа – здесь будут оправданными. Многое в обществе не устоялось, многие вопросы относительно прошлого России, её настоящего и будущего находятся в центре общественного интереса и дискуссий, но всё же ситуация стала заметно определённое, стабильнее, чем в постперестроечное время. Выросло несколько поколений, для которых естественным является то, что в последние полтора десятилетия XX века было для советских граждан пугающе новым и противоречило всему прошлому. Таким образом, можно допустить, что по множеству аспектов жизни страны, населения, по которым 20–25 лет назад в России не существовало общественное мнение, теперь оно есть. Правда, нормально допустить, что постоянно рождаются новые ниши общественного бытования, которые лишь осваиваются общественным мнением. И так будет всегда.

Что касается совокупного исследователя общественного мнения, то он безусловно стал значительно более профессиональным, накоплен собственный опыт, освоены многие достижения европейских и американских полстеров. Я допускаю существование в российском полстерском сообществе разных позиций относительно смысла, целей и значения их собственной работы. Но не думаю, что ведущие в стране службы изучения общественного мнения «работают сегодня не ради систематического производства по возможности достоверной информации», а с целью «достижения сугубо внешнего и сиюминутного, к тому же нередко исключительно коммерческого, успеха...».

Что касается широкого социального контекста, в котором действует российский социолог (третий класс препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения), то он, естественно, принципиально изменился за прошедшие два десятилетия. Доказательство этого утверждения не требует анализа или обоснования. Однако из того, что мне приходится читать, положение учёных мало изменилось, они продолжают входить в Учёный совет при Чингисхане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершилась жизнь Бориса Андреевича Грушина, но не его судьба. Начав более полувека назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнул с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу.

В начале 2001 года Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...Состоялась, но не удалась» [9, с. 144]. И как же горько было говорить Грушину об ощущении невостребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?

Есть два главных обстоятельства, при соблюдении которых сделанное Грушиным будет жить внутри социологии и в социально политической культуре российского общества. Первое: если само российское социологическое сообщество осознает целостность своей истории и не допустит того, чтобы изучение наследия дореволюционных социологов, внимание к которому в последние годы наконец-то заметно выросло, велось в ущерб анализу работ социологов 1920–1930-х годов и осмыслению сделанного социологами, стоявшими у истоков постхрущёвской советской/российской социологии. Второе: если развитие российского общества будет сопровождаться усилением роли демократических институтов и укреплением позиций общественного мнения в решении актуальных проблем социального развития.

Если так будет, то имя Грушина окажется навсегда вписанным в социологию России и в политическую культуру страны XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заславская Т. И. Как Борис Грушин создавал ВЦИОМ // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 43–53.
2. Кон И. «Ушёл ещё один классик...» // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 431–433.
3. Левада Ю. О человеке, который сделал науку // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 409–410.
4. Шляпентох В. Советское люди в начале 60-х: размышления по поводу книги Бориса Грушина // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 140–162.
5. Грант С. Я хотел стать таким, как Борис Грушин // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 418–424.
6. «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела» // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 13–44.
7. Грушин Б.: «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» // ВЕК. № 27. 13–20 июля 2001 // 1001.ru. URL: <http://1001.ru/arc/issue1930/> (24.12.2013).
8. Шаповал С. Социотрясение по-русски. Борис Грушин надеется на историческое чудо // Независимая газета. №12(75). 28 июня 2001 // Рейтинг персональных страниц и электронных библиотек Viperson. URL: <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=213404> (24.12.2013).
9. Кучкина О. Загадочный лазутчик из будущего // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 133–144.
10. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
11. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2006. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева, 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1-я, 2003; Часть 2-я, 2006.
12. Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13 // University of Nevada Las Vegas. UNLV Center for Democratic Culture. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_grushin.html (24.12.2013).
13. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
14. Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
15. Александров А. Д. По поводу одной публикации // Вестник АН СССР. 1972. № 7. С. 55–65.
16. Заславская Т. И.: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.

17. *Здравомыслов А.* Человек, создавший себя сам // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 436–440.
18. *Мансуров В., Петренко Е.* Изучение общественного мнения // Социология в России. Ред. В. А. Ядов. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 569–587.
19. *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель // Библиотека (интернет-издательство). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank002.htm> (24.12.2013).
20. *Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф. Павленков, 1881 // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/holtzendorff.pdf> (24.12.2013).
21. *Гольцендорф Ф.* Общественное мнение. СПб.: Я. Орович, 1895; изд. 2-е, 1896; изд. 3-е, 1899 // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=322> (24.12.2013).
22. *Брайс Д.* Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В. Н. Неведомского. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1889. Ч. 1: Национальное правительство; Ч.2: Правительства Штатов. Политические партии, 1890; Ч. 3: Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни, 1890.
23. *Bryce J.* The Holy Roman Empire. London: T. & G. Shrimpton, 1864.
24. *Хвостов В. М.* Общественное мнение и политические партии. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1906.
25. *Коробейников В.* Пирамида мнений. М.: Молодая гвардия, 1981.
26. *Кузьмичев В. А.* Организация общественного мнения. Печатная агитация. М.-Л.: Государственное издательство, 1929.
27. *Шереги Ф. Э.* Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов. Проблемы репрезентативности исследований // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.
28. *Шереги Ф. Э.* Краткий список работ советских социологов: 1920–1930-е годы // University of Nevada Las Vegas. UNLV Center for Democratic Culture. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/biblio_early_russian.html (24.12.2013).
29. *Кандыбович Л. А., Стоюхина Н. Ю.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы. Минск: Тесей, 2009.
30. О жизни и творчестве С. М. Василейского. Простые вопросы – непростые ответы (Интервью с Н. Ю. Стоюхиной Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 9–15.
31. *Горшков М. К.* Общественное мнение. История и современность. М.: Политиздат, 1988.
32. *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
33. *Тягло В. А.* Генезис понятия «социалистическое общественное мнение» // Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М.: ИСИ АН СССР, 1976. С. 22–36.
34. *Уледов А. К.* Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 40–53.

35. Уледов А. К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцгиз, 1963.
36. Косинский А. С. Мы сидели за одной партией и были влюблены в оперу... // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 27–30.
37. Хромченко М. С. Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004.
38. Ладенко И. О. Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. № 3. С. 7–12.
39. Грушин Б. А. Горький вкус невестребованности // Российская социология шестидесятих годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–235.
40. Грушин Б. А. Цитаты из жизни // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 11–24.
41. Сенокосов Ю. П. Мераб Мамардашвили: веки творчества // Мгарский колоколь. Всеукраинский журнал. URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1104> (24.12.2013).
42. Белянчикова Л. А. Грушин Б. А.: «Мы все время вели войны за свой предмет» // RELGA. Научно-культурологический журнал. 11 мая 2004. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles> (24.12.2013).
43. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М. К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1.
44. Карцева Н. Г. Послесловие. Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 369–372.
45. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.
46. Gallup, G., Jr. Interview // Public Broadcasting Service (PBS). URL: <http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm> (24.12.2013).
47. Фирсов Б. М.: «...О себе и своём разномыслии...» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.
48. Травин И. И.: «В социологию я пришёл совершенно сознательно» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 2–11.
49. Беляев Э. В.: «Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта мой личности» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11.
50. Панова Л. В.: «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обёртку партийных документов» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–11.
51. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
52. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп:

- журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33.
53. Здравомыслова Е. А. Моя профессиональная жизнь характеризуется «счастливым браком» гендерных исследований с качественной методологией (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15.
54. Здравомыслова Е. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/el47.html> (24.12.2013).
55. Ильин В. И.: «Социология как образ жизни – это автономная сторона социологии как профессии» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 134–160.
56. Шереги Ф. Э.: «Тогда я и пришёл к выводу: СССР стоит перед распадом» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
57. Grušin B. In pivo veritas. Praga, 1986.
58. Бачишин В. Исследование пражского пивного фольклора, или in pivo veritas // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 404–406.
59. Московский логический кружок // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (1.07.2012).
60. Шедровицкий Г. П. Александр Александрович Зиновьев // Zhurnal. lib.ru. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/shedrowickij_g_p/gp_i7.shtml (1.07.2012).
61. Соловьев Э. Ю. Антитетика массового сознания // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 129–139.
62. Мотрошилова Н. В. «Какой же он был красавец!» // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 34–40.
63. Кучкина О. Борис Грушин: Во время паники рабочий и академик ведут себя одинаково // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 425–428.
64. Валентин Чикин: «В “Комсомолке” я ложками черпал эликсир» // Комсомольская правда. 25 января 2002.
65. Грушин Б. А. К истории научного изучения общественного мнения // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 219–256.
66. Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве. М.: Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР, 1969.
67. Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я. С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 15–19.
68. Грушин Б., Чикин В. Во имя счастья человеческого. М.: Правда, 1960.
69. Грушин Б., Чикин В. Лицо поколения. М.: Правда, 1961.
70. Грушин Б., Чикин В. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.
71. Грушин Б. Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М.: Правда. 1966.

72. Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1966.
73. Игитханян М. Х. Сила общественного мнения. М.: Политиздат, 1962. С. 4.
74. Оников Л. А. «Я выполнял свой человеческий и партийный долг» // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 229–235.
75. в.??? (автор, нет текста в этом пункте)
76. Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
77. Докторов Б. З. Вместо заключения: власть и общественное мнение // Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 349–361.
78. Грушин Б. А. На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИ-ОМа // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 91. № 5. С. 55–64 // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент» (ЭСМ). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/24/1214870517/6.pdf> (24.12.2013).
79. Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2 августа 2004. URL: <http://izvestia.ru/news/292698> (24.12.2013).
80. Докторов Б. З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
81. Грушин Б. Социотрясение по-русски (Интервью С. Шаповалу) // НГ-Фигуры и лица. № 03 (66). 8 февраля 2001 // Международный евразийский институт. URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=132> (24.12.2013).
82. Грушин Б. А. Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 355–366.
83. Грушин Б. А. Учёный совет при Чингисхане // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 295–302.
84. Грушин Б. А. Социотрясение продолжается // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 307–312.
85. Грушин Б. А. Смена цивилизаций? // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 285–294.
86. Тимофеева И. «Социотрясение» продолжается // Трибуна. № 1. 12 января 2012. URL: http://www.tribuna.ru/other_sections/science/sotsiotryasenie_prodolzhaetsya/ (24.12.2013).
87. Грушин Б. А. Границы высказываний общественного мнения // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 155–177.

МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА

В. А. ЯДОВ О СЕБЕ
И ЕГО ДРУЗЬЯ О НЁМ

УДК 316-051+929Ядов
ББК 60.5-8Ядов В.А.
Д63

Докторов Б. З.

Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём / Б.З. Докторов.
М.: Радуга, 2016. — 116 с. ISBN 978-5-99905-9704-4

Настоящая работа продолжает серию книг Б. З. Докторова по истории американских опросов общественного мнения и современной российской социологии. В частности, им написаны книги о Джордже Гэллапе и Б. А. Грушине. Предлагаемая книга — это первая в нашей литературе попытка объемного рассмотрения жизни и творчества одного из создателей отечественной социологии — Владимира Александровича Ядова (1929—2015). В книге активно используются материалы интервью Докторова с Ядовым и их переписки, а также воспоминания многих коллег Ядова о нем.

Книга публикуется в рамках подготовки к VI Грушинской социологической конференции, проводимой ВЦИОМ, и обращена ко всем, кто работает в теоретической и прикладной социологии, к историкам и преподавателям социологии, аспирантам и студентам.

УДК 316-051+929Ядов
ББК 60.5-8Ядов В. А.
© Докторов Б. З.
© ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», 2016

ISBN 978-5-9905-9704-4

Введение.....	121
Благодарности	122
У входа в «Мир Ядова»	124
Автобиографические письма.....	128
Жил исключительно идеей быть полезным	129
Психологический автопортрет	129
Что бы я сказал о своей жизни	131
Комментарии к написанному	132
На пороге личностного пространства	135
Предбиография и ранние годы биографии.....	135
Философский факультет ЛГУ	139
Долгий и извилистый путь в социологию.....	145
«Точки сгущения» профессионального пространства: ленинградский период	150
Начало	150
«Человек и его работа»	153
Учебник для всех поколений	159
Диспозиционная теория личности	162
Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция.....	168
«Точки сгущения» профессионального пространства: московский период .	171
Недоброе прощание с ИСЭП АН СССР	171
Юрьев день в жизни Института социологии РАН	174
Отношение к марксизму.....	179
Парадигмальный подход: «Юрьев день» в теории социологии	186
Ближний мир.....	194

Семья.....	194
Коллеги-друзья	199
Заключение	207
Список литературы	210

Владимир Александрович Ядов
(1929 – 2015)

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

Александр Галич «Ошибка», 1962¹

В 2009 году, в связи с 80-летием Владимира Александровича Ядова я написал биографическую заметку о нём, назвав её «Советская социология начинается с буквы “Я”» [Докторов 2009]. Всё рассказанное о жизни и работе Ядова было исторически верно, но всё же заголовок был в значительной степени метафоричен. Однако последующие годы снизили уровень метафоричности этих слов и, напротив, усилили буквальный смысл сказанного. Такова правда жизни.

Познакомился я с Ядовым очень давно, а моё знакомство с его биографией началось в первые дни 2005 года, когда Владимир Александрович согласился рассказать мне о прожитом и своей исследовательской деятельности. Потом было ещё одно биографическое интервью, была активная электронная переписка, были заметки о нём.

В середине 2015 года Ядова не стало... Я уверен, что вклад Ядова в становление и развитие нашей социологии, его личностные качества будут пристально изучаться историками российской социологии и станут предметом многих биографических и историко-социологических исследований.

Признаюсь, очень сложно начинать разговор о Владимире Александровиче Ядове. Но и откладывать его на будущее нельзя.

Борис Докторов

¹ Любимая песня В. А. Ядова.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина 2015 – начало 2016 года – это время привыкания российского социологического сообщества к существованию без Владимира Александровича Ядова (25 апреля 1929 – 2 июля 2015). Ведь в отечественной послевоенной, или постхрущевской, социологии он был всегда, свыше полувека. Но, конечно же, его место и роль в нашей науке определяются не столько годами, отданными становлению и развитию социологии, сколько его трудами и позицией в коммуникационном мире многопоколенного сообщества социальных исследователей.

Под руководством Ядова было защищено свыше 60 кандидатских диссертаций, десятки учёных, выбирая темы и разрабатывая свои докторские исследования, консультировались с ним. Несметное число социологов разного возраста помнят лекции Ядова, семинары, на которых он выступал, помнят вопросы, которые он им задавал и свои ответы ему. Книга «Человек и его работа» [Человек 1967], написанная им совместно с А. Г. Здравомысловым, продемонстрировала новый подход к познанию общества, на долгие годы стала гидом в социологию и породила в стране разветвлённую систему изучения отношения к труду разных слоёв населения. Книга Ядова по методологии и технике социологических исследований [Ядов 1972] на протяжении многих лет была единственным учебником, по которому язык науки осваивали все поколения советских и постсоветских социологов. Диспозиционная теория личности – любимое Ядовское дитё – помогает осознать, насколько сложен, многомерен мир личности [Саморегуляция 1979]. Во-многом под влиянием Ядова произошёл «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход. На Западе советскую, российскую социологию в значительной степени олицетворяет собой Ядов.

Занимаясь, во многом по инициативе Ядова, историей современной российской социологии, я могу с уверенностью сказать, что его вклад, его присутствие обнаруживаются на всех уровнях развития науки и во многих её предметных нишах. Ядов – теоретик и методолог, человек, озабоченный строгостью социологических измерений и использованием математических методов при обработке социологической информации. Ядов – исследователь труда и качества жизни, ценностных ориентаций и поведения. Ядов – социолог и социальный психолог, аналитик, годами погружённый в разработку сложных теоретико-методологических проблем, и организатор науки. Он стоял во главе первой в СССР социологической лаборатории в Ленинградском государственном университете и был директором головного Института социологии РАН в сложные перестроечные и постперестроечные года. Ядов заслуженно признаётся одним из создателей «Ленинградской социологической школы», а наши эстонские коллеги связывают с его именем становление современной эстонской социологии. Ядов – не только автор многих книг и статей, но и редактор ряда известных коллективных трудов, несколько лет он был редактором «Социологического журнала» и состоял в редакционных советах ряда отечественных и зарубежных изданий.

Владимир Александрович был не только учёным и учителем, но масштабной и в высшей степени харизматичной личностью, которой были присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим был дух «шестидесятничества».

Ядов был публичной фигурой, он представлял науку и страну на многих крупнейших российских и международных социологических форумах, он нередко выступал в прессе, журналисты серьёзных изданий стремились побеседовать с ним. Стараниями его коллег и друзей в 2009 году, к 80-летию Владимира Александровича была издана объёмная книга «Vivat, Ядов!» [Vivat 2009]. В ней, обращаясь к сло-

вам Предисловия, написанного М. К. Горшковым, Ядов представлен многогранной личностью, подлинным ученым и бесстрашным человеком [Горшков 2009, с. 3]. Это – большое число статей, в которых освещаются многие аспекты его научной и преподавательской деятельности, раскрываются его личностные свойства. Таким образом, многие давно работающие социологи, не знакомые лично с Ядовым, и социологи новых поколений всё же имеют возможность познакомиться с ним, не только как учёным и организатором науки, но и как с человеком. Вместе с тем, на нас, современниках Ядова, на людях, работавших с ним, общавшихся с ним в официальных обстоятельствах и в неформальной обстановке, лежит ответственность за сбор и накопление документов о его жизни и работе, и именно мы должны предпринять первые попытки написания его научной биографии. Не сделав этого в ближайшие годы, мы автоматически лишим себя многих ценнейших страниц истории советской и постсоветской социологии.

Так в развитии моих исследований сложилось, что решение написать историко-биографическую статью о Борисе Андреевиче Грушине, принятое летом 2004 года, было навеяно опытом изучения истории становления и развития практики американских опросов общественного мнения и биографий первых американских полстеров, создавших современную, научную методологию анализа массовых установок. И через несколько дней после выхода этой статьи [Докторов 2004] я получил электронное письмо от Ядова со словами: «...я с огромным интересом прочёл твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нём, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...». На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я понял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Прошло более десяти лет, и я с полным основанием могу назвать мой проект анализа прошлого-настоящего и будущего советской и постсоветской российской социологии Ядовским. От Ядова пришёл первый импульс, толчок. Он консультировал меня по сложным собственно научным проблемам и по не менее трудным – этическим. Он был рефери в иногда возникавших конфликтных ситуациях относительно понимания событий прошлого и деятельности наших коллег, внёсших заметный вклад в развитие отечественной социологии. Ядову были посвящены моя книга «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» [Докторов 2013b] и онлайн-интерактивная книга «Биографические интервью с коллегами социологами» [Докторов 2014a]. В 2014 году Ядов поддержал моё устремление подготовить небольшую книгу о Борисе Грушине, которого он «любил как брата родного», и написал предисловие к ней [Докторов 2014b].

Настоящая книга – дань уважения Владимира Александровича и высокого признания сделанного им в социологии, точнее – прожитого им с целью развития этой науки. Он жил социологией.

Книга сделана в чрезвычайно сжатые сроки. К тому же следует сказать, что процесс подготовки книги был чрезвычайно отягощён тем обстоятельством, что работа над ней проходила в Америке, у меня не было возможности даже для весьма краткой поездки в Петербург и Москву для бесед с моими коллегами, многие годы работавшими с Ядовым.

Благодарности

... прошло более полугода после смерти Владимира Александровича Ядова, но я до конца не могу осознать произошедшего. Так сложилась, что в последние десять лет я регулярно делился с ним планами и просил его почитать написанное еще до полного завершения текста. Вот и сейчас я ловил себя на мысли о том, что хорошо бы отправить Ядову книгу о нем...

Работа шла сложно, и причины этого названы ниже. Сейчас же я хочу по-благодарить всех тех, кто поддержал мой замысел написать эту книжку и помог в его реализации. Первыми назову Валерия Федорова, генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), и Наталью Седову — помощника генерального директора ВЦИОМ по науке. Эта книга не могла бы быть написанной, если бы не мои многолетние дружеские обсуждения многих сложных вопросов освещения нашей истории с Ларисой Козловой, заместителем главного редактора «Социологического журнала». Мне приятно отметить, что на мои вопросы, касательно некоторых аспектов творчества Ядова, я получал исчерпывающие ответы от Виктории Семеновой, Александра Малинкина и Александра Согомонова.

Здесь же назову неоценимую многообразную помощь моих коллег и друзей, живущих в разных городах России: Андрея Алексеева и Бориса Фирсова (Санкт-Петербург), Александра Никулина и Франца Шереги (Москва), Гарольда Зборовского (Екатеринбург).

Я благодарен сестре Владимира Александровича Инессе Буланиной за материалы об их родительской семье и его сыну Николаю Ядову за старые редкие фотографии отца.

Не могу не отметить вклад в иллюстрирование книги Владимира Паниотто и Елены Икингрин, выполненные ими фотографии представлены на первой и последней сторонах обложки. Спасибо Наталье Мاستиковой за фотографии Ядова, сделанные в последние годы его жизни.

Большая работа по подготовке рукописи к изданию выполнена Еленой Кофановой. И особые слова благодарности — Анне Кулешовой, куратору издательских программ ВЦИОМ. Постоянные рабочие контакты с ней были всегда приятными и эффективными.

Борис Докторов

5 февраля 2016 года

У ВХОДА В «МИР ЯДОВА»

«Мир Ядова» – это всё, относящееся к его жизни и работе, ибо применительно к Ядову с уверенностью можно говорить, что работа занимала доминирующее место в его жизни, и вся его жизнь была отдана развитию российской социологии. Сейчас трудно говорить о содержании «Мира Ядова», но можно не сомневаться в том, что он весьма велик, многообразен, интересен и многолюден. И освоение «Мира Ядова» – один из эффективных и захватывающих маршрутов в прошлое-настоящее нашей науки и место для попыток рассмотрения её будущего. Но одновременно, это и очень сложный маршрут.

2 мая 2010 года Ядов сообщил мне, что обсуждал с Н. И. Лапиным и О. Н. Яницким перспективы издания 10-томного собрания сочинений А.Г. Здравомыслова, и эта история побудила его составить список своих работ. И далее он заметил относительно этого списка: «Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик». Так получилось, что документ был неудачно прикреплен к «мейлу», и я попросил Ядова прислать документ ещё раз. И 4 мая он был повторно прислан мне с пометкой: «Старался. Сбрасываю то, что послал, что бы я сам отобрал для переиздания (2 мая 2010)». Вот этот список (без каких-либо моих правок):

1. *Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд. ЛГУ. 1963 (7,8 л.)*
2. *О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Сб. Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука. 1975 (1,5 л.)*
3. *Социально-психологический портрет инженера (В соавторстве) М.: Мысль, 1977 (10 л.)*
4. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (в соавт.) Л.: Наука, 1979 (19 л.)*
5. *Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР: сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения (соавт. Т.И.Заславская). Вечерняя Москва, 07.06.89*
6. *Социальные идентификации в условиях кризиса. Мир России. 1995. №№ 3 и 4 (1,5)*
7. *Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания. СОЦИС. 1997. №3*
8. *Солидаризация в рабочей среде: (в соавт.). М: ИС РАН. 1998 (13,5 л.)*
А всё же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. Под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-пресс, 2001 (08 л.)
9. *Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и дополн. (соавт. А.Здравомыслов). М.: Аспект-пресс (20 л.?)*
10. *Становление трудовых отношений в постсоветской России (в соавт.). М.: Академический проект, 2004. (14 л.)*
11. *Нестабильная социальная идентичность как норма современных динамичных обществ (соавт. Е. Данилова). СОЦИС, 2004. .№4*

12. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002). Мастер-класс проф. В.А. Ядова. Методологический практикум для студентов-социологов. М.: Аспект-пресс. 2004 (18 л)

13. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие по социологии (Ред. и рук. авт.коллектива). Прогресс-Традиция, 2005 (23 л.)

14. Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 г.г.). (В соавт.) СПб: РХГА. 2006 (18 л)

15. Кому и для чего нужна сегодня национальная русская социология. СОЦИС. 2008, №3

16. Стратегия социологического исследования. М.: Омега плюс, 2009 (30 л)

17. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Для студентов магистратуры. Изд. Второе. СПб.: 2009 (12 л.)

В этих работах – полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора.

В мемориум можно поместить весьма комплиментарную статью из лондонской Times: A self-taught sociologist? The Times Higher Education Supplement. Oct. 25, 1991.

В ответ я писал: «Володя, раз ты сам поднял вопрос про ”сыграю в ящик” – и правильно сделал... где-то Игорь Кон писал, что образ жизни не хотел изучать, но образ смерти – был готов, я хочу спросить тебя про твой архив... прежде всего есть ли он? Боря Грушин какую-то часть архива отдал в Стэнфорд, что с домашней частью, я не знаю... значительная часть архива Леонида Столовича – в Стэнфорде... но они вели, занимались этим... что с твоими бумагами? Ты не такой, как Боря Грушин, я не вижу тебя над архивными папками... но ты сам понимаешь, как это всё важно для науки...».

И вот 4 мая я получаю: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное – запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался» [Докторов 2015, с. 148].

Так что прямого, лёгкого и быстрого пути в обозначенный мир нет. Каждый историк науки будет заходить в него и изучать его по-разному, потому надо быть готовым к появлению множества Ядовских «миров». Для меня смерть Ядова – это событие, осознанное лишь в том плане, что я не могу ему написать или позвонить. Но всё это произошло настолько недавно, что не изменило характера нашего диалога; я постоянно ловлю себя на мысли о том, чтобы предложенное мною освещение «мира Ядова» было бы созвучно его пониманию себя. Оно должно быть честным, не помпезным и не скучным. Чтобы не ошибиться в своём изложении, я решил максимально использовать Ядовские тексты и материалы, написанные при его жизни сотрудниками, коллегами, друзьями Владимира Александровича.

Мой исследовательский подход связан с построением того, что я называю «Миром Ядова», т. е. речь пойдёт об анализе жизни и наследия Ядова в специальном многомерном семантическом пространстве. Не вызывает сомнений многомерность мира каждого человека, и всё же мы должны признать большие различия в размерах и метриках этих индивидуально-личностных пространств и без особой аргументации принять то, что мир человека, прожившего более восьми десятилетий в сложнейшей, постоянно меняющейся социальной среде, и внёсшего своей

деятельностью значительный вклад в развитие отечественной социологии, крайне сложен. Таким образом сейчас речь может идти лишь о создании достаточно простой модели этого мира с тем, чтобы потом достраивать её, усложнять и наполнять новыми данными.

В нашей историко-социологической литературе говорят о «феномене Ядова», о Ядове как «явлении», о «человечном человеке науки», отмечают, что «Ядов – это эпоха» и так далее. В принципе, всё это верно, но в исследовательских целях понятие «мир» представляется мне более подходящим, конструктивным. «Феномен», в моей интерпретации, – более статичен, краткосрочен, чем «мир», более локален. Понятие «эпоха» всё же в первую очередь – социально-временное. В моём понимании, «Мир» – априори пространственен, многомерен, красочен и в нём непременно есть временная ось, «Мир» – это пространство для анализа.

Сейчас я вижу «Мир Ядова» как семантическое (информационное) пространство, имеющее три важнейших подпространства, каждое из которых в свою очередь обладает сложным, многоячеечным и слоевым строением. Первое из этих подпространств может быть названо «личностным». В нём могут быть расположены (или из него можно черпать) данные о становлении личности Ядова и его личностных особенностях, о процессах его профессионализации и вхождения в научное сообщество. Второе подпространство – условно – «профессиональное». Прежде всего – это всё, что относится к проведённым Ядовым исследованиям и работе над книгами. Условность такого обозначения этой области «Мира Ядова» заключается в том, что личностное и профессиональное в жизни Ядова очень переплетены, его творчество – высокобиографично. Третье подпространство назовём «коммуникационным», прежде всего, оно – конечно же – профессионально-коммуникационное. Ведь для историко-социологического исследования интересны сфера и характер внутрицеховой коммуникации Ядова: его российские и иностранные коллеги, сотрудники, аспиранты. Сложность изучения этой части «Мира Ядова» определяется в первую очередь собственно богатством, яркостью коммуникативных способностей Ядова, а также географией и долголетием его профессиональных контактов.

Как в любом историко-биографическом исследовании, присутствует в нашем изучении «Мира Ядова» ещё одна переменная, или ещё одно направление – время. Я буду стремиться к хронологическому изложению материалов, но это далеко не всегда удаётся сделать. Зачастую, как это бывает в жизни каждого, невозможно расщепить и уложить во временной упорядоченности то, что в предметном плане связано.

Мне на собственном опыте известны многие подводные камни, осложняющие работу историка-биографа, особенно в том случае, когда приходится рассказывать об учёном, которого многие современные читатели знали лично, видели его или, по крайней мере, работы которого читали. Понятно, что Ядов относится именно к этой группе социальных исследователей.

Так случилось, что изучение биографий российских социологов я начал после достаточно продолжительной работы по истории зарождения и развития исследований общественного мнения в США и изучения жизненных траекторий первых американских полстеров. Тогда я писал о людях, после смерти которых прошло несколько десятилетий и которых я никогда не видел, к тому же писал для аудитории, в которой лишь единицы знали отдельных из моих героев. Всё начиналось буквально с нуля, иногда даже само имя героя будущего историко-биографического поиска открывалось мне случайно, и знание биографии этого человека становилось итогом изучения различных материалов о нём и ознакомления со сделанным им. Написание биографии – это всегда общение со своим героем. Когда размышляешь о жизни человека, которого не видел, не знал, которому не смотрел в глаза и руко-

пожатия которого не помнишь, то общение с ним сводится к мысленному диалогу. Если же героем историко-биографического изучения является человек, которого знал долгие годы, с которым обсуждал профессиональные и житейские проблемы, с которым встречался на работе и в его доме, если видишь его глаза, слышишь его голос и помнишь тепло его рук, то работа над биографией превращается в сложный, очень интимный мысленно-чувственный диалог, в своего рода воспоминание-размышление, в котором доминирует сложившееся годами отношение к этому человеку.

Мне приходилось писать о Б. А. Грушине, А. Г. Здравомыслов, Я. А. Кугеле, В. А. Ядове при их жизни и после их смерти. Переживаешь абсолютно разные ощущения. В первом случае имеешь дело собственно с биографией, во втором – с постбиографией, как бы прикасаешься к судьбе человека. Поясню сказанное.

В моих исторических исследованиях анализ биографии умершего человека протекает в трёх зонах. Первая зона – предбиография; анализ фокусирован на родительской семье человека, пытаешься заглянуть в мир, в который он вошёл, в котором протекала его первичная социализация, формировалась система его ценностей, понять особенности среды, принципами и нормами которой он осознанно, а часто – неосознанно руководствовался в жизни.

Впервые я встретился с настоящей, глубокой предбиографией в 1999–2000 годах при ознакомлении с биографией Джорджа Гэллапа. В одном из “Who is who” мне попалось упоминание о том, что он относится к десятому (!) поколению американцев, и что его первый американский предок (это зафиксировано в хрониках освоения Нового Света) прибыл в Америку в 1630 году. Я обратился в The Gallup Family Association, общество, координирующее все генеалогические поиски членов огромной глобальной семьи Гэллапов, за помощью в информации об этом клане и получил в подарок крупноформатную книгу, содержащую вводную информацию о всех представителях 14 поколений этой семьи. Конечно, это суперредкий случай в историко-биографических раскопах, относящихся к людям, не принадлежащим к старым дворянским родам. Но постепенное раскручивание представлений о предбиографии позднее вывело меня на понятие биографичности творчества социолога, т. е. отражения в его деятельности особенностей его биографии.

Вторая зона изучения траектории жизни человека охватывает собственно его биографию; это касается того, как складывалась и протекала, под воздействием каких обстоятельств и т. д. его жизнь от рождения до смерти. Всё, что происходит позже, – дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее – не в силах изменить собственно траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство. Всё это уже произошло, состоялось, завершилось.

Третья зона историко-биографического анализа – исследование и одновременно создание постбиографии человека. Начало постбиографии человека – момент его смерти. Продолжительность постбиографии может быть достаточно короткой, но может быть и фактически бесконечной. Постбиография является функцией (продолжением) биографии и комплекса внешних обстоятельств различной природы. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с доперестроечными и современными жизнеописаниями Николая II и первых руководителей советского государства.

Время придаёт прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после её завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать – судьба обычно дольше, про-

должительнее жизни. И судьба – многомернее биографии. Сейчас мы являемся свидетелями начала постбиографии Ядова, и в значительной степени именно от нас зависит то, как сложится его судьба.

Выше отмечалось, что в российской литературе можно найти определённую информацию для работы над биографией Ядова. И к некоторым из этих источников я буду обращаться. Вместе с тем, основой моего анализа будут два моих биографических интервью, проведённых с Владимиром Александровичем. Первое – свыше трёх печатных листов – было опубликовано в 2005 году [Ядов 2005a; Ядов 2005b]. Это – наиболее полный, обстоятельный из всех существующих рассказ Ядова о своей жизни и о своей активности в пространстве социологии. За прошедшие годы оно целиком или частично воспроизводилось разными печатными и онлайн-изданиями. Второе интервью было опубликовано в 2014 году, накануне 85-летия Ядова, в нём обсуждаются некоторые события, происходившие в его жизни и российской социологии после завершения первого интервью [Ядов 2014].

Кроме того, я буду обращаться к дорогой мне переписке с В. А. Ядовым. Она началась 25 сентября 2003 года и завершилась в середине ноября 2014-го, когда уже более не могла продолжаться. На мой вопрос: «Володя, до меня дошли слухи, что ты был в больнице. Как себя сейчас чувствуешь?», – я получил ответ: «Да, велено четыре раза в год делать капельницы».

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Ниже будет рассмотрена информация о Ядове в обозначенном выше историко-биографическом пространстве. Но начну – с автобиографических материалов, они задают рамку общего анализа и камертон изложения. Речь идёт о нескольких письмах, полученных мною от Владимира Александровича в последние годы его жизни; они – очень личностные, но из приводимых текстов видно, что у меня не просто есть право на их публикацию, но таковым было желание Ядова. Частично этот наказ уже выполнен [Докторов 2015], но – мне кажется – письма должны быть известны широкой социологической общественности, без знания их невозможно серьёзное изучение биографии Ядова, понимание его личностного мира. Принципиально то, что эти письма Ядова – его спонтанные реакции на разные внешние обстоятельства или следы внутренних размышлений о прожитом. Они не были спровоцированы, стимулированы моими вопросами.

Сначала – письмо, полученное мною 12 октября 2013 года, но в тексте была отметка – «2008». Скорее всего, Ядов переслал мне не личное письмо, а комментарий к какому-либо тексту.

Жил исключительно идеей быть полезным

Какая ерунда приходит подчас в голову. Начинаю понимать, что жил исключительно идеей быть полезным для... общества, семьи, для студентов и своих коллег, прочее и прочее.

Переживал, что не удалось схватить зажигалку на крыше в первые дни бомбёжек Ленинграда. По возвращении из эвакуации пошёл в лётную школу, а к концу курса перед переходом в авиаучилище война закончилась и к тому же оказался физически негодным в пилоты, маячило училище авиаобслуги. В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился – пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел.

Даже, когда стал директором-организатором Института социологии на каком-то партсобрании произнёс душевную речь в том смысле, что в руководстве партии были всякие, но многие рядовые коммунисты искренне верили в идею и жертвовали ради неё своей жизнью. Одна из любимых моих песен – «И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной». Мой ближайший друг – итальянский коммунист Нино Коломбо, до сего дня остающийся страстным борцом: пенсионер, но выполняет поручения одной из радикальных отколовшихся от ИКП партий, ездит в другие страны на конгрессы, участвует в уличных демонстрациях.

Свой партбилет, который я держу в обложке от партбилета отца с надписью ВКПБ, я не сжигал и не выбрасывал, а храню вместе с академическими дипломами. Не упускаю случая ещё раз посмотреть фильмы: «Женя, Женечка и “катюша”», «В бой идут одни старики», вижу самого себя на той войне, куда не удалось попасть.

И как будто вторая жизнь – социология. В воспоминаниях перед сном никогда не возникают образы из этой второй жизни².

Конечно, большинство событий из жизни Ядова, приведённых здесь, описаны в наших интервью и в его других письмах, но в данном случае всё очень сконцентрировано, приближает нас к каким-то «ядерным» структурам его личности, его мира. Поясню сказанное.

«И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной» – это строка из песни Булата Окуджавы «Сентиментальный марш», написанной в 1957 году и ставшей широко известной после выхода фильма «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»), признанного одним из символов политической «оттепели». Автором сценария фильма «Женя, Женечка и “катюша”» тоже является Окуджава, а события фильма относятся к периоду войны. О том же времени и фильм «В бой идут одни старики»; это трагический рассказ о молодых лётчиках, и если иметь в виду то, что Ядов на год оставлял общеобразовательную школу и был курсантом лётного училища, то понятно его трепетное отношение к этой киноленте.

Следующее письмо (от 14 февраля 2013 года) – это нарисованный Владимиром Александровичем психологический автопортрет, выполненный в манере «мягкого кубизма» с вкраплениями сюрреализма. Письмо начинается со слов: «Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключая, на другой день после похорон бранных останков В.Я.» – и кончается так: «Вот, что мне пришло в голову и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда». Можно допустить, начало заметок было навеяно мыслями, пришедшими к Ядову в полусне, дрёме, но по мере написания текста «ситуативная идентификация» сдавала свои позиции под давлением характерной для него оптимистической рациональности. Но в любом случае его слова «опубликуешь мои саморефлексии» я воспринимаю как завещание, как наказ, обязательный для исполнения.

Психологический автопортрет

Ядов — Докторову, 14 февраля 2013

Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключая, на другой день после похорон бранных останков В.Я. Так что учти, что здесь есть момент самопрезентации, каковая, что я вычитал

² Письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 12 октября 2013 г. Электронный архив Б. Докторова.

у Лены Рождественской³, есть «ситуативная идентификация» – невольное стремление показать себя определённым образом данному собеседнику. Коль скоро я это знаю, то постараюсь умерить названное стремление, хотя вряд ли удастся его преодолеть полностью. К тому же я знаю, что по типу характера – экстраверт, выскочка, не могу удержаться от реплики оратору, иногда не вполне уместной в данной обстановке. Нахожу самооправдание в схожести подобного поведения с Борисом Грушиным, которого любил как брата родного.

Итак, перехожу к предмету словоизлияния.

Я не могу отнести себя к категории книжников, библиотечных червей, каковыми были, например, Игорь Кон и Геннадий Батыгин. Геннадий считал, что если не прочёл несколько (что-то очень много) работ за день, то день прошёл впустую. Для меня, злостного курильщика, работа в библиотеке всегда была несколько мучительна. Не только и не столько по причине частого бегания в курилку, сколько потому, что поразмышлять над прочитанным с сигаретой в кресле – это некий кайф, а дымить в компании библиотечных завсегдатаев-болтунов никакого удовольствия не представляет. В Лондонской школе экономики и социальных наук я наострился выносить книгу из библиотеки под плащом «Болонья», для этого прямо приспособленного. За спиной под ремнем можно было вынести здоровенный том или несколько журналов, благо в 60-х электронного контроля на выходе из читального зала не было. К закрытию библиотеки я ставил унесённое на место. Продуктивность такой тактики была намного выше нормативно принятой.

Не ровняя себя с упомянутыми друзьями-книголюбями, я всё же читал и продолжаю читать, чаще просматривать ежедневно не так уж мало. Сегодня это занятие стократно облегчено поиском в Интернете. Вот и сейчас я пошарил в сети «Психология процесса творчества», нашёл поначалу словосочетания «воображение» и «память», множество текстов о творчестве художника и композитора. Добавил в поиск «научный» и выудил из Л. С. Выготского: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую стороны».

Я искал связь с эмоциями, т. к. в своей работе этот момент полагаю очень существенным. Попробую объяснить. Заметил за собой, что важные вещи, вычитанные из текстов, даже записанные собственноручно, запоминаются не столь твёрдо, как проговоренные с собеседником. Много, что существенно влияло на мою работу, было почерпнуто именно в общении с умнейшими коллегами. Первым назову [БД: Зигмунта] Баумана. Я, кажется, говорил тебе, что в первый приезд к польским социологам передал ему свою книжку «Идеология как форма духовной деятельности» [Ядов 1961], написанную на основе кандидатской диссертации. Зигмунт пригласил домой и стал говорить, что я многого по данному предмету не прочёл. Это было исключительно ценно ещё и потому, что мы обсуждали различные варианты интерпретации некоторых идей. Другим, и опять же польским коллегой, стимулирующим воображение, был Пётр Штомпка. Он подтолкнул меня в сторону деятельностной парадигмы в современной социологии.

Ещё пример. Длительные беседы с Вячеславом Стёпиным, с которым мы более года проживали в академическом доме для приезжих учёных, оба были назначены директорами институтов. Философ Стёпин – одержимый наукой человек, выдающийся мыслитель, работы которого переведены на многие европейские языки. Он внушил мне идею о связи научной парадигмы с научной картиной мира, господствующей в данную эпоху (идея Лакатоса). Развивая эту мысль, я придумал своего рода схему

³ Речь идет о работах Е. Ю. Рождественской – специалиста по качественной методологии.

историко-культурной последовательности теоретических парадигм в социологии от классики до постсовременности. Стёпин дал эмоциональный толчок к тому, что мы с тобой обсуждали как интуитивную догадку, по Марио Бунге: накопленные знания под влиянием стремления к решению проблемы высвечивают комплекс адекватных, ранее усвоенных.

Возможно, по причине своего темперамента я всегда предпочитал работу командой. В коллективных обсуждениях лицом к лицу активизируются и знания, и желание «не ударить в грязь лицом» перед товарищами, и какой-то азарт, подобный азарту охотника, и Бог знает что ещё. Синергетический эффект, одним словом, мозговая атака.

Вот что мне пришло в голову и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда.

Привет.

Володя.

В тот же день я ответил: «Володя, написанное “сегодня поутру московского времени как раз до обеда” – очень ценный материал. Храню. И подумай, может продолжишь потихоньку... время до обеда – самое лучшее, я тоже “жаворонок”, люблю работать спозаранку...».

Но «раскачать» Ядова на продолжение мне не удалось.

Третье из приводимых в этом разделе писем было написано Ядовым в начале октября 2013 года, возможно, на его эстонском хуторе или сразу по возвращении оттуда в Москву. Он ещё был здоров, активен в работе, встречался с коллегами, строил планы. Через несколько месяцев ему исполнилось 85 лет и, допуская, он итожил прожитое. И пришёл к выводу, очень «Ядовскому», оптимистическому: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь»; название приводимого документа было сразу задано Владимиром Александровичем.

Что бы я сказал о своей жизни

Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь. Моему поколению выпало прожить не одну, а семь жизней: довоенную послеоктябрьскую, период страшной войны, послевоенную, полную надежд, хрущевскую оттепель, затхлую брежневскую, великую горбачёвскую перестройку и, наконец, нынешнюю эпоху коррупционного и правового беспредела.

Сколько социальных ролей было исполнено? Начал капризным ребёнком при любящих родителях, дворовым хулиганом, примерным пионером со всевозможными значками юного ленинца, от ГТО и юного Ворошиловского стрелка до значка МОПР (Международная организация помощи борцам революции); гордился пионерским галстуком и испанкой с красной кисточкой на стриженной под ноль голове; эвакуированным заморышем шагал с барабаном впереди отряда в деревне под Лугой; вместе с ребятами из четвёртого класса под бомбами реэвакуировался в Ленинград и опять под обстрелом был отправлен эшелонами детей в Ярославскую область; пас овец и собирал колоски; в комсомол меня принимали в г. Буй, куда шли 10 км, а в райкоме демонстрировали знание нового гимна страны: «Нас вырастил Сталин...». Товарным вагоном с мамой и сестрой вернулся в Ленинград; 9-й класс окончил курсантом авиашколы, гордился лётной формой с крылышками на погонах; День победы встретил с друзьями на Дворцовой площади.

А дальше: был комсоргом факультета и зам. секретаря комитета ВЛКСМ университета; с партийным выговором учительствовал в начальной школе; исключённым из партии был рабочим резбошлифовщиком; после смерти Сталина с партбилетом ненадолго стал аспирантом и два года Первым секретарем РК ВЛКСМ; благодаря язве желудка валялся в больнице и там почти закончил диссертацию.

цию. Вместе с Андреем Здравомысловым организовал первую в стране лабораторию социологических исследований. Был руководителем отдела ИКСИ в Ленинграде, руководителем социологического отдела в ИСЭП, старшим сотрудником Ленфилиала Инст. истории естествознания и техники. Добрался до должности директора академического института... Был вице-президентом трёх международных ассоциаций...

Безмерно счастлив с Люкой⁴, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь: горжусь Колей, своим сыном, человеком чести; двумя внучками, внуком и двумя правнуками.

Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно; счастлив с друзьями единомышленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами; счастлив с коллегами по работе...

Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю.

О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт.

Вероятно, за истекшие годы обидел многих, но, поверьте, без злого умысла.

Октябрь 2013.

Приведу и мой ответ (Докторов – Ядову, 8 октября 2013 г.):

Володя, спасибо за текст... это как же здорово читать «Я... прожил удивительно счастливую жизнь». Но скажу тебе, ты сделал гораздо больше, чем написал, несоизмеримо больше. Это я говорю тебе и как друг, и как историк нашей социологии. Я писал тебе, что советская социология начинается с буквы «я», и буду писать. Обнимаю, Боря.

Если обобщить, подытожить сказанное Ядовым в этих трёх письмах, то можно сказать, что «Мир Ядова» – это оптимистическое пространство.

КОММЕНТАРИИ К НАПИСАННОМУ

Я никогда не спрашивал Владимира Александровича, почему он доверял мне и писал столь откровенно. Думаю, если бы что-либо подобное я попытался узнать у него, то это свидетельствовало бы о моём полном непонимании наших отношений и его внимания к моему проекту по истории российской социологии.

«Шапочно» мы были знакомы с Ядовым очень давно, с середины 1960-х., а осознанно – с 1969 года. К тому времени я знал, что он – доктор наук, известный в Ленинграде и в стране социолог, но никаких личных контактов у меня с ним не было. Однако уже один из первых опытов общения с ним показал мне, насколько он реактивен на новое и решителен в деле. В то время данные опросов по относительно небольшим выборкам обрабатывались вручную, и в основном всё ограничивалось исчислением процентов. Я делал первые шаги в социологии, и как только что завершившему обучение в аспирантуре математико-механического факультета, мне не составляло никакого труда написать простейшую программку для ЭВМ и рассчитать процентные значения всех чисел по базе от 1 до 100. После этого я распечатал всё, тогда ещё пользовались узкими бумажными лентами, и склеил для себя «книжку» для исчисления процентов. Ядов увидел у меня эту кустарщину, зажёгся вмиг и попросил этот материал на лето, сказав, что такое изобретение крайне нужно социологам, и он постарается издать это всё в виде ротاپринтной брошюры. И, действительно, осенью 1971 года эта брошюра была отпечатана в Институте АН СССР и, говорят, расходилась, как горячие пирожки на морозе.

Затем мы долгие годы работали в Институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, и наши контакты продолжались и тогда, когда он в силу давления на него Обкома КПСС и Дирекции Института вынужден был покинуть его. Несколько лет он был в «ссылке» – в Ленинградском отделении Института естествознания и техники, куда устраивали сильных исследователей, лишённых

⁴ Лесохина Люция (Людмила) Николаевна (1928–1992) – психолог, жена В.А. Ядова.

доверия местных партийных боссов. Продолжались они и позже, когда Ядов возглавил Институт социологии АН СССР и переехал в Москву. Он стал первым, кому в начале мая 1993 (он тогда заехал в Ленинград) я сказал, что подал документы на эмиграцию в США и получил разрешение на выезд. Через год я уехал, на несколько лет вообще отошёл от науки, и лишь на рубеже веков наше общение восстановилось.

Но оно вышло на новый уровень, стало более доверительным, когда в первых числах января 2005 года я предложил Ядову поучаствовать в моём проекте и согласиться на биографическое интервью, которые я тогда задумывал проводить по электронной почте. Даже теперь, когда электронная почта превратилась в обыденность, такая технология интервью многим кажется странной, но десять лет назад она вызывала множество вопросов. Высылая Ядову приглашение, я приложил и переданный в журнал «Телескоп» текст первого завершённого интервью с Б. М. Фирсовым. И 24 января получил ответ: «Я внимательно прочитал интервью с Фирсовым и даже смог с ним поговорить, т. к. он был в Москве на очередной конференции о России в Шанинке. Интервью очень интересное. Я, конечно, согласен и почту за честь беседовать с тобой».

До начала интервью с Владимиром Александровичем я опубликовал большую биографическую статью о Б. А. Грушине, закончил интервью с Б. М. Фирсовым, вёл беседу с Я. И. Гилинским. Со всеми этими социологами я был на «ты», так обращался к ним в нашей переписке и в тексте интервью. Продумывая план интервью с Ядовым, я почувствовал некий дискомфорт, вызванный тем, что в вопросах интервью буду обращаться к Ядову по имени и отчеству. Поэтому я написал ему: «Дорогой В.А., Вы подписываете Ваши письма добрым Володя, можно мне так к Вам и обращаться? Мне было бы это очень дорого». В его ответе было даже большее. Предложение обращаться к нему на «ты», и здесь крайне интересна и важна для понимания «мира Ядова» приведённая им аргументация: «О, само собой. Разница в возрасте 15–30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы по сути в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”».

Материалы интервью будут использоваться постоянно, и сегодня анализ рассказанного Ядовым, наводит на мысль, что содержание нашей беседы могло бы, точнее – было бы – во многом иным, если бы наше общение продолжалось в «старом» формате: он мне – «ты», по-моему, Ядов вообще, по комсомольской традиции, почти ко всем молодым (а мне на момент нашего знакомства не было 30 лет), а я ему «Вы». Это во многом отдавало бы интервью аспиранта, собирающего информацию для своей диссертации, с профессором.

Наше взаимопонимание углубилось после того, как 3 января 2008 года Ядов сделал мне совсем неожиданный, новогодний подарок: предложил ответить на его вопросы. Он написал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способности, но хотел бы предпринять интервью с тобой наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно». Конечно, я немедленно согласился: «...очень рад твоему предложению «поговорить» о моей работе... о моём методе... ей-Богу, буду максимально искренен... начнем потихоньку...». Безусловно, для меня было крайне важным узнать мнение Ядова о методологии моих историко-социологических поисков, но одновременно, я предполагал получить нечто новое о видении им сложных мало изученных проблем биографического анализа и качественных методов социологии в целом.

Свою главную цель Ядов объяснял желанием поближе рассмотреть узловые точки моей методологической саморефлексии, в частности то, как у меня была представлена «протестантская “затравка” новаторства героев моих исторических исследований в области становления опросов общественного мнения в США». По мнению

Ядова, из моего рассказа о Джордже Гэллапе было видно «насколько истинные янки боготворят семейные корни и как они имплантированы в судьбы страны и народа. Если сопоставить с нашими реалиями, ничего даже близкого!». Прошло восемь лет после тех обсуждений, тогда я завершал изучение американской тематики и входил в историю отечественной социологии, и только теперь раскрывается, как много дала мне та дискуссия с Ядовым для уточнения понимания того, как надо строить историко-биографическое интервью, именно тогда ко мне пришло осознание того факта, что я имею дело с разновидностью общения [Докторов 2008; Докторов, Ядов 2008]. Но, зная характер Ядова и его стремление проверить многое на собственном опыте, я могу допустить, что слово «поучительно» не было случайным. У него, действительно, было желание окунуться в эту методологию и технологию.

После этого наши разговоры «через океан» стали регулярными. В 2012 году было интервью с Владимиром Александровичем о его жене, которая одной из первых в стране разрабатывала социологические, социально-психологические и педагогические аспекты проблемы образования взрослых, затем состоялось второе интервью с Ядовым. Так что наше общение не прерывалось... и Ядов не сомневался, что я постараюсь сохранить главное из нашей переписки; так в начале 2013 года он писал мне: «Не перестаю удивляться тем, как бережно ты хранишь свои архивы. По той причине, что сам в этом отношении контр-персонаж».

Теперь – немного о жанре настоящего биографического повествования. К настоящему времени мною написаны книги о Джордже Гэллапе и Борисе Грушине, а также ряд биографических статей о российских и американских социологах и копирайтерах, в работе над которыми я опирался на различные литературные источники. Я либо не знал лично моих героев, либо не успел, не мог провести интервью с ними. В такого рода работе одна из сложностей – нередко возникающие сомнения в достоверности информации, замечу, не ложности, но неполноты и ошибочности.

В данной работе я в основном опираюсь на информацию, полученную мною что называется «из первых рук», на интервью с Ядовым и рядом других российских социологов, которые сам и проводил, а также на нашу переписку. Таким образом, настоящая историко-биографическая книга делается строго в документальном жанре. Её вторая особенность – по-возможности, я буду стремиться не пересказывать содержание интервью и писем, а цитировать их. Конечно, это усложняет структуру текста, но усиливает его документальность. 27 апреля 2005 года, когда мы уже готовили к публикации наше первое интервью, Ядов писал мне: «...помогу со сносками, если надо. Напиши какие ссылки и т. п. тебе нелегко добыть. Ещё раз благодарю за стимул к “мемуаризмам”». Хотелось бы максимально приблизиться к жанру «мемуаризма».

НА ПОРОГЕ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА

Наверное, приводимые ниже биографические сюжеты можно анализировать и в других нишах нашего биографического пространства, но мне кажется, что всё же в них доминирует «личностное». Сами же сюжеты расположены в хронологическом порядке, хотя и здесь нет жёсткой линейности упорядоченности.

ПРЕДБИОГРАФИЯ И РАННИЕ ГОДЫ БИОГРАФИИ

Начну с темы, относящейся к предбиографии – происхождение фамилии. Очень часто обсуждение этой темы выводит в далёкое прошлое семьи. Но здесь этого нет. «Насчёт происхождения фамилии много версий, – писал Ядов, – но ни одной надёжной. Крайне редкая. Однажды я сказал коллегам, что в Ленинграде нет ни одного из Ядовых, кто не был бы моим родственником. Один из присутствовавших имел доступ к архивам городского паспортного стола. Он предложил пари на бутылку коньяка, что найдет не известных мне Ядовых. Принёс штук шесть адресов, все почему-то из Красного села. Звоню тамошнему Ядову и спрашиваю, не из Тамбовщины ли его предки. А он сообщает, что его и других родственников прародители из Непала! Оказывается, в Индии и Непале Ядав – всё равно как у нас Петров. Фамилию переиначили на русский манер. Есть семейная легенда, будто один из предков был управляющим у помещика в селе Ракша. Детей его прозвали Ядовскими, это перешло в фамилию, когда после отмены крепостного права крестьянам стали давать собственную фамилию вместо клички по помещику. В позапрошлом году ездил к родственникам в Ракшу, откуда отец родом. Крупное село под Моршанском. До революции там были улицы Большая и Малая Ядовские. Спрашивали селян о Ядовых. Оказалось немало, но ни одного из кровных родственников. <...> Наконец, самое простое объяснение: фамилия от старорусского “яд” – еда».

Замечу, для меня «индийская» (да и «тамбовская») версия не нова. Помню, как при одном из обязательных для всех посещениях овощебазы для переборки гниющих овощей мы обсуждали в дружеской кампании истории наших фамилий. Тогда, индийская линия была признана правдоподобной...

В названной выше книге «Vivat, Ядов!» есть воспоминания родной и двоюродной сестёр Ядова об истории их семьи. Позже, его родная сестра, Инесса Александровна Буланина, поделилась дополнительными материалами. Всё это и составило информационную базу ниже приводимого описания семьи Владимира Александровича.

Бабушка Евдокия Григорьевна Ядова (1875–1951) и дед Григорий Иванович Ядов (1870–1924) имели десять детей. Дед служил управляющим Тульского имения князя Оболенского, бывшего в родстве с семьёй Льва Николаевича Толстого. Все знавшие Григория Ивановича отмечали его исключительную порядочность. Во время революционных событий 1917–1918 годов, когда громили барские усадьбы, Оболенские через Крым бежали в Европу, а Григорию Ивановичу поручили собрать семейное серебро для отправки за границу. Всё переписывалось, упаковывалось, старшие дети помогали – ни одного предмета отцом не позволено было утаить. Позже усадьба была разорена, но Ядовым разрешили выехать из имения невредимыми, сказалась репутация Григория Ивановича как человека справедливого и честного, и они переселились в Тамбовскую губернию – на родину Евдокии Григорьевны.

Дети росли дружными; все знали, что такое сельский труд. Со временем они стали идейными вожаками революционно настроенной молодёжи. При их участии была создана первая комсомольская организация в районе.

Впечатления детства, проведённого в дворянской усадьбе Оболенских, питали стремление детей к культуре, искусству, чтению. Отец Ядова – Александр Григорьевич (1904–1964) – был любознательным, пытливым, думающим. Он первым из братьев в 1923 году поехал учиться в Ленинград, в Институт Красной профессуры (впоследствии Институт им. Н. К. Крупской), увлёкся историей и философией. Потом был вузовским преподавателем философии, политэкономии, истории КПСС. Активно участвовал в лекторской работе по линии общества «Знание». По воспоминаниям сестры Владимира Александровича, отец оказал большое влияние на формирование интересов сына, на его выбор философского факультета Университета, а затем на его переход в социологию.

В Великой Отечественной войне А. Г. Ядов участвовал с первых дней, воевал сначала на севере, потом прошёл всю Европу до Германии. Был начальником штаба войска связи. Вернулся с фронта после победы с контузией, наградами, горькими живыми рассказами о войне.

Мать Владимира Александровича – Ядова Мария Натановна (1901–1980), в девичестве Амнуил, – родилась и жила до 1924 года в Смоленской области: Монастырщенский район, местечко Кадино (по этим местам прокатилась волна Холокоста; в 2007 году в деревне Кадино проживало 204 человека). В 1924 году она приехала в Ленинград на учёбу. Училась в Первом медицинском институте на химико-фармацевтическом факультете и окончила его в 1930 году. Начала работать на рыбокопильном заводе «Пищевик», а после войны заведовала химической лабораторией на Рыбокопильном заводе. Была авторитетным специалистом, вносила рационализаторские предложения, в специальных изданиях публиковала статьи и брошюры. Была деятельным, уважаемым человеком и была награждена медалью «За доблестный труд».

Уже при рождении, всего через 12 лет после Революции, Ядов был заряжен энергией тех, кто искреннее многих других верил в её идеалы и старался следовать им. Таковы были: грамотные и общественно активные выходцы из российских провинциальных городов и еврейских местечек. Именно оттуда в Ленинград приехали на учёбу его будущие родители и встретились там. Сыну они дали имя Ленина, а дочь назвали в честь Инессы Арманд.

В ответ на моё замечание о том, что его поколение многое видело и пережило, Ядов вспомнил несколько интересных историй.

Голод на Украине выгнал из дома 16-летнюю девушку Груню, которая расписывалась крестиком. Отец Ядова подобрал её на улице, привёл в дом, так она всю жизнь и прожила в их семье, смотрела за детьми, помогала по хозяйству, во время блокады, когда все уехали, она смотрела за квартирой. Сначала жила в выгороженном закутке в коридоре большой коммуналки, а потом ей дали комнату в том же доме, этажом выше. С этой комнатой связано такое событие. Как-то в семью Ядова позвонил из Москвы его и его жены студенческий друг Рой Медведев и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. Поселили в Грунину комнату, она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, которые она приносит. Много позже Медведев сказал, что это был Солженицын. Ядов его тогда не видел, через Грушу тот просил не беспокоить его.

Начало войны застало семью Ядова в Юкках, вблизи от Ленинграда. Отец с утра пошёл на озеро, а Владимир отправился туда около 12 дня. Шёл по селу, люди слушали уличный репродуктор, выступал Молотов. Когда отец узнал, что началась война, вскочил и на весь пляж закричал: «Товарищи, война!». И немедленно уехал в город в белых штанах и белых парусиновых тапочках, что аккуратно освежал зубным порошком. Он был старшим лейтенантом запаса, связистом. Вернулся

через четыре года. Жив остался потому, что почти всю войну служил начштаба особого батальона связи на финском фронте, где боёв практически не было. Воевал уже в Пруссии и Харбине.

Роберт Геннадиевич Козлов, генерал-майор авиации, вспоминает, что он познакомился с Ядовым, когда им было по 12 лет, они жили на соседних улицах в трёхстах метрах друг от друга. В детстве их интересовала техника, прежде всего – самолёты, автомобили, оружие, они всё время пытались что-либо смастерить. Были у них и более экстравагантные развлечения. У Ядова была привычка, спускаясь бегом по лестнице, звонить во все квартиры подряд. Однажды, вспоминает друг Ядова, при нём один из жильцов успел схватить шаловника и надрать ему уши. Но было и более рискованное развлечение: однажды Володя перелез через ограждение балкона, уцепился за перила и повис с наружной стороны над колодцем двора на высоте шестого этажа [Козлов 2009, с. 164–165].

К июню 1941-го Ядов окончил четвёртый класс, немцы начали бомбить, сбрасывали десятками «зажигалки», термитные бомбочки. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами, бомбу надо было сбросить вниз во двор. Ядов писал: «Мне не повезло. Счастливчики получили медаль “За оборону Ленинграда”».

А вот как в интервью описана первая встреча Ядова с немцами: «В конце июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!». Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции всё горит. Всё же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате».

Привёл Ядов ещё два «мемуара» (это его слово) о встречах с немцами, но остановлюсь лишь на одном из них. 1944 год, он учится в авиационной школе, курсанты получали изрядный хлебный паёк, так что он чувствовал себя кормильцем семьи. Видит как-то из окна, школа размещалась на Московском проспекте, колонну пленных, им устроили привал. Курсантам в этот день выдали по буханке чёрного хлеба, выбежали они на улицу раздавать хлеб немецким доходягам, конвойные кричали – не давайте всю буханку одному, ломайте. И, правда, кому досталось, прячет за пазуху. Тогда, комментировал Ядов, они сочли это чисто немецким, но позже пришло понимание того, что он наблюдал реакцию на социальную ситуацию, характерную для любого человека.

Подобно многим ребятам того времени он стремился отправиться на войну, но по состоянию здоровья был отчислен из училища. Цитированное выше письмо о том, что Ядов прожил счастливую жизнь, завершается словами: «О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт». Память о войне никогда его не оставляла, нередко в дружеских застольях Владимир Александрович пел трагическую песню Александра Галича «Ошибка», более известную как «Мы похоронены где-то под Нарвой...»:

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так значит – беда!

Святое отношение к войне, к фронтовикам социологи поколения Ядова пронесли через всю жизнь. Отвечая на мой вопрос в интервью о том, какой след в его сознании оставила война и изменили ли его отношение к ней новые материалы о том периоде, Владимир Эммануилович Шляпентох, к тому времени уже многие годы живший в США, писал: «Я войну очень хорошо помню. И тогда, и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу» [Шляпентох 2006, с. 2–3].

В своём тексте памяти В. А. Ядова А. М. Никулин вспомнил, как на одном из ежегодных симпозиумов «Пути России» Ядов внезапно перебил Ю. А. Леваду, который перечислял так называемые мифы «человека советского». Когда Левада упомянул миф о победе в Великой Отечественной войне, Ядов, вскочив с места, воскликнул: «Позвольте, какой же это миф, войну-то мы действительно выиграли!». Левада, великолепный и мгновенно реагирующий полемист, тут лишь беспомощно улыбнулся и беззащитно отмахнулся от Ядова рукой» [Никулин 2015].

Особая теплота отношений Шляпентоха и Ядова с Владимиром Николаевичем Шубкиным была не только следствием признания ими значительности исследований Шубкина в области социологии образования. Но и уважением его фронтового опыта. Несколько лет назад Ядов написал эссе, озаглавленное: «Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии» [Ядов 2010а].

Читая ещё в рукописи воспоминания Татьяны Ивановны Заславской, именно в то время проходило наше интервью, я обратил внимание на слова о том, что высокая интенсивность информационного поля о происходившем на войне обнаруживала пропасть между жизнью и пропагандой, и это способствовало её социальному взрослению. На мою просьбу прокомментировать сказанное, Заславская прежде всего отметила: «Действительно, фраза об “интенсивности информационного поля” очень значима». Оказывается, во время войны их московская квартира на Пятницкой стала одной из редких надёжных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у них и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что она слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на сообщения в газетах.

В конце войны и в первые послевоенные годы Заславская с сестрой, Майей Ивановной Черемисиной, которая была на три года старше неё и которая стала крупным специалистом в русской филологии, лингвистике, часто ходили в студии молодых поэтов, участвовали в ночных посиделках и слушали стихи Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина, и других молодых поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух «оттепели». Я спросил её, повлияли ли на её мировоззрение эти стихи. Приведу её ответ: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жёстко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили её ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут – такие прекрасные люди и такие замечательные стихи! Мы с Майей воспринимали это как настоящий “пир души”» [Заславская 2007, с. 4].

И здесь вполне уместно, хотя в хронологическом отношении преждевременно, обратиться к сюжету из интервью со Здравомысловым, в котором он фиксировал окончание работы над книгой «Человек и его работа»: «В начале 1966 года я вернулся из Кении и обнаружил, что наш труд «Человек и его работа» уже находится в издательстве «Мысль». Книга вышла в 1967 году при поддержке Н.И. Лапина. Должен сказать, что если бы не целеустремленность Володи, то «Человек и его работа» никогда бы не была опубликована». Реакцией на сказанное Андреем Григорьевичем был мой вопрос: «А как, из чего произросла её идея?». Я имел в виду генезис изучения отношения рабочих к труду, но Здравомыслов вышел на рассмотрение более общей темы – возникновение новой социологии. Он отметил: образование, усвоение определённой версии марксизма и влияние культуры, пульсировавшей в обществе, и жизнь в той духовной атмосфере, которая была связана с «оттепелью», с возникновением первых ростков свободы мысли. И далее последовало, на мой взгляд, абсолютно верное и метафорически сильное утверждение: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трём упоминаниям В. Ленина».

Окуджава – для представителей поколения Заславской, Здравомыслова, Ядова – был поэтом, рассказавшим правду о войне и укрепившим в них светлые надежды о новом обществе. И закончил Здравомыслов свой ответ такими словами: «А что касается наших помыслов, то они всегда были направлены на обоснование социальных изменений, главным образом, на макроуровне. Борис Андреевич Грушин как-то сказал, что мы сделали больше для изменения советского общества, чем диссиденты. С этим, конечно, не все согласятся, но факт состоит в том, что в 1960-е годы был создан резерв перестройки, который был «отодвинут» во время застойного периода, и вновь востребован в конце 1980-х – начале 1990-х годов» [Здравомыслов 2006, с. 12].

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛГУ

На философский факультет ЛГУ Ядов, заряженный беседами с отцом, поступил в 1947 году. В давнем интервью с Ядовым, проведённом во второй половине 1990-х, он говорил, что в общем какой-то интерес и убеждённость, что он должен пойти на философский, у него были, и его школьные товарищи были согласны с ним. Уже в начале обучения он активно занялся изучением английского языка (в школе, как и большинство в те годы он изучал немецкий), но вместо учебных текстов старался брать имеющие какое-то отношение к предмету, которым интересовался. Прежде всего это были проблемы общественного сознания, а в дипломной работе он переключился на тему «Сталин о борьбе против социал-демократов». По воспоминаниям Ядова, он занимался этой «борьбой», стал читать на английском что-то, относящееся к социал-демократическому движению, и извлекал оттуда только то, что Сталин был абсолютно прав в своей «борьбе». Никаких сомнений в правильности официальной позиции у него тогда не возникало. Выше приводился короткий автобиографический текст Ядова, есть в нём слова весьма созвучные этому: «В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился – пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел».

Для понимания становления учёного крайне важно знание его университетских учителей, наставников, какими учёными они были, каких теоретических и методологических взглядов они придерживались. К сожалению, эта тема не попала

в наше обсуждение с Ядовым. Я такого вопроса не задавал, отчасти поскольку понимал, что длинной цепочки преподавателей социологии, берущей своё начало в дореволюционное время, я построить не смогу, а именно она необходима была мне для поисков истоков современной российской социологии. Дело в том, что тогда я лишь начинал моё исследование прошлого современной советской и постсоветской социологии и ещё находился в «плёну» изучения биографии Джорджа Гэллапа. Тогда после обращения в Университет, в котором учился Гэллап, мне прислали «Личное дело студента», в котором были занесены все курсы, которые Гэллап изучал, и указаны имена профессоров. Мне удалось разыскать информацию об этих преподавателях и во многих случаях определить, у кого в Америке и Европе они учились. Так была выстроена пятичленная цепочка учителей Гэллапа, соединившая его с отцами экспериментальной психологии: Фехнером, Гельмгольцем, Гальтоном и др. Априори было ясно, что ничего, даже приближающегося к воссозданию подобной последовательности преподавателей Ядова и его поколения студентов не могло быть, но всё же поговорить с ним на эту тему было необходимо.

Размышляя о генезисе современной российской социологии, я намеревался выстроить нечто аналогичное применительно к социологам первого поколения. Эти мои рассуждения Ядов прокомментировал следующим образом (27 марта 2007):

Не завидую тебе, если примешься искать наших учителей и праучителей. Принципиальная и отличающаяся от гэллаповской истории МОДЕЛЬ обучения была «однозначно» самовыбором из доступного. У меня случились Тугаринов (принцип искать незатасканную проблему), Ананьев – интерес к теоретизированию и МАКРОтеоретизированию (науки о человеке), Надирашвили (вкус к неоднозначному толкованию эксперимента), Хильда Химмельвайт и др. в Англии – освоение литературы и практики эмпирических исследований, а также модель общения со студентами и т. д.

Но главное – я в основном сам выбирал, с кем следует ближе профессионально сойтись. Не говоря о наших (ты это знаешь + Стёпин), я особенно высоко ценю разговоры с Бауманом, Новаком, Штомпкой, Гидденсом...

Не менее важно и то, с кем желание общаться пропадало, притом в смысле неприемлемости теоретико-методологических предпочтений коллеги (например, мой профессор в Манчестере социоэтнограф Рональд Франкенберг). И таких предостаточно, причём видных учёных.

Можно было бы на досуге попробовать воссоздать эти цепочки.

Конечно же, я предвидел подобную реакцию Владимира Александровича, но она была важна мне для подтверждения моей гипотезы о втором рождении российской социологии на рубеже 1950-х – 1960-х годов.

Позже, мне удалось отчасти исправить упущение, сделанное в интервью с Ядовым и получить информацию о характере преподавания на философском факультете ЛГУ в годы его студенчества. Одновременно с ним на этом же факультете училось несколько человек, которые тоже стали социологами и которых в ходе интервью я просил рассказать о студенческих временах.

Тоже в 1947 году на философском факультете начал учиться Леонид Наумович Столович, в будущем – известный философ-эстетик и социолог, профессор Тартуского университета в Эстонии. Он сразу отметил, что факультет не оправдал его ожиданий. Вскоре после выступления Жданова, обвинившего во всех идеологических прегрешениях Зощенко и Ахматову, партийные органы начали так называемую «философскую дискуссию», объявив, что никакой настоящей философии нет кроме материализма. Соответственно, на философском факультете ЛГУ начались форменные погромы. Интересный философ, старый большевик, порядочный человек М.В. Серебряков должен был покинуть пост декана, на его место был назначен

некто Михайлин, бывший секретарь какого-то провинциального обкома. Столович, бывший замредактора факультетской газеты, описал ситуацию, характеризующую нового декана.

В конце 1949 года к 70-летию Сталина необходимо было выпустить специальный номер. Никто не решался изобразить вождя, и в редакции вырезали его портрет из одного из плакатов. В должный срок газета висела на стене. И вот рано утром декан Михайлин вызывает к себе редактора, фронтовика, политработника и заявляет:

- Вы допустили грубую политическую ошибку!
- Какую? – упавшим голосом спрашивает бывший политрук.
- Какой сейчас месяц? – коварно спрашивает декан.
- Разумеется, декабрь, – ничего ещё не понимая, отвечает редактор.
- Вот именно! А у вас товарищ Сталин в летней форме!

При Михайлине было запрещено читать лекции по физике студентам философского факультета одному из лучших преподавателей, профессору Г. С. Кватеру, за то, что он однажды сказал на лекции, что закон всемирного тяготения действует в Москве так же, как в Лондоне [Столович 2010а, с. 6].

По воспоминаниям Столовича, атмосфера отчуждения пронизывала и отношения между студентами. Откровенность была наказуемой. Недоверие к ближнему было нормой, и в целом от учёбы в Ленинградском университете у него остались малоприятные воспоминания. Правда, отмечал он, возможно, его оценка была субъективной; студенты, которые жили в общежитиях, были более связаны между собой. Он не участвовал в самодеятельности, местом его основной общественной работы было студенческое научное общество.

Рой Александрович Медведев, начавший учиться на философском факультете в 1946 году, так описывает те же годы: «Всё время шли агрессивные, громкие идеологические и репрессивные кампании – об “ошибках” журналов “Звезда” и “Ленинград”, об ошибках и извращениях в музыкальной политике, об ошибках на философском фронте. Потом на всех нас обрушилась биологическая дискуссия и борьба против “космополитов” и преклонения перед иностранщиной. В конце концов и ленинградский университет захватила волна террора, “Ленинградское дело”. Аресты шли не только среди преподавателей и деканов, но и среди студентов – только на нашем философском факультете было арестовано восемь, студентов. <...>. Володя Ядов вёл себя очень достойно, прикрывая, когда это было возможно, попавших в беду товарищей» [Медведев 2009, с. 158].

Андрей Григорьевич Здравомыслов учился на курсе младше Ядова и Столовича, в университет он поступил после нескольких лет, проведённых в госпитале из-за тяжёлой травмы, полученной при бомбардировке Ленинграда в годы блокады. Прикованный к постели, он закончил школу, и стремление разобраться в смысле жизни привело его на философский факультет. Его ответ на мой вопрос о том, что он хотел бы вспомнить о студенческих годах, был очень коротким: «Ещё до своей болезни в эвакуации я вступил в комсомол, поэтому присутствовал на всех комсомольских собраниях. На них обсуждали нетипичных, «девиантов»; их единогласно исключали из комсомола и, как следствие, лишали возможности продолжать учёбу в университете. Самыми яркими ораторами были Володя Ядов, Инна Рывкина, Рой Медведев» [Здравомыслов 2006, с. 4].

На одном курсе со Здравомысловым учился и Альберт Васильевич Баранов, вошедший в послевоенную историю развития социальной психологии и социологии с весьма значимыми результатами. Первое, что он вспоминает о студенческих годах, это – полное безденежье и постоянный голод: «Когда я был студентом, у меня был рацион на день: одна буханка, по-видимому, килограммовая, чёрного хлеба и сто

грамм подушечек. это была норма сытости. А были дни, когда у меня не было хлеба вообще, и я ждал посылки от матери, каких-то рублей, чтобы купить хлеб. Был праздник, когда я получал этот денежный перевод, мизерный, разумеется, и мог купить батон. Помню, как, получив перевод, я сбежал с занятий в Университете, чтобы купить батон и тут же его съесть. Такова жизнь до девятнадцатилетнего возраста» [Баранов 2008, с. 3]. В 16–17 лет, ещё живя в небольшом городке вблизи Нижнего Новгорода, он пытался ответить на философские вопросы о смысле жизни и природе смерти. К этой теме его подвела лермонтовская поэма «Мцыри».

И опять – те же пессимистические воспоминания об учёбе: «Нам преподавался марксизм-ленинизм и читали материалистические книжки. Материализм, эмпириокритицизм, и прочее, и прочее. По истории философии я должен был читать Гегеля. Я попробовал, мне он жутко не понравился. Я несколько раз пытался, открывал – нет! Гегель – это не мой человек. Словом, от философского факультета и от учёбы на философском факультете в Ленинградском государственном университете имени Жданова я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов, который раньше меня вошёл в университетский хор. <...> И это единственное позитивное воспоминание об учёбе в Ленинградском университете». На третьем курсе Баранов записал такой стих: «... На мудрость книжную оттачивая глаз, / Мы скоро растеряем молодость и силу. / И скука тусклая проводит нас / До самой до могилы».

Подчеркну, здесь приведены мнения отличных студентов, сразу после окончания университета или через год-два поступивших в аспирантуру и оставивших своё имя в науке. Как это могло случиться? Разобраться в этой парадоксальной ситуации я просил Столовича: «Почему, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха, философский факультет смог за короткий промежуток времени подготовить значительное число учёных, много сделавших для развития социальной философии, социологии и смежных наук?».

Конечно, ответ Столовича не мог быть коротким, однозначным. Во-первых, отметил он, в период «оттепели» на факультет стали возвращаться некоторые сильные преподаватели. Во-вторых: «Такие выдающиеся социологи, как Ядов, Рывкина, Здравомыслов, Рой Медведев... и другие, стали теми, кем они стали, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха. <...> Насколько я могу судить, никто из них в студенческие годы собственно социологией не занимался. Однако они прошли серьёзную философскую школу – школу, в которой они учились сами, без учителей. Ленинградским будущим социологам, в отличие от московских <...> учиться было не у кого и самой философии...».

Теперь – один пример из воспоминаний Столовича, привожу его, поскольку речь идёт о Ядове-студенте [Столович 2010а, с. 9]:

«Мне навсегда запомнился методологический урок, который нам преподавал в первый месяц обучения на первом курсе Д. П. Каллистов. На занятиях по педагогике нам настоятельно советовали перед прослушиванием лекции прочитать материал по её теме в учебнике. Мы, ещё старательные первокурсники, пытались следовать этому совету. И вот Д. П. Каллистов читает нам очередную лекцию по истории Древней Греции; Володя Ядов задаёт вопрос лектору:

– Вы говорили, что афиняне послали против спартанцев столько-то кораблей (я не помню конкретную цифру), а вот в учебнике Ковалёва написано, что они послали другое количество кораблей.

Дмитрий Павлович спрашивает Володю:

– Вы это прочли у Фукидида или Геродота?

– Нет, – отвечает Володя. – Я это прочёл в учебнике Ковалёва.

– Ах, Ковалева! – сказал Дмитрий Павлович. – Тогда во время перерыва спуститесь на этаж ниже (там была кафедра античной истории) и спросите Сергея Ивановича Ковалёва, почему он так написал.

И мы поняли, что значит учиться в университете, когда тут же работают авторы учебников, и как надо учиться по источникам».

Столовичем была названа ещё одна причина того, что философский факультет в течение короткого промежутка времени всё же подготовил значительное число учёных, много сделавших для развития социальной философии, социологии и смежных наук. Это – самостоятельный труд над первоисточниками и богатый социальный опыт, в том числе полученный в столкновениях с апологетами существовавших устоев советской системы.

В ряде интервью с социологами старших возрастов просматривается сильное, универсальное обстоятельство, объясняющее очень серьёзное, ответственное отношение первых послевоенных студентов к учёбе и высокий уровень их общественной активности. Это обстоятельство метафорично выражено в интервью с Б. М. Фирсовым: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком. Учился в школе на одни пятерки» [Фирсов 2005, с. 2]. Он и институт закончил с красным дипломом, и одновременно, подобно Ядову, занимал ответственные посты в студенческой комсомольской иерархии.

Ядов был отличным студентом, иначе в те годы, когда ещё существовали представления о том, что комсомольским «вожаком» может быть лишь во всём лучший, когда среди студентов были молодые люди, прошедшие войну, ему не доверили бы руководство комсомольской организацией сначала учебной группы, потом факультета, а затем университета. В наших интервью мы не обсуждали с Владимиром Александровичем его участие в общественной работе, но из воспоминаний тех, с кем он учился, можно с уверенностью сделать вывод о его авторитетности среди студентов и о высоком доверии ему.

24 мая 2009 года Ядов прислал мне «мейл» такого содержания: «...посылаю текст, к-рый многое говорит о моём поколении. Привет. Володя». К нему прилагалась рукопись Ю. А. Красина, озаглавленная «19-я “гвардейская”» [Красин 2010], объёмом – около трёх авторских листов. Начинается она следующим образом:

Университет наполнен жизнью. У студентов страдная пора – весенняя экзаменационная сессия. В коридорах суeta. Одни спешат или, наоборот, не решаются идти сдавать трудный экзамен; другие радостно выходят из аудитории и на вопрос товарищей: «Что?» – удовлетворённо отвечают: «Пять». Но настоящая кипучая жизнь в Большом комитете. Здесь все заняты подготовкой к поездке на ГЭС. Беспрерывно звонят телефоны: «Дайте Ядова. Ядов там?». Ядов теперь самый популярный человек. В его руках все нити подготовки.

В рукописи описываются события лета 1949 года, когда студенты выступили с инициативой: в период летних каникул принять участие в строительстве объектов сельского хозяйства. Создавались студенческие строительные бригады. На долю комсомола Ленинградского Университета выпало строительство двух межколхозных гидростанций. Философский факультет вошёл в отряд по строительству Медведковской ГЭС в Ефимовском районе Ленинградской области. Читается всё очень интересно, среди студентов – многие теперь известные люди, например: Фёдор Абрамов и Рой Медведев. Ядов был заместителем секретаря университетского Комитета ВЛКСМ и занимался формированием стройотряда. В тексте Ю. Н. Красина Ядов – одна из центральных фигур, он – среди руководителей студенческого отряда.

Особый интерес для нас представляет краткое дополнение Ядова к этому тексту, в котором он характеризует автора воспоминаний, но одновременно просматриваются политические установки Ядова:

«Юра по окончании факультета какое-то время работал в аппарате Обкома партии, а потом директором Дома политпросвещения при Обкоме или Горкоме, не помню точно. Там он организовал социологический семинар, которым я руководил. Именно на этом семинаре мы с Андреем Здравомысловым докладывали первые результаты по исследованию отношения молодых рабочих к труду <...>. Юрия перевели в международный отдел ЦК, по тем временам наиболее либеральный из прочих отделов. Он помог Рою Медведеву избежать крупных неприятностей после передачи в Кремль “для ознакомления” рукописи книги о Сталине и сталинских лагерях».

Продолжая рассказывать о друге, Ядов – абсолютно в духе шестидесятников – говорит о своём отношении к М. С. Горбачёву и его политике:

«Юрий длительное время сотрудничал с Горбачёвым в его фонде, привлёк меня к работе в горбачёвских семинарах и исследовательских проектах. Нельзя не заметить, что Михаил Сергеевич чем-то напоминал нашу юность, во многом оставался романтиком. Сегодня меня охватывает чувство обиды за “выругивание” Горбачёва большинством россиян, упрекают в развале Союза. Кто, честно говоря, развалил? То-то и оно. Горбачёв предпринял неудачную попытку перестроить государство в социалистическую державу “с человеческим лицом”, что-то наподобие скандинавской социал-демократии».

Дополню сказанное: Юрий Андреевич Красин учился на одном курсе с Ядовым. Он – доктор философских наук, профессор, специалист по социальной философии и политическим наукам.

В заключение приведу фрагмент ещё одного воспоминания – профессора социологии Инны Марковны Поповой, она писала: «Для “правильной” девочки из провинции, какой я приехала в Ленинград в 1948 г. для учёбы на философском факультете, Володя Ядов был идейным вождём, комсомольским кумиром. Общность “комсомольско-идейных позиций”, “твёрдость (и непогрешимость!) убеждений” пробуждали чувство любви и обожания. Володя был герой, с “которого нужно делать жизнь”. Учился он курсом старше нас, и было много на этом курсе ярких личностей, например, Юра Красин, Лёня Столович, но Володя был звездой первой величины» [Попова 2009, с. 557].

Но было бы ошибочным считать, что «предоттепельные» и «оттепельные» настроения, стремление к критическому восприятию многих положений марксизма разделялись всеми студентами. Один из социологов первого поколения, доктор философских и экономических наук, будущий создатель социологического факультета ЛГУ профессор Василий Яковлевич Ельмеев учился одновременно с перечисленными выше социологами. В начале беседы с ним я отметил: «За Вашим поколением в целом закреплено коллективное имя – “шестидесятники”. Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде или я ошибаюсь? Вы пишете, что обязаны тому философскому факультету, который существовал до прихода “шестидесятников”». Ельмеев так пояснил свою позицию: «Парфразируя известное высказывание В. И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится к “шестидесятникам”. Я не тот из них, кто приветствовал горбачёвский “рыночный социализм”, который превратился в “рыночный капитализм”, плачевные последствия которого испытывает ныне большинство “приватизированного” населения. Угрызения совести меня не мучают, не был среди тех, для которых “Иного не дано” (известный сборник других шестидесятников)» [Ельмеев 2007, с. 3]. И далее мы продолжили: вопрос «Чем объяснить то, что, будучи ровесниками и пройдя обучение у одних и тех же профессоров, Вы, с одной стороны,

и Ядов и Здравомыслов, с другой, имели заметно различающиеся точки зрения на социологию как науку? По сути дела, у вас были разные идеологии этой науки» и ответ Ельмеева: «Нас расколол XX съезд партии, деятельность Н. С. Хрущёва. В университете в тот период шло размежевание между поколением фронтовиков, не принявших хрущевские реформы, и поколением, не участвовавшим в войне. Не угодил Хрущёву и наш ректор – А. Д. Александров, который вынужден был оставить университет. Я со студенческих лет был в окружении фронтовиков и встал на их сторону. Мы примыкали к разным учителям. Я, например, общался и слушал лекции и напутствия М. В. Серебрякова – профессионального революционера, организатора марксистского кружка в университете в первые годы после революции, но не могу считать себя учеником В. П. Рожина» [Ельмеев 2007, с. 3].

Из сказанного Ельмеевым следует, что он «был в окружении фронтовиков и встал на их сторону», но одновременно получается, что другие, в том числе Ядов, были на «другой стороне». Это неверно. Обратимся к словам А. Г. Здравомыслова, он пишет, вспоминая школьные и первые университетские годы Ядова: «...Володя успел приобщиться к военным порядкам, так как он начинал учиться в лётном училище. Уже там его выделили из состава курсантов: ему было присвоено звание сержанта. Володя не стал лётчиком: не прошел медкомиссию. <...> Однако краткий опыт приобщения к военизированным порядкам оказался бесценным стартовым капиталом. Этот опыт позволил приблизиться к фронтовикам. Уже на третьем курсе его приняли в партию, что для простого школьника было бы просто невозможно» [Здравомыслов 2009, с. 129].

Небольшая заметка Харьковского профессора социологии Иделаиды Ковалёвой – дополнение приведённых рассказов её соучеников об университетских годах. Она называется «Человек и стратег», и есть в ней такие слова о Ядове: «Неуёмная общественная деятельность, где всё и просто, и сложно, очевидно и загадочно, где проблемы и поиск их разрешения порождали то состояние души, которое в дальнейшем требовало научного анализа конкретных ситуаций и реальных социальных процессов» [Ковалева 2009, с. 495–496]. Ковалёва полагает, что уже тогда Ядову была близка мысль о том, что «надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Напомню, это фраза из интервью с Владимиром Александровичем, вынесенная в заголовок нашего первого интервью.

ДОЛГИЙ И ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ В СОЦИОЛОГИЮ

Интервью с Ядовым началось с вопроса: «В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...» [Ядов 2005а, с. 2]. Безусловно, вопрос предоставляет неограниченный простор для размышлений и выбора исходной точки для разговора, Ядов посчитал, что ключевым моментом в развитии его жизненной траектории было исключение его из партии: «Что касается судьбы, то поворотным моментом, который затронул и мои научные интересы, было исключение меня из партии в 1952 г. Исключили за то, что при вступлении в КПСС я “не написал правду”, не сказал, что отец в 1928 г. был в зиновьевской оппозиции. При разбирательстве дела в областной парткомиссии я говорил, что отец никогда мне об этом не рассказывал. Когда я вступал в партию (на втором курсе ЛГУ), отец был не только членом партии, но преподавал в вузе историю КПСС. К тому же я родился на год позже его “фракционной деятельности”. Расследование вела женщина по фамилии Сталева (запомнил на всю жизнь). Она именовалась “партследователем”. Очень по-доброму меня слушала, а потом, как в дурных детективах, ударила кулаком по столу и заорала: “Будешь говорить правду?” Короче, нас вместе с отцом в Смольном из партии исключили».

По итогам обучения в университете Ядов был рекомендован в аспирантуру без экзаменов, но после всего произошедшего об аспирантуре и речи не могло быть, более того, он вообще не получил никакого распределения. Тогда он обратился к директору школы, которую окончил, и она взяла его и даже не уволила его, когда он обращался в разные инстанции, доказывая неправомерность выговора. Кончилось это тем, что его вообще исключили из партии, и тогда уже директор сказала ему: «Володя, я не могу больше, тебе придётся уйти».

Он остался без работы, увлёкся фотографией «В это время умер товарищ Сталин, – вспоминал Ядов, – Я снимал “для истории” лица людей, собравшихся возле уличных громкоговорителей, они слушают сообщения о болезни и смерти Сталина, плачут, я сам рыдал... Моя жена Люка однажды пришла и рассказала, что в автобусе офицер обратился к ней со словами: “Девушка, почему вы плачете? Это счастье, что он умер”. Мы были потрясены и сочли этого офицера замаскированным антисоветчиком».

Позже Ядов всё же обратился в обком партии, чтобы ему дали возможность работать. Нигде не хотели брать исключённого из партии, да ещё и выпускника университета. Но всё же на небольшом заводе станков, где нужны были грамотные в широком смысле люди, способные работать с новой техникой, его взяли.

По мнению Ядова, «несчастье помогло». Он быстро обучился и через месяц-полтора стал лекальщиком сразу второго разряда, так что они с мастером-наставником начали работать посменно. Это дало Ядову возможность непосредственно наблюдать разные проявления отношений между различными участниками производственного процесса. В интервью В. В. Радаеву в 2007 году на просьбу рассказать, как появилась книга «Человек и его работа», ответил: «Думаю, она тесно связана с моей биографией, с моим личным опытом. Ведь я одно время был исключён из партии и был вынужден работать на заводе. Сначала вынужден, потом понравилось. Маленький завод, семейная обстановка, все друг друга знают, администрация тоже была не очень далека от рабочих, меня директор знал по имени. Мне показалось интересным разобраться с тем, что происходит в этой среде» [Ядов 2009b, с. 90–91].

Поскольку цеху повезло иметь рабочего-философа, цеховая парторганизация поручила Ядову вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию они, естественно, знали, но он, будучи, как он заметил, «совершенным хунвейбином» с радостью подал заявление. Далее, он вспоминал: «Пока дело шло по инстанциям, помер Вождь и Учитель. Причём, я его искренне оплакивал. Заседание бюро райкома. Мне говорят: считаем, что вас надо в партии восстановить, и направляем документы в Центральную комиссию партконтроля. И получилось, как в романе – вместе с отцом нас исключали, вместе в один день и восстановили в партии». Затем Москва направила бумаги в Ленинград, и Ядова немедленно приняли в аспирантуру. Много лет спустя, А. Г. Здравомыслов в обстоятельном очерке о Ядове писал, что история с его исключением из партии и борьбой за восстановление дала ему полезный жизненный урок: «Если ты уверен в своей правоте и если эта правда значима для тебя, то отстаивай эту правду до конца. Ведь если бы Володя согласился с несправедливым выговором, приписывающим ему обман партии, то он никогда бы не стал Ядовым» [Здравомыслов 2009, с. 132].

Но к занятиям наукой он не сразу вернулся, преграду на этом пути ему поставил Борис Максимович Фирсов, в будущем – аспирант Ядова, один из первых в СССР исследователей массовой коммуникации и общественного мнения, доктор философских наук, организатор и первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. В завершающей части его небольшого эссе, озаглавленного «О моём наставнике и друге», есть слова: «Я – тот самый Борис Фирсов, секретарь обкома комсомола, который в 1955 году приехал за ним на машине, привёз в обком

ВЛКСМ и заставил пойти работать первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, где он, Владимир Ядов, аспирант второго курса Ленинградского государственного университета, тогда состоял на комсомольском учёте. Признаю свою вину в том, что защита Ядовской диссертации была отложена на два года» [Фирсов 2009а, с. 126].

Об одном из «подвигов» Ядова на посту секретаря райкома комсомола вспоминал И. С. Кон: «Наше знакомство с Ядовым началось с острого конфликта. В 1956 г. я пришёл на факультет философии ЛГУ после того, как учёный совет факультета дважды проваливал меня. В каком-то смысле я чувствовал себя как в серпентарии, где со всех сторон можно ждать нападения. В одном из своих первых выступлений на факультетском партсобрании я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. Вдруг поднимается аспирант, он же секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона идейно ошибочно, комсомольская работа – дело серьёзное, относиться к ней, как к “увлечению” непозволительно. Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Но вскоре Ядов попросил меня прочитать свою диссертацию (или это сделал его руководитель, Тугаринов, точно не помню), а в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной, самостоятельной. Ядов читал и Маннгейма, и специальную литературу по социологии познания, на таком высоком интеллектуальном уровне понятия идеологии у нас никто ещё не анализировал. Я не только дал положительный отзыв, но мы стали с Володей серьёзно разговаривать» [Кон 2009, с. 116].

Аспирантуру Ядов начал с разработки категории меры у Гегеля, но ничего оригинального придумать не мог. Тогда он взял тему об идеологии, и здесь открылась масса интересного. Были проработаны концепции Плеханова, взгляды Маннгейма и Шелера, много позже Ядов понял, что, согласно его выводам, коммунистическая идея была утопией, а не «научной идеологией». Гордый проделанной работой, он принёс свой труд Тугаринову. Через пару дней профессор сказал, что такую работу он ни в жизнь не рекомендует к защите. Диссертацию Ядов заканчивал в больнице, где лежал после операции язвы желудка, заведующий отделением разрешил занимать его кабинет, когда тот был свободен. Далее Ядов писал: «Короче, Василий Петрович нанёс мне травму почище язвы. Проходит время, и он, мимоходом, в коридоре спрашивает, почему я пропал, надо же выносить работу на предзащиту. Выступает на факультетском семинаре и ссылается на Ядова». Диссертация «Идеология как форма духовной деятельности общества» [Ядов 1959] была защищена в 1959 году, а через год по рекомендации Тугаринова вышла под тем же названием книга Ядова. В ней была глава с разоблачением механизмов «серой» и «чёрной» пропаганды. Эту главу издали отдельной брошюрой в Москве и перевели на разные языки, включая испанский. Кубинцы потом сами перевели и книгу.

Ядов довольно скоро стал известным среди философов и нарождавшегося социологического сообщества учёным, но, как часто случается, оформить текст докторской диссертации не мог собраться. Наконец решительная Галина Саганенко, теперь – доктор социологических наук, а тогда недавняя выпускница мат-меха ЛГУ, которая помогала Ядовской команде в математической обработке эмпирических материалов, заявила ему: «В.А., пока Вы не защитите докторскую, нам нет хода». Он взял трёхмесячный отпуск и сочинил нужное ВАКу, работа называлась «Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда)» [Ядов

1967]. Передо мною – автореферат этой диссертации (1967 года), первой в стране по методологии социологических исследований, его интересно анализировать, ибо это позволяет лучше понять хронологию исследований и основных публикаций Ядова.

Основой такого изучения является перечень опубликованных и находившихся в печати работ соискателя. Первое, что бросается в глаза, – это полное отсутствие работ по идеологии, другими словами, здесь всё новое: предмет, объект, методология, другая наука. Первая из опубликованных социологических работ – об изучении бюджета времени, 1961 год. Таким образом, философ Ядов за два года стал социологом Ядовым. Отмечается, что по теме диссертации было опубликовано 29 работ, включая и переданные в печать. Судя по названиям, примерно половина работ касалась изучения отношения к труду (первая из них датирована 1964 годом), и в другой половине публикаций рассматривались разные аспекты методологии теоретико-эмпирических социологических исследований. Эта проблематика стала отражаться в публикациях Ядова, замечу, и Здравомыслова в 1963 году. В примечании к списку публикаций указывалось, что книга «Человек и его работа» передана в издательство «Мысль» и находится в плане выпуска 1966 года. Также из названия работ, включённых в автореферат, следует, что к тому времени была проработана основная часть материалов, составивших в недалёком будущем содержание книги Ядова по методологии социологического исследования.

В автореферате названа дата защиты докторской диссертации – 23 марта 1967 года; возможно, тогда она и состоялась. Теперь приведу краткий рассказ Ядова о самой защите: «На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой (Б.Д.: напомним, это – жена В.А.) и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева, мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

А вот как вспоминала защиту Ядовым докторской диссертации Г. М. Андреева через сорок лет. Выступая на защите и высоко оценивая сделанное диссертантом, она заметила, что в какой-то таблице сумма процентов в распределении ответов на вопрос с однозначным выбором более 100%. Ядов отвечает: «Вот черт! Везде всё считал сам, а тут единственный раз передоверил Кольке» (Теперь – Николай Владимирович Ядов, кандидат психологических наук, давно и успешно занимающийся прикладными социологическими и маркетинговыми проблемами). А в конце защиты, когда кто-то из зала бросил реплику «Вы же забыли поблагодарить оппонентов!», он ответил: «Ой! Как же это я? Тем более что все трое – мои хорошие друзья!» [Андреева 2009, с. 114–115]. Надо было видеть, замечает Андреева, как вытянулись лица членов учёного совета и уже избранной счётной комиссии.

Дополню это описание процедуры защиты воспоминаниями доктора социологических наук Александра Васильевича Тихонова, тогда ещё начинавшего свой путь в социологию: «Ядов – как боксёр на ринге. Настоящая защита, настоящее нападение, вплоть до подмётного письма. Центральный вопрос накалённого спора: а не является ли позитивизмом то, что делает Ядов путём разложения на показатели теоретических понятий? В аргументах Ядова появился тогда и знаменитый стакан, который наполовину полон, а наполовину пуст. Защита меня покорила. Настоящая, никакой подделки. Несколько «чёрных шаров» её только украсили» [Тихонов 2009, с. 329].

Я никогда не слышал от Ядова о сложностях в прохождении его докторской диссертации в ВАКе и, прочитав воспоминание Тихонова о существовании «подмётного письма», подумал, что большего я об этом инциденте не узнаю, но ошибся. Через четыре десятилетия после защиты докторской, незадолго до своего 80-летия, Ядов в одном из примечаний в тексте его известной статьи «К вопросу о макро-микро дилемме в социологии» вернулся к событиям сорокалетней давности. Он писал:

Благодаря Хильде Химмельвайт я сделался вполне профессиональным социопсихологом и горжусь признанием таковым в сообществе психологов (при создании Европейской ассоциации экспериментальной психологии в 1965 г. из советских на учредительное действо были приглашены А. Леонтьев, Г. Андреева, И. Кон и Ядов. В разные годы мы были в составе руководства ЕАЭСП). Однако в связи с Химмельвайт у меня случился казус при защите докторской диссертации. Я во вступительном слове, как и положено по традиции, выразил благодарность своим учителям, включая проф. Химмельвайт – выдающегося германского социопсихолога, бежавшую в Англию при Гитлере. ВАК затормозил утверждение учёной степени по причине «сомнительности» научных наставников диссертанта. Пришлось ехать в Москву и объясняться. Я напирал на антифашистскую позицию Хильды, поскольку упоминание её академических заслуг тогдашними нашими философами вызвало бы прямо противоположный для соискателя результат. Замечу также, что и социальная психология как особое направление в то время решительно отвергалось мэтрами советской психологии, так как психология не может быть НЕ социальной [Ядов 2009а, с. 147].

Защита докторской диссертации состоялась за месяц до дня рождения Ядова, ему исполнилось 38 лет. Закончился долгий и непростой путь в науку, которую он сам и его коллеги-ровесники создавали. Он был студентом, комсомольским лидером, рабочим-станочником, аспирантом, который самостоятельно нашёл и разрабатывал проблему, лежавшую на стыке социальной психологии и политической социологии (понятно, таких наук в стране ещё не было), студентом-стажёром в университетах Англии, создателем и руководителем первой в СССР социологической лаборатории. Уже было завершено исследование отношения к труду рабочих, признанное вскоре составной частью фундамента советской социологии. Успешная защита Ядовым докторской диссертации на философском факультете ЛГУ стала не только актом признания сделанного им. То был момент фактического признания достаточно консервативным экспертным сообществом, многие члены которого либо отрицали существование социологии как науки, либо отводили ей небольшое пространство в истмате, рождения в стране новой социологии – теоретико-эмпирической науки. Таким образом, закончились годы поиска Ядовым своей профессиональной идентичности.

«ТОЧКИ СГУЩЕНИЯ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД

НАЧАЛО

Перечень публикаций в автореферате докторской диссертации Ядова свидетельствует, что всё началось с изучения бюджета времени; статья об этом методе была написана группой авторов – сотрудников Ядовской лаборатории, и опубликована в «Вестнике ЛГУ» № 4 за 1961 год [Ядов, Беляев, Водзинская 1961]. Зная, каким неспешным в те годы был путь рукописей в журналах, можно допустить, что статья была передана в редакцию ещё в 1960 году или в начале 1961 года. Принимая во внимание тот факт, что Владимир Александрович до конца жизни «находился в науке», легко видеть, что стаж его работы в социологии – заметно более полувека. Было бы ошибочным сейчас ставить перед собой цель хотя бы самого общего очерчивания сделанного им, безусловно, это задача будущих специальных поисков и направленного анализа. Я ограничусь тем, что обсуждал с ним в интервью и в переписке, полагая, что рассматривавшееся – существенный элемент его творчества и наследия.

Напомню, интервью с Ядовым началось с вопроса: «В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...». Изложение судьбы он начал с воспоминания об исключении из партии. По завершении ответа, я отправил ему дополнительный вопрос: «...это о судьбе, теперь о творчестве...». И здесь первым предложением ответа было: «Творчество началось с изучения бюджетов времени рабочих одного завода». Затем Ядов, не конкретизируя сказанное, перешёл к воспоминаниям об исследовании «Человек и его работа» и мимоходом заметил: «Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...». В тот момент я действительно не знал, как Ядов входил в социологию, но у меня было ощущение важности выяснения этого, поэтому последовал вопрос: «Что значит: “Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...”»? Я думаю, что этот вопрос оказался принципиальным для понимания становления Ядова как социолога, а, отчасти, процесса развития социологии в стране. Приведу ту часть развёрнутого ответа Ядова, которая раскрывает сделанное Коном:

Игорь сыграл решающую роль в моём, как говорят постмодернисты, проекте профессиональной жизни. Понятие «проект» здесь уместно, ибо возник он благодаря Игорю, не был предначертан теми структурами, в которых меня формировали. Мы оба преподавали на философском истмат. И однажды Игорь говорит: «Володя, мне попалась книга Гуда и Хатта [Good, Hatt 1952]. о методах социологического исследования. Посмотри, я думаю, тебе будет интересно». Почему он так решил? Не знаю, хотя догадываюсь. В отличие от него, в полном смысле академического учёного, который всё время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее. Кстати, однажды на комсомольском собрании (присутствовал на факультетском как заместитель секретаря комитета комсомола ЛГУ) я обрушился на своего товарища с яростной критикой по поводу какого-то его высказывания, показавшегося мне сомнительным в смысле «большевистской зрелости». Игорь потом не раз подшучивал, что Ядов чуть было не исключил его «из рядов». Видимо, он чувствовал, что эмпирическая социология ближе мне по характеру и темпераменту, нежели философия и кабинетная работа с книгами.

Гуд и Хатт произвели ожидаемое впечатление. Тот же Кон посоветовал начать с изучения бюджетов времени. С помощью В. П. Рожина вместе с Андреем Здравомысловым создали социологическую лабораторию, куда вошёл и Эдуард Беляев. Он лучше нас владел английским и перевёл гудов-хаттовский учебник, который долго ходил по рукам в машинописном виде. Если перелистать моё пособие по методам исследования, там немало ссылок на эту книгу.

Я привёл не весь ответ, но последнее предложение Ядова необходимо процитировать: «Судьбоносную роль Игоря Кона я описал, согласен?». И ещё об отношении Ядова к Кону. В заметке Ирины Тартаковской есть воспоминание о том, что, читая в её статье цитату из Кона, Ядов отметил его образцовый стиль и добавил: «Вот как надо писать, видите? Практически Пушкинский слог. Горжусь таким другом!» [Тартаковская 2009, с. 515].

Всё рассказанное Владимиром Александровичем показалось мне интригующе интересным, но опыт историка, накопленный при анализе биографий первых американских исследователей общественного мнения, подсказывал, что поиск не закончился, а лишь начался. Я обратился к Игорю Семёновичу Кону с просьбой прокомментировать слова Ядова, и сказанное им оказалось принципиально значимым:

Ядов не совсем точно излагает эту историю. Книга Гуда и Хатта лично для меня никакого значения не имела. Я вообще никогда специально не интересовался методами, да и самую книгу сразу же по её получении, не читая, отдал ребятам, они вернули мне её через много месяцев.

Что социология – эмпирическая наука, я знал давно. В книге «Позитивизм в социологии» (1964) и предшествующих ей статьях, печатавшихся с 1962 г., я фактически написал историю социологии как науки, всех классиков социологии я так или иначе читал и излагал. Самого меня интересовала прежде всего историческая социология. Но на меня произвела сильное впечатление статья Г. Пруденского в журнале «Коммунист» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию в СССР я считал абсолютно невозможной), и посоветовал это Володе, потому что считал его очень способным человеком, хотя наши отношения начались со стычки. Однако он в это время был ещё «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще эмпирия кажется ему мелковатой.

Я не спорил. Но я твёрдо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас всё равно появится, и потому заранее заказал через книжный отдел Академии наук учебник, который считал лучшим. <...>

Тем временем Рожин пробил создание социологической лаборатории, Ядов стал её заведующим, и это изменило его интересы. И как раз к открытию их лаборатории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же, не читая, отдал её ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев. Они немедленно начали её осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт. Моя заслуга лишь в том, что я раньше других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал её тем, кому она была реально нужна.

Завершая эту цитату, замечу, что в процессе вхождения в изучение истории российской социологии я постоянно консультировался с Коном и не провёл с ним интервью лишь потому, что он тогда работал над мемуарами «80 лет одиночества» и обещал передать мне книгу. Книгу он подарил мне в 2008 году, когда мы встретились на социологическом конгрессе в Москве. И так случилось, что в день похорон Кона я был в Москве, и мы вместе с Ядовым простились с Игорем Семёновичем...

Ядов лишь мимоходом рассказал о возникновении первой в стране социологической лаборатории: «С помощью В. П. Рожина вместе с Андреем Здравомысловым создали социологическую лабораторию...». Хорошо, что подробнее эта тема освещена

в сборнике «Vivat, Ядов!». В целом, дело обстояло так. Осенью 1960 г. декан философского факультета и научный руководитель Здравомыслова Василий Павлович Рожин сообщил ему, что в университете при факультете создаётся лаборатория социологических исследований. Далее Рожин спросил Здравомыслова, не готов ли он перейти туда работать. Здравомыслов сразу согласился, и несколько дней спустя Рожин объявил ему, что партбюро утвердило руководителем нового подразделения Ядова. Поскольку Здравомыслов и Ядов давно знали друга, никаких трений о направлении работы и кадрах не возникло. Ядов, по своему стилю управления был организатором-инициатором. Он придумал, что главной формой работы должны быть еженедельные семинары, особенно на этапе разработки методики.

Тематика лаборатории с самого начала формировалась вокруг проблем социологии труда. Начали со сбора вырезок газетных публикаций по социалистическому соревнованию и движению за коммунистический труд. Вскоре все шкафы были забиты этими вырезками, и тогда стало понятно, что из газет мало что можно было узнать. Надо было самим идти на завод.

Ознакомившись со статьёй Пруденского о бюджете времени, молодые, точнее сказать, начинающие социологи загорелись идеей самофотографирования бюджета времени рабочих. Методом случайного отбора из общего списка работников одного из цехов Кировского завода они создали выборочную совокупность из 100 человек, объяснили респондентам правила ведения записей (каждые десять минут человек должен был записывать то, что он делал), и в течение недели провели сбор данных. По предложению Ядова, подготовили коллективную статью. В результате, отмечает Здравомыслов: «появилась первая публикация нашей лаборатории».

Считаю необходимым отметить, что опыт этого первого, пробного для лаборатории исследования не пропал, в 1968 году Здравомыслов, возглавивший кафедру марксистско-ленинской философии в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и создавший при ней небольшую социологическую группу, начал изучение бюджетов времени работников партийного аппарата. Вскоре Здравомыслов вынужден был переехать в Москву, но проект жил ещё многие годы. Это было очень крупное многоцелевое исследование, но о нём мало известно, ибо не только существовал запрет на публикацию результатов, но даже не разглашался факт самого исследования. Мне многое известно о нём, поскольку несколько лет я участвовал в этом проекте.

О сверхсекретном характере того исследования вспоминал в нашем интервью А. Г. Здравомыслов: «В 1969 году на основе курса лекций для слушателей ЛВПШ я издал книгу “Методология и процедура социологических исследований”. Там была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной ещё в тридцатые годы! Б. К. Алексеев [БД: высокопоставленный сотрудник Ленинградского ОК КПСС] попросил меня сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о моём отстранении от этой деятельности. <...> Отдел науки предложил мне на выбор: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вновь вернуться в Академию наук, в ИКСИ <...> Я выбрал второй вариант» [Здравомыслов 2006, с. 14].

Заметную роль в освоении советскими учёными методов социологии сыграла и названная выше книга Гуда и Хатт; она не была издана, но в лаборатории Ядова многие её читали, а приезжие из различных городов даже переписывали от руки целые страницы. Весьма значимы для истории и выше приведённые слова Ядова: «Если полистаешь моё пособие по методам исследования, там немало ссылок на эту книгу». Чтобы не уходить далеко от основной темы этого параграфа, не буду

останавливаться на всех перипетиях перевода книги Гуда и Хатта, но эта почти детективная история долго раскручивалась мною в интервью с переводчиками Э.В. Беляевым и А. Г. Здравомысловым, а также в переписке с Коном и Ядовым.

Что касается изучения бюджета времени, то эта тема всплыла 4 мая 2010 года как реакция на присланный мне Ядовым перечень его книг и статей, отобранных им для переиздания (см. выше). Этот список из 18 названий завершался словами: «В этих работах – полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора». Отвечая ему, я в тот же день написал: «... Володя, я всё посмотрел... это хорошо, что ты включил книгу 63 года, это твоя кандидатская... есть два вопроса... Мне думается, что можно включить вашу первую коллективную публикацию по бюджетам времени, это ваше начало... и совсем не понимаю, почему ты не включаешь «Социологические исследования»⁵. Это первая книга по методам в СССР, и по ней учились многие и многие...».

На следующий день был получен ответ Ядова: «...публикации по бюджетам времени, равно как и первое издание по методам, могут быть интересны только историкам. Историк, если понадобится, без труда их получит в библиотеке». Была названа в этом списке публикаций и газетная статья, написанная в соавторстве с Т.И. Заславской: «Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР: сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения». Статья вышла в газете «Вечерняя Москва» 7 июня 1989 года. Я спросил Ядова, в чём значение этой публикации, он ответил: «Газетная статья с Заславской – и уникальное свидетельство «судьбоносного» события в истории страны, и документ, демонстрирующий нашу вовлечённость в горбачёвскую перестройку. Газетную статью ни один коллега или студент искать не станут, а она, так сказать, знаковая».

В целом же можно сказать, что, работая над перечнем своих публикаций для возможного переиздания в будущем, Ядов, конечно же, размышлял не о многотомном собрании сочинений, в первую очередь интересном специалистам, но о некоем пособии, полезном для студентов и широкого круга коллег.

«ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА»

Теперь вернёмся к ответу Ядова на вопрос о его творчестве. Вслед за упоминанием о стартовом изучении бюджетов времени, он писал: «После первого опыта с бюджетами времени начался “Человек и его работа”». Здесь – лишь обозначение направления деятельности, но, естественно, я начал «разматывать» эту тему, ведь речь идёт об одном из классических проектов советской социологии. Известно, что авторами исследования были молодые, тогда мало известные Здравомыслов и Ядов, но книга с описанием методологии и результатов вышла под их редакцией и профессора В.П. Рожина, в те годы декана философского факультета ЛГУ.

Естественно возник мой вопрос: «Зарождение проекта “Человек и его работа” представлено в российской истории... и всё же есть ряд мест, требующих детализации. Меня интересует роль В.П. Рожина». Ответ Ядова состоял из двух частей, первая – о роли Рожина: «Василий Павлович Рожин не был “крышей”, мы не думали, что надо что-то “крышевать”. Но в издательстве цензура выкинула из книги главу о сравнении отношения к труду молодых американцев и ленинградцев – глава по дубль-исследованию Фредерика Херцберга в США. Здесь никакой декан не смог бы помочь. Когда Игорь Кон обратил меня в социолога, Рожин энергично поддержал и пробил через Совет ЛГУ создание первой в стране вузовской социологической лаборатории. Мы включили его в соавторы не для “крыши”, а из благодарности».

⁵

Имеется в виду учебное пособие [Ядов, 1968]. – Прим. ред.

Вторая часть ответа начинается словами: «Добавлю про “крышу”». И далее: «При подготовке книги «Человек и его работа» издательство “Мысль” запросило официальную рецензию у Коли Лапина [Б.Д.: Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе с Андреем Здравомысловым “Человек и его работа в СССР и после” [Здравомыслов, Ядов 2003]. Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура её изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: “Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу”. Видишь теперь, кто сыграл роль “крыши”?».

«Человек и его работа» – важная тема для истории советской социологии, но если анализ собственно методолого-методических подходов, разрабатывавшихся Здравомысловым и Ядовым, а позже – их многочисленными учениками и последователями, может быть проведён по публикациям, то интервью даёт нам сюжеты, о которых могли рассказать лишь участники того исследования. А не зная таких, казалось бы, «внешних» по отношению к узкотрактуемым собственно «научным» вопросам, трудно понять саму методологию и лишь весьма поверхностно можно представить, как развивался этот проект, в каких условиях осуществлялась работа.

По воспоминаниям Ядова, проверить справедливость идеи Маркса насчёт превращения труда в первую жизненную потребность можно было лишь в сравнительном исследовании отношения к труду рабочих-пролетариев в капиталистическом обществе. По Марксу, социализм – преддверие коммунизма, поэтому исследователи ставили перед собой задачу эмпирической проверки того, насколько советское общество приближалось «к этой двери в свободу». Замечу, это было начало 1960-х, когда страну окружал «Железный занавес», контакты с Западом далеко не приветствовались и контролировались «компетентными органами» и когда в нарождающемся социологическом сообществе практически полностью отсутствовали профессиональные контакты с зарубежными коллегами.

«И тут, – отмечал Ядов в нашем интервью, – подвернулся Фредерик Херцберг из Айовы». Они – он и Здравомыслов – нашли его по книгам, которые библиотека ЛГУ получала по обмену из Хельсинкского университета. Они сразу заметили, что Херцберг – именно тот человек, который был им нужен: одна книга – анализ динамики удовлетворённости работой американцев чуть ли не за 40 лет, другая – собственная теория о внутренней и внешней мотивации труда. Они написали «на деревню дедушке», и, в это трудно поверить, Херцберг приехал в Питер, в их социологическую лабораторию. Огайский университет оплатил его затраты, а советская сторона как-то его пропустила. По словам Ядова, американец «Оказался совершенно своим парнем. Стрелок бомбардировщика при вторжении в Италию, человек с прекрасным чувством юмора».

Херцберг без возражений согласился провести общенациональный опрос молодых американских рабочих по ленинградской методике без единой поправки, так как в Ленинграде уже заканчивали полевые работы. И он выполнил обещание... Но для работы Ядову и его сотрудникам нужны были сырые данные для разных способов анализа, а цензура пропускала лишь текстовые письма. В 1964 г. Ядов вернулся домой после стажировки в Англии и, пользуясь доверием КГБ (ясно, что

в Англии «выполнял их задание»), отправился на конференцию в Вену. Подходит некий красавец вроде Джеймса Бонда и говорит: «Я привез пакет от профессора Херцберга», – и передает рулон табуляграмм. Приезжает Ядов в Ленинград, и прямо на перроне его встречает курировавший его поездку в Вену отечественный «бонд». Он оттеснил жену Владимира Александровича и сообщил: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Дома Ядов звонит ребятам, и всю ночь они переписывали статистику с рулонов. Не успели закончить, а «сотрудник» явился поутру и забрал присланное Херцбергом. Так что несчастная глава в книге написана не вполне аккуратно, так как мы рассчитывали разные индексы, которые Фредерик не использовал. Ядов полагал, что информацию о его встрече с посланником Херцберга донёс в Москву один друг-болгарин.

Херцберг опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» статью, в которой писал, что трудовая мотивация советских рабочих практически не отличается от американской. Ядов написал в «Вопросы философии» статью под заголовком «Давайте смотреть фактам в лицо». Аргументы те же, что и в недавнем переиздании книги «Человек и его работа». Получалось, советские и американские рабочие равно различались в их мотивации в зависимости от содержательности труда. С одним «но» – у американцев независимо от характера работы на первом месте находилась озабоченность занятостью, страх увольнения. В переизданной книге есть глава о постсоветской ситуации. Сын Ядова Николай провёл исследование буквально на тех же питерских заводах и рабочих местах, где были заняты молодые сорок лет тому назад. Оказалось, по словам Ядова: «сегодня мы от них не отличаемся».

Но история с Херцбергом на этом не закончилась, лишь прервалась переписка. Когда Ядов стал директором Института социологии РАН во время перестройки, он поехал «руководителем делегации» советских социологов в США. Фредерик, уже совсем не молодой, прилетел в Нью-Йорк со всей семьей. Объяснил, что не писал, чтобы у его советских коллег не было проблем с КГБ. Ядов предложил ему дать статью в «СОЦИС», сам перевел и опубликовал. В 2000 году Херцберг умер.

Рассказанное Ядовым мне о его контактах с Херцбергом было дополнено им в интервью Улфу Химмельстранду, президенту Международной социологической ассоциации (1978–1982), впервые опубликованному в “International Review of Sociology” (Vol. 10, No. 2, 2000). Химмельстранд спросил Ядова, участвовал ли он в конгрессе Международной социологической ассоциации в Упсале в 1978 году. И услышал удививший его ответ: «Нет, не довелось. В это время я был невыездным». Последовал новый вопрос Ядову: «Были невыездным?». Ядов рассказал изложенное выше о его встрече в Вене с посланцем Херцберга, но добавил, что и он, со своей стороны передал данные Херцбергу. И далее: «Когда я вернулся из Вены, ко мне пришли и стали задавать вопросы о том, какие данные я передал Херцбергу, просили показать эти данные... И так далее, и тому подобное. Я показал данные. С этого момента в течение трёх лет мне было запрещено выезжать за границу».

Рассмотренный сюжет оказался довольно затяжным, но в содержательном отношении он очень ёмок. В нём – и портрет Ядова, и обстоятельства работы над известной каждому российскому социологу книгой, и процесс развития советской социологии. Он сам по себе – во многом о «мире Ядова».

Становление профессиональных ориентаций Ядова в значительной мере определила его годовая стажировка в Англию, о ней он потом часто вспоминал на семинарах и в дружеских беседах. Такая возможность открылась в 1963 году, когда ректор ЛГУ – выдающийся математик, тогда член-корреспондент Александр Данилович Александров, интересовавшийся социологией, предложил Ядову отправиться в Америку, а его однокурснику и другу Юрию Алексеевичу Асееву –

в Англию. Асеев уже тогда был сложившимся специалистом в области истории западной социологии и не хотел ехать в Англию, так как побаивался встречи там с ректором London School of Economics (LSE), Карлом Поппером, работы которого он критиковал в своих публикациях. Юрий предложил Ядову поменяться странами, и они поменялись.

Первые три месяца Ядов провёл в Манчестерском университете, и первым его наставником был социоантрополог профессор Рональд Франкельберг. Это было совсем не то, что хотел Ядов. Он не был сторонником этнометодологии и предполагал углубить свои знания в области количественной, позитивистской методологии. Затем он сбежал в LSE к социопсихологу Хильде Химмельвайт, которая многому его научила.

В период стажировки лабораторией руководил Здравомыслов, тогда были получены первые результаты исследования и были приняты к печати первые совместные статьи: сборник под редакцией Г. В. Осипова «Социология в СССР» [Здравомыслов, Ядов 1965b] и сборник Г. Е. Глезермана, изданный Академией общественных наук при ЦК КПСС [Здравомыслов, Ядов 1965a].

Теперь я хотел бы раскрыть смысл фразы «пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии “выполнял их задание”»)» в его воспоминаниях о поездке в Вену. Это – долгая, в несколько десятилетий история, потому изложу её с некоторыми сокращениями. Начинается она так [Ядов 2005b, с. 21–22]:

Естественно, кандидат на стажировку за рубежом подлежал присмотру со стороны Большого дома. Звонит некто, представляется просто как «сотрудник» и предлагает встретиться в Таврическом саду в таком-то месте (дело было весной). Спрашивает, очень ли я хочу поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?». Я интересуюсь, какое именно. Он говорит, что сам этого не знает, но его колега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Как, спрашивает, зовут вашего тестя? – Николай Григорьевич. – Так вот, к вам обратится Николай Григорьевич.

В Москве звонит Ядову в гостиницу человек, представляется Николаем Григорьевичем и назначает встречу возле ресторана «Берлин». Там подходит к Ядову молодой человек с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги о том, что суть поручения изложит очередной Николай Григорьевич в советском посольстве в Лондоне. Там, третий Н.Г., ещё более молодой, формулирует задание – следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой. Ядов комментировал сказанное словами: «Дело нехитрое, так как, сам понимаешь, проверить мою догадку о будущей карьере студента не смогли бы и десятки николаев григорьевичей».

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук Ядов приятельствовал с парнем по имени Майк, их комнаты оказались рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки, и Ядов назвал его в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой Н.Г. из службы атташе по культуре попросил Ядова представить его Майку как своего друга. Приехали они в общежитие, нашли приятеля Ядова в студенческом баре, познакомил он их. На другой день «посольский» продиктовал Ядову текст на почтовую открытку примерного содержания: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много работы преподавательской и исследовательской. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя»; дату попросил не ставить. Далее Н.Г. посоветовал Ядову прервать всякие связи с Майком. Ядов принял эту инструкцию, в чём и дал расписку.

А в завершение этого сюжета приведу слова Ядова:

Через 36 лет меня включают в делегацию Российской академии наук для подписания в Лондоне соглашения о сотрудничестве с Британской академией Её Величества. Получаю по электронной почте письмо: ваш товарищ по LSE (т. е. мой друг Майк) узнал о вашем визите в Лондон и хотел бы встретиться. У него нет электронного адреса. Сообщите, где и когда это было бы возможно. Визит затягивался, я ушёл с поста директора института и не был включён в делегацию РАН. Таким образом, насчёт успешности своей деятельности как агента КГБ я остаюсь в неведении...

Возможно, приведённая история открыла Ядову дорогу на симпозиум в Вену, но она не уберегла его от невыездного трёхлетия. А в заключение не могу не привести слова В. Э. Шляпентоха, многие годы дружившего с Ядовым, отметившего в связи с приведённым и другими фрагментами его отношений с КГБ, открытость Ядова, его честность в рассказе своей биографии: «В своём интервью с Докторовым <...> Ядов паразитичен в своём бесстрастном описании своего прошлого. В пространном тексте нет места негативным прилагательным в описании того, как обращались с ним, с его друзьями и коллегами. В.А. неконфликтен даже в описании своих контактов с КГБ, особенно, когда он был уже в должности директора Института социологии».

Трудовая, заводская тематика прошла через всю жизнь Ядова. Так, в момент проведения интервью он участвовал в редактировании первого российского теоретико-прикладного словаря «Социология труда». То была идея Будимира Гвидоновича Тукумцева, которого Ядов назвал «мотором» этого проекта, а себе он отвёл роль «шпинделя».

Через несколько лет после интервью с Ядовым у меня состоялась беседа с Тукумцевым, и я попросил его рассказать подробнее о том, что и как делалось, что получилось. Инициатором этой работы, действительно, был Тукумцев, которому в 2001 году показалось целесообразным подвести на грани веков промежуточный итог теоретических и прикладных исследований в сфере социологии труда, которые выполнялись в СССР во второй половине XX века. Необходимо было свести воедино и осмыслить понятийный аппарат, который использовался социологами труда в своих научных разработках и учебных пособиях. Ядов согласился взять на себя роль ответственного редактора при условии, что Тукумцев, один из ведущих в стране исследователей в области «заводской» социологии, станет редактором-составителем. Подготовительная работа над словарем заняла три года. В ней участвовали более пятидесяти авторов из университетов и академических институтов России, а также Белоруссии. Обязанности тематических редакторов взяли на себя известные эксперты в этой области социологии: В. И. Герчиков, С. Г. Климова, В. В. Щербина (Москва), П. В. Романов, В. Н. Ярская-Смирнова и др. Словарь, объёмом в 400 страниц (27,0 п. л.), вышел из печати в издательстве «Наука» в 2006 году. На ежегодном конкурсе социологических изданий, проводимом Российским обществом социологов, ему было присуждено первое место, и все 57 участников этого исследовательского проекта были отмечены «Почётными грамотами Российского общества социологов (РОС)».

Для историка, в какой бы области исследований он не работал, важнейшим вопросом является, «а что было до того?», как возникло то, что он наблюдает и изучает. Социология труда – одна из тех сфер нашей науки, в которой много было сделано в дореволюционной России. Поскольку среди центральных проблем всего моего историко-социологического исследования с самого его начала была задача поиска корней современного этапа российской социологии, то вполне обоснованным был мой вопрос о знакомстве Ядова с дореволюционными разработками по социологии труда.

В более поздние годы, особенно в постперестроечное время Ядов, в частности, как редактор фундаментального коллективного труда по истории социологии России, несомненно имел глубокие представления об изучении труда в дореволюционной России, но в начале 1960-х, когда разрабатывалась программа социологического анализа отношения рабочих к труду, он не был знаком с опытом дореволюционных исследователей, да и не очень интересовался им.

Свой ответ на вопрос о знакомстве с прошлым он начал словами: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане – отношение к труду». И вообще, он полагал, что эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относившихся к их исследованию, не представлялась высокой. Главная проблема проекта Здравомыслова-Ядова состояла в том, чтобы понять, становится ли труд первой жизненной потребностью, как декларировалось в 1960-е, тогда как дореволюционная рабочая Россия была, по его мнению, великолепно описана классиками литературы и представлена бурлаками Репина и «Эй, ухнем!» шалашинским басом. Тогда не было загадки с мотивацией труда, он был полурабским. Ядов писал: «После Октября Троцкий инициировал "тудармию", в Отечественную все жили единственной мыслью: "мы за ценой не постоим" и далее – "восстановим народное хозяйство во что бы то ни стало". Бригады коммунистического труда в хрущёвское время – вот что нам было интересно. В последней книге приведены статистики, которые говорят о том, что участники этих бригад по индексам ответственности и продуктивности ниже средних! Правда, и в первой публикации мы писали, что "ударники" часто говорили, что не знают, участвуют ли в этом движении» [Ядов 2005а, с. 8].

УЧЕБНИК ДЛЯ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Выше, при рассмотрении автореферата докторской диссертации Ядова, отмечалось, что в то время все его публикации можно было примерно поровну разделить на две группы: относящиеся к изучению трудовых отношений и фокусированные на анализе проблем методологии социологического исследования. Также в автореферате отмечалась готовность книги «Человек и его работа», которая планировалась к выпуску в 1966 году, но была опубликована в 1967-м. Однако, скорее всего, Ядов не знал, даже не допускал того, что совсем скоро появится другая его книга, в которой он подытожит свой опыт в области методологии социологии и у которой будет не менее яркая судьба, чем у первой его книги. Содержание этой методологической книги, она вышла в нескольких изданиях под несколько различающимися названиями, известно практически всем социологам, живущим на постсоветском пространстве, но историю её рождения знают немногие. Послушаем Ядова, но прежде я замечу, что главный герой предлагаемой истории – Уло – это эстонский социолог, хорошо известный российским социологам старших поколений как Юло Вооглайд. Ядов писал, что Юло – неверное произношение имени Вооглайда [Ядов 2005а, с. 16]:

Я читал курс в ЛГУ на философском факультете, а в нашу социологическую лабораторию приезжали эстонцы, Уло в первую очередь. Однажды мы приняли целую компанию Уло и даже вывесили приветствие "Tule teremast" – «Добро пожаловать!»

Уло пригласил меня прочитать курс по методологии в Тартуском университете и издать стенограммы. <...> я воспарил. Живу в маленькой гостинице "Park", на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: "Когда Вам принести кофе в номер?". Полный отпад. Другой мир. Эстонский первый секретарь партии Кэбин прикрывал свой народ. Московские партократы ничего не понимали, пока им не перевели. Горбачёв также. Он прибыл в Эстонию после

визита в Латвию и говорит: “Дорогие латвийские товарищи”. Потом, после подсказки ливрейного лакея: “Плохо, что мало кто из эстонцев знает русский”. Министр культуры (женщина) бросает реплику: “Михал Сергеич, кто у нас не говорит по-русски, плохо знает и эстонский”.

Итак, я живу в семейной гостинице, утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника».

А всё развивалось так. Эстонские коллеги Ядова попросили ректора Тартуского университета обратиться к своему ленинградскому коллеге командировать Ядова на месяц для чтения лекций «Основы социологического исследования». Лекции читались через день, с 16 до 20 часов, чтобы их могли прослушать все желающие. Большая аудитория главного здания была полностью забита, студенты сидели на подоконниках и на полу. Лекции записывались на пленку, на следующий день они перепечатывались и пересылались Ядову в гостиницу для редактирования. А теперь – воспоминание Вооглайда об этой работе [Вооглайд 2009, с. 464]:

Последние чистовики (второй раз перепечатанный текст) Ядов получил в автобусе, который через две минуты должен был выехать в Ленинград. Ещё пару недель пошло на окончательную шлифовку текста. Потом в Ленинград за текстом приехал курьер, текст перепечатали на самоновейшей печатной машинке на ротапринтной бумаге со специальной рамкой, и через два-три месяца от начала цикла лекций в августе 1968 г., на свет появился первый учебник социологии в так называемом социалистическом лагере. Почему мы так спешили? Время было столь переменчивое, а мероприятие столь важное и опасное, что каждый день на этом пути мог стать последним. Мы подготовили учебник до того, как его успели прочитать те, кто мог бы (и должен был бы) его запретить».

И завершает свой рассказ Вооглайд словами о том, что отовсюду, куда была направлена книга, пришли поздравления и заказы на 400–700 экземпляров. Но весь тираж был 500 экземпляров.

Теперь понятно, почему Ядов писал, что книга «Методология и процедуры социологических исследований», родившаяся в Тарту в 1968 году, с серенькой мягкой обложкой грела его душу больше, чем последующие издания – с твёрдой обложкой и фотографией автора на обороте.

Приведённый рассказ даёт нам возможность кратко затронуть принципиальную при изложении биографии Ядова тему, которую можно назвать «Ядов и Эстония». О важности этого уголка «мира Ядова» говорят его слова: «Эстонию я люблю, это моя вторая малая родина. Хутор купили более 20 лет назад. Деньги одолжил Игорь Кон, который их не считал, хотя жил более чем скромно. В гостях говорил: “Мне пора, метро закроют”. Делился своими финансовыми проблемами: “Я сейчас покупаю машины”, то есть одалживает на авто. На Мадридском конгрессе Международной социологической ассоциации таксист упёр всё моё имущество, как только я вышел из машины: чемодан с бумагами, сорочки и галстуки. Игорь сказал: “Володя, я приехал за счёт Академии, но здесь получил деньги как председатель сессии. Бери”».

И в другом месте нашей беседы: «Я чувствую себя на эстонском хуторе очень комфортно. И полюбил этот народ. Он совсем другой. Имперских притязаний нет, сами освоили землю, где прошёл ледник. До сих пор на нашем маленьком участке при пахоте вылезают камни. А на больших полях – груды валунов, и старые дома построены из таких камней. Они свою землю выстрадали. Слово таа – «земля» – употребляется во многих сочетаниях, близких по смыслу к понятию «Родина». Мой хутор официально обозначен на карте земельного департамента как Jädvimaа «Kastani». Каждый хутор должен иметь своё название. Дочь ближнего соседа пред-

ложила – назвать «Каштан», потому что, когда мы там поселились, в ряду елей и берёз был еле живой каштан, который мы возродили к жизни. Не только цветёт, но деток производит».

Один эпизод из жизни Ядова на хуторе, рассказанный Юло Вооглайдом, одновременно покажет широкую известность Ядова в Эстонии и жизненность, естественность его поведения. Многие старались помочь Ядову жить на хуторе, но он всё же стремился быть самостоятельным. Купил себе мопед и стал ездить за хлебом. Он стремился обгонять бегущих по дороге собак, и если удавалось, то смотрел через плечо на отставших, но однажды не заметил камень на дороге. Результат: несколько переломов, гипс, на всё лето костыли. Вот в таком виде он оказался в близлежащем городе Раквере на автовокзале, ждал автобуса, чтобы вернуться на хутор после врача. Его заметила там женщина, которая в студенческие годы слушала его лекции, и стала звонить знакомым. «Представляешь, – говорила она, – что мы тут видели. В Раквере на автовокзале сидит бродяга, рядом шапка и костыли, а лицо – ну точно как у Ядова! Есть же на свете похожие люди!».

Отношения Ядова с эстонскими коллегами завязались в середине 1960-х, но в истории развития советской социологии, особенно – исследований массовой коммуникации и общественного мнения, а также всего комплекса использования методов сбора и анализа социологической информации большое значение имеют конференции, проходившие на спортивной базе Тартуского университета в Кяэрику (иногда, Кяярику; Kddriku) в 55 километрах от Тарту. Вот мнение Ядова: «Встречи в Кяэрику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода “западом”. Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Йоханнес Кябин точно играл роль “крыши”. В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно, как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали, как шестидесятники, если переводить на язык идеологии». Организаторами, моторами этих встреч были Вооглайд и Ядов.

Приходится признать, что среди российских социологов осталось крайне мало живых участников (я к ним не принадлежу) тех событий, ведь всё это было полвека назад. Тема первой встречи в октябре 1966 года была «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации»; второй, в 1967 году – «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация»; на третьем семинаре в 1968 году обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 году состоялась четвёртая и последняя встреча социологов. Итоги работы трёх первых семинаров отражены в сборниках, но публикацию материалов четвёртого запретили партийные органы республики. В 2010 году, постоянный участник этих встреч, тартуский профессор Леонид Столович писал: «Пустыня уже грозно надвигалась на оазис» [Столович 2010b, с. 14]. Во встречах участвовали молодые учёные, имена которых навсегда вписаны в историю отечественной социологии: В. А. Ядов, И. С. Кон, Б. М. Фирсов, А. Г. Харчев из Ленинграда, Ю. А. Левада, Б. А. Грушин, Л. А. Седов из Москвы. Свердловчане Л. М. Архангельский и Л. Н. Коган со своими сотрудниками, из Новосибирска приезжал – В. З. Коган, из Латвии – А. Милтс. Были москвичи: методолог Г. П. Щедровицкий, философы П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов. Одно из заседаний вёл Ю. М. Лотман. Активнейшую роль в организации встреч и в обсуждениях играли эстонские социологи: Марью Лауристин, Яак Аллик, Пеэтер Вихалемм, Ассер Муруттар, Пауль Кенкман, Миик Титма. Впоследствии они стали видными социальными аналитиками и политическими деятелями независимой Эстонии, представляющими разные политические течения. И Ядов весьма гордился тем, что Сенат Тартуского университета избрал его профессором *honoris causa*, единственным из российских обществоведов.

Итак, сначала (1968 год) тиражом в 500 экземпляров (в библиографической карточке Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге указано – 2000 экз.) появилась книга «Методология и процедуры социологических исследований». Выше приведённые слова Воглайда констатируют, что спрос на неё был огромный; большая часть книг разошлась в Эстонии и Ленинграде. Осенью 1972 года под эгидой АН СССР вышла ставшая вехой в истории российской социологии книга «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы». С учётом того, что социологов в те годы было немного и социологического образования в стране не существовало, тираж в 11 тысяч казался немалым. Но потребность в такой книге была весьма значительной, и книга была раскуплена мгновенно. Правда, поскольку книга вышла в издательстве «Наука», её приобрели библиотеки многих вузов и крупные городские библиотеки. В то время уже были книги по социологии Г. М. Андреевой, Б. А. Грушина, Ю. А. Замошкина, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона, Ю. А. Левады, Г. В. Осипова, существовала «Социология для всех» В. Э. Шляпентоха, но нужен был учебник. Новая книга Ядова и стала таковым, на долгие годы.

В книге 1972 года в силу каких-то причин не было указано Тартуское издание, таким образом, многим читателям этот факт остался неизвестным. Книга, вышедшая под тем же названием и тоже в «Науке» в 1987 году (тираж – 8000), представлена как «Издание второе, переработанное и дополненное». Хотя в действительности это была уже третья версия методологической книги Ядова.

Когда я проводил интервью с Владимиром Александровичем, я не знал, что эта книга в дополненном и переработанном виде живёт под именем «Стратегия социологического исследования»; потому и разговора о ней не было. Ядов сказал мне о ней лишь во втором интервью, в самом конце, когда уже не было возможности «раскручивать» эту тему. Впервые сообщила мне об этой книге Виктория Владимировна Семёнова в ходе нашего интервью в 2010 году, но как-то мимоходом. Рассказывая о своей книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (1998 г.), она заметила, что «Потом, в более коротком и обновлённом варианте содержание этой книги вошло в мою главу в книге В.А. Ядова «Стратегия социологического исследования». Эта работа ни разу не обсуждалась в нашей переписке с Ядовым, и я вспомнил о ней лишь в процессе написания этой книги.

Естественно, первым делом я написал письмо Виктории Семёновой: «... пожалуйста помогите... затеял я написать небольшую книгу о Ядове... <...> в нашем интервью вы писали о своём участии в книге В.А. «Стратегия социологического исследования»... согласно статье в Вики, эта книга выходила в 3-х изданиях... как эта книга соотносится с Ядовской книгой «Социологическое исследование: методология, программа, методы?».

Из ответа Семёновой стало ясно, что «Стратегия социологического исследования» возникла при очередном предложении Ядову переиздать «Социологическое исследование...». Тогда он решил расширить её, в частности, пригласил Семёнову написать главу «Качественные методы...». На мой вопрос о целях появления этой главы, Виктория Семёнова ответила:

Мне кажется, что всё достаточно просто, по-моему, я говорила вам это ещё в моём интервью. В. А. Ядов обладал удивительным качеством не отвергать сходу всё незнакомое и новое в науке, даже если он не был уверен в реальном его потенциале и не был приверженцем данного направления. По-китайски – пусть расцветают все цветы. Или по принципу: я не верю, а вдруг в этом что-то есть? Поэтому он, как директор института, и не отверг предложение Берто о сотрудничестве с институтом и не закрыл сходу наши штудии по качественным методам и биографиям. Хотя его позиция может быть озвучена следующим образом: конечно, это ерунда, но ею почему-то стали инте-

ресоваться в разных странах, может, в этом что-то и есть – это его аргументация для журнала СОЦИС, когда шла речь о публикации статьи Елены Рождественской в журнале. Отсюда его предложение включить главу о качественных методах и поддержка темы моей диссертации. Но сам он тогда совсем не разделял этих идей.

Тот факт, что книга «Стратегия социологического исследования» оказалась востребованной, она была издана в 1998 году [Ядов 1998] и переиздана в 1999 [Ядов 1999] и 2000 [Ядов 2000], и 2007 [Ядов 2007] годах, хотя в своей основе это была работа рубежа 1960-х – 1970-х, говорит о том, что «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» опередила время на несколько десятилетий и осталась полезной даже после появления других учебников и учебных пособий. Добавлю, что обращение к каталогу Российской национальной библиотеки в СПб выявило ещё одно издание книги «Социологическое исследование...», оно состоялось в 1995 году в Самаре [Ядов 1995].

Что можно сказать? Редкостная судьба научной книги...

Вернусь к словам Ядова о том, что участники встреч в Кляэрику говорили то, что думали, а думали, как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. Конечно «Методология и процедуры социологических исследований» могли родиться лишь в подобной обстановке. Обратимся к книге А.Г. «Методология и процедура социологических исследований» [Здравомыслов 1969], она увидела свет годом позже Ядовской работы. Оба автора проделали во многом общий путь к своим методологическим книгам: получили образование у одних и тех же профессоров, по воспоминаниям Здравомыслова, они оба впервые в марте 1957 года на заседании кафедры исторического материализма слушали выступление участника III Всемирного социологического конгресса, главного редактора журнала «Вопросы философии» М. Д. Каммари и впервые услышали слово «социология». Они оба стояли у истоков первой в стране социологической лаборатории, одновременно осваивали Гуда и Хатта (Здравомыслов был одним из переводчиков этой книги), провели исследование, завершившееся «Человеком и его работой», думали о совместной защите докторской диссертации, но вскоре от этого замысла отказались; успешно защитили докторские диссертации методологической направленности с разницей в два года (Ядов – в 1967 году, Здравомыслов – в 1969 году).

Что же определило различия в направленности и содержании книг Здравомыслова и Ядова? Более того, в их судьбах? Я бы назвал две основные причины. Первая, Владимир Александрович прошёл стажировку в Англии и не только приобрёл там новое видение методологии и методов социологии, но стал свободнее в своём понимании социологии в целом, чем до обучения за границей. И вторая, она по сути указана выше, в ходе лекций в Эстонии он мог говорить то и так, как думал. Андрей Григорьевич в те годы не имел опыта повседневного общения с западными специалистами, участия в дискуссиях с ними, и к тому же читал свои лекции в закрытом учебном заведении – Ленинградской высшей партийной школе. Ядов имел возможность размышлять как «шестидесятник», Здравомыслов был вынужден придерживаться требований, присущих системе партийного образования. Я тогда начинал работать в социологической группе, руководимой Андреем Григорьевичем, и постигал азы социологии на этих лекциях.

ДИСПОЗИЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

В конце 1960-х Ядов начал ещё один проект, тогда для многих открывший «нового» Ядова, социолога и психолога, специалиста по мало знакомым подавляющему числу социологов многомерному корреляционному и факторному анализу. Причём, эти математические методы были не «украшением», иллюстрацией владе-

ния учёным тонкими технологиями, а сущностной частью его теоретико-методологической концепции. Ниже будет приведено воспоминание Владимира Александровича о рождении его диспозиционной модели личности, и в ней не упоминается присутствие в тот момент в его сознании тех или иных ассоциаций по поводу познавательных возможностей факторного анализа. Но я думаю, если бы он на тот момент не знал о существовании этой технологии, не понимал бы её природу, скорее всего многое в его базовом видении диспозиционного устройства личности было бы иным. В постановочной части его исследования Ядов предстает как социолог, но далее он становится психологом личности, учеником и последователем Бориса Герасимовича Ананьева.

Когда в интервью я спросил Ядова, читался ли им в университете курс психологии, он начал свой ответ словами: «Вопрос приятный, есть что вспомнить, спасибо» и добавил: «На факультете работали светочи советской психологии Борис Герасимович Ананьев и Владимир Николаевич Мясищев. Б.Г., можно сказать, меня любил. Приглашал поговорить, в том числе и о социальной психологии. Он не очень восторгался идеей возрождения социальной психологии и намного больше был озабочен системным, междисциплинарным подходом к человеку и личности». Один разговор с Ананьевым особенно хорошо запомнился Ядову, Ананьев говорил об индивидуальной неповторимости личности и, в то же время, о формуле Маркса «личность есть ансамбль всех социальных отношений». По мнению Ядова, Ананьев трактовал высказывание Маркса в том смысле, что имеет место гармония традиций культуры, единства онто- и филогенеза. Для него в то время это было откровением, но с позиций сегодняшнего дня это ананьевское толкование виделось Ядову совершенно современным.

С Мясищевым Ядов не был столь близок, но и к нему он нередко обращался за советами. Теория социальных отношений личности Мясищева имела огромное влияние на разработку Ядовым диспозиционной концепции. В своё время Мясищев был ярым сторонником идеи коллективной рефлексологии Бехтерева, а Ядов видел в ней идею воздействия непосредственного окружения человека на его поведенческие намерения. И вот, когда Ядов готовился к стажировке в Англию, Ананьев дал ему задание досконально изучить кластерный анализ. Факторный анализ, который родился внутри психологии, был к тому времени знаком советским психологам, а кластерный – нет.

Таким образом, к концу 60-х, после возвращения Ядова из Англии, он в целом представлял возможности корреляционного, факторного и кластерного анализов, и уже в силу этого имел представление об идее иерархии свойств личности (отправной точке рассуждений Чарльза Спирмэна при разработке базовой модели факторного анализа), а также знал о существовании скрытых, не наблюдаемых аналитиком переменных, которые объясняют взаимоотношение наблюдаемых рациональных и эмоциональных свойств индивидов.

Теперь приведу воспоминание Ядова о том, как возникла идея диспозиционного подхода и произошёл прыжок от «человека и его работы» к этой концепции [Ядов 2005а, с. 11]:

Расскажу подлинную историю «изобретения» диспозиционной концепции. Как было дело? Я очень интересовался «эффектом Лапьера», суть которого в том, что аттитюды не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?» Респондент отвечает, но что из этого следует? На моём «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Бераланфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришёл в голову термин «диспозиции личности»,

то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактики...). Метафора, уверяют психологи, – пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Лёше Семёнову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию.

Лёшка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. Он говорит: системы, хорошо, но они же разные. Есть открытые и закрытые, иерархические и проч. Что пишет В. А. Геодакян – главный в то время советский автор, который защищал кибернетику, в основном иллюстрируя Берталанфи примерами из эволюции живых организмов? В иерархических системах, говорил Лёшка, высшие уровни доминируют. Примитивный мозг лягушки позволил ей жить и в воде, и на суше. Рыба-дура не смогла так приспособиться. Может, ценностные ориентации личности эту доминирующую функцию в человеческом поведении и исполняют? Это был некий прорыв, и мы оба независимо друг от друга что-то набросали, а потом собрались всем сектором. Горячо обсуждали и в конце концов сочинили исследовательскую программу, которая легла в основу проекта «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности».

И затем [Ядов 2005а, с. 12]:

Первые журнальные публикации были в соавторстве, а потом как-то имена моих коллег выпали, и остался Ядов. Роберт Мертон открыл в социологии науки «эффект Матфея». Разослал в разные журналы уже опубликованные ими же статьи, но с подписью неизвестных авторов. Ни одна не была принята! Научный авторитет автора оригинала статьи был решающим. Видимо, эффект Матфея сыграл свою роль, и благодаря ему Ядов стал единственным автором теории. Облегчает совесть то, что идею всё же предложил я.

В такой версии Ядов использовал данный фрагмент нашего интервью во втором издании книги по диспозиционной теории [Саморегуляция 2013] и пояснил в примечании, что под «чердаком Берталанфи» он имеет в виду сравнение Марио Бунге, философа и логика, интуиции с действиями некоего мастера, хранящего на чердаке своего дома всякий ненужный хлам. Когда ему понадобится некий инструмент, он отправляется на чердак и находит его, как бы интуиция высвечивает. Ядов пишет: «Мораль: из массы накопленных знаний вдруг является “полезное к случаю”».

В самом интервью он тоже не обошёл комментарием тему «чердака», но сделал это несколько иначе: «Деликатный вопрос насчёт собственно творчества. Мне нравится высказывание канадского философа Марио Бунге насчёт творческих способностей. Он пишет: немало тех, кто обладает обильными знаниями; часто эти знания – как хлам на чердаке, в полном беспорядке хранятся в его памяти. Но есть и такие, кто способен осветить хлам фонариком и взять нужное. Это – интуиция».

И ещё, в середине повествования о возникновении замысла диспозиционной концепции Ядов вспомнил об участии в этом проекте Владимира Самуиловича Магуна, в предисловии к книге этот сюжет отсутствует, ибо он напрямую не относится к процессу зарождения Ядовской теории, но здесь я его приведу. И не только для того, чтобы передать всё описание Ядова в исходной, оригинальной форме, но чтобы показать стиль работы Владимира Александровича и его отношение к коллегам [Ядов 2005а, с. 12]:

Очень заметный вклад внёс Володя Магун, он – неповторим. Мы писали с ним и главу в «саморегуляции», и раздел в учебник по социопсихологии. Встречались у меня. Помнишь? Потолки два семьдесят и квадратные метры не хуже. Принадлежала хирургу онкологу, который построил «храм на метастазах», не имея

наследников. Устроила обмен из коммунальной однокашница, ставшая первым секретарем райкома, в каковом районе мы жили. Часами спорим с Володей. Он – кремень. Мне надоедает, и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В.А., почему вы со мной согласились? Я считаю, надо ещё поговорить». Он просто изводил.

В моей классификации придурков Володя – придурок хасидского типа (Замечу, здесь Ядов следует Батыгинской классификации учёных, в которой «придурок» – высший тип, способный заниматься исследованиями ради истины, как он её понимал). Хасиды веками ломают голову над Ветхим Заветом. Геннадий Батыгин подарил мне книгу «Еврейские мудрости», перевод с польского. Там толкуется Ветхий Завет для совсем тупых. <...> Володя Магун – человек, который озабочен вопросом: на верном ли он пути в решении какой-то научной проблемы?

Естественно, в процессе работы над этой книгой я не мог не обратиться к Владимиру Магуну, которого знаю с моих аспирантских и его студенческих лет, а потом мы вместе работали в социологическом отделе Института социально-экономических проблем АН СССР под руководством Ядова.

Комментируя первую часть рассказа Ядова, Магун вспомнил мало известную историю с участием в диспозиционном проекте Эдуарда Викторовича Беляева, эмигрировавшего во Францию в 1976 году, а через год перебравшегося в США. Магун писал:

По-видимому, большой вклад в создание этой теории внес Э. Беляев. Я же ещё не работал в секторе, когда они сочиняли теорию, но уже позже, когда писали книгу «Саморегуляция» [Саморегуляция 1979] (и когда Беляев уже в Америке был) и я уже работал в секторе. Я обратил внимание на то, что Ядов вставил в рукопись книги ссылку на Э. В. Чернова – человека с такой фамилией не существовало, и я догадался, что Ядов таким образом зашифровал Беляева (книга вышла при советской власти, в 1979 г., и он опасался упоминать эмигрировавшего сравнительно недавно Беляева). Может я даже это не в рукописи, а в уже опубликованном тексте заметил фамилию Чернова, не помню сейчас. Ссылка в книге относится к такой фразе «Попробуем представить себе, каков процесс формирования поведенческих планов и программ с точки зрения изложенной выше гипотезы [Саморегуляция 1979, с. 30]. Ссылка звучит так: «В разработке этой гипотезы активное участие принимал Э. В. Чернов». А под «этой гипотезой» фактически имеется в виду вся эта диспозиционная теория, отсюда я заключаю, что Ядов признаёт вклад Беляева, о котором в разговоре с тобой он вообще не упомянул. Это кстати тем более вероятно, что именно Эдик хорошо разбирался в «системной» литературе. Смех в том, что когда в 2013 г. Ядов переиздал «Саморегуляцию», то он сохранил эту сноску в первоизданном виде – вместо того, чтобы Чернова на Беляева заменить [Саморегуляция 2013, с. 44]. Я к этому переизданию не имел отношения (кроме того, что по просьбе В.А. высказал замечание по его новому тексту для этого издания) – иначе бы обратил внимание и предложил бы восстановить Беляева (заодно бы и обсудили с ВА эту попытку использования Эзопова языка).

Собственно, о своём участии в проекте Магун написал, что в период создания диспозиционной теории он не имел отношения к ней, возможно, лишь участвовал в обсуждениях, но не более того (у Ядова он начал работать в 1974-м). Но в 1974 году, когда он пришёл в сектор, начинался период активного анализа эмпирического материала, собранного по проекту «Регуляция социального поведения». Он не запомнил точно, как проект назывался, но вспомнил важную «деталь», что в названии исследования было слово регуляция, которое по его предложению было заменено на «саморегуляцию». И вот тут как раз и происходили его споры с Владимиром Александровичем, частично они были связаны с диспозиционной теорией. Магун

отметил, что относился критически к теоретическим построениям, обращал внимание на нестыковки и внутри теории, и между теоретическими схемами и эмпирическим материалом.

В период проведения интервью с Ядовым я не знал о том, что в тексте книги в одном из примечаний он заменил фамилию Беляева на Чернова, я читал книгу и был в добрых отношениях со многими участниками проекта, но не обратил внимание на не известную мне фамилию. Но этот факт описан в интервью с Эдуардом Беляевым, которое состоялось несколькими годами позже разговора с Ядовым. Вот мой вопрос: «Можно допустить, что тебе не очень были по душе эмпирические исследования Ядова, но в проекте по ценностным ориентациям ты участвовал. Там ведь был простор и для твоих построений...». Приведу полностью ответ Беляева: «Дело, конечно, не в Ядове. Я работал у него с удовольствием, потому что там была по-настоящему творческая атмосфера, коллективная работа и дружеские отношения. То, что мне не нравились опросы и что на этом всё строилось, я никогда не скрывал, после того как понял, что собственно такое опросы. Я говорил об этом на наших лабораторных обсуждениях. Так что это ни для кого не было секретом. Я участвовал в “ценностных ориентациях” полностью в построении концепции и вплоть до окончания сбора эмпирического материала. Я был уволен из института в 1973-м. В предисловие к книге Ядов включил упоминание обо мне, назвав меня Черняевым (по его собственному объяснению в личной беседе мне и другим). Это понятно, поскольку я был *persona non grata*». [БД: Здесь Беляев не точен; Ядов назвал его Черновым].

Не могу не привести ещё один фрагмент из беседы с Беляевым, в нём – о поведении Ядова в очень сложной жизненной ситуации, в которой в те годы многие «сдавались». Беляев вспоминал: «На следующий день после официальной регистрации [Б.Д.: Беляев имеет в виду свой брак с француженкой] я был уволен из Института, но был выпущен из СССР только через три года, будучи три года без работы. Меня, конечно, никуда не принимали. Получение характеристики на отъезд в нашей лаборатории, которая была привязана по партийной линии к Ленинградскому отделению Академии наук (потому присутствовали на том собрании не только члены нашей лаборатории), вылилось в неприличный спектакль. Я понимаю необходимость занять официальную позу и «разоблачить врага народа», чтоб другим неповадно было, но есть границы приличия, и Володя Ядов остался в этих рамках, в отличие от ряда других».

Логика диспозиционной теории не проста, её освоение предполагает наличие хорошей подготовки в области исследований личности; одновременно – весьма сложен (во всяком случае так было в 1970-е) математический аппарат, использованный Ядовым: факторный и корреляционные анализ, построение индексов, регрессионные схемы. У меня есть право на такой вывод, ибо в конце 1960-х я направленнo занимался методологией факторного анализа, более широко – многомерного статистического анализа, и консультировал сотрудников лаборатории, которую возглавлял Б. Г. Ананьев, выступал на их семинарах и при поддержке Бориса Герасимовича защитил в 1970 году кандидатскую диссертацию по психологии. Предметом моего исследования были история факторного анализа и методология его использования в психологии. Я помню, с каким трудом психологи осваивали даже значительно более простые методы матанализа, а факторный анализ многими воспринимался как «китайская грамота».

В историко-наукoведческом плане было бы интересно проследить, как менялось изложение Ядовым основ диспозиционной теории, какие аргументы приводились им в обосновании иерархического строения ценностного синдрома личности. В коллективной монографии «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», вышедшей под редакцией Ядова в 1979 году, в качестве

первой публикации по этой теме указывался сборник «Личность и её ценностные ориентации», вышедший в виде двух выпусков Информационного бюллетеня ИКСИ АН СССР в 1969 году. В библиографической карточке каталога Российской национальной библиотеки в СПб приведён и подзаголовок «Материалы изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Но ни в книге 1979 года, ни на библиографической карточке издания 1969 года не указан редактор сборника. Скорее всего, им был Ядов, но – возможно – им был кто-либо не из участников исследовательского коллектива.

В каталоге Российской национальной библиотеки в СПб отмечена небольшая книжка «Личность как объект и субъект социальных отношений (попытка построения диспозиционной концепции личности)». Она не указана Ядовым в работе 1979 года скорее всего потому, что на ней имеется гриф «Для служебного пользования». Автором этой книги является В. А. Ядов, но в карточке нет данных о том, какой институцией была издана эта книга.

В ходе интервью меня интересовал взгляд Ядова на отношение его советских коллег к диспозиционной теории. Согласно его ответу, в российских энциклопедиях и словарях по социологии и психологии диспозиционная концепция, как правило, присутствует. В многократно переиздаваемом учебном пособии по социальной психологии Г. Андреевой она изложена, по мнению Ядова, даже лучше, чем он это сделал бы сам. Отметил он наличие фрагментов его текстов в двух-трёх ридерах нового поколения. Назвал тех, кто продолжал разработку диспозиционного подхода: В. Чичилимова и В. Хмелько; заметил, что он сам с аспирантами работал в этом направлении. Говоря о зарубежных аналитиках, Ядов указал лишь Милтона Рокича.

Уже через несколько лет, во втором интервью с Ядовым, продолжая обсуждать с ним взгляды Бориса Андреевича Грушина на феноменологию общественного мнения, я попросил Ядова рассмотреть в чисто теоретическом плане возможности приложения выводов диспозиционного анализа к пониманию массового сознания. Ответ Ядова оказался столь обширным и многоплановым, что требует его детального рассмотрения.

Прежде всего, Ядов подчёркивал, что массовое сознание Грушин, в отличие от Ортега-и-Гассета, видел не как деиндивидуализированное, индокринированное тотальной пропагандой, но как восприятие многочисленными группами определённых событий, явлений и т. п., притом по-разному. Потому, по мнению Ядова, диспо-концепция вполне схватывает специфические особенности массового сознания социальных групп в его Грушинской трактовке. В электоральных опросах, считал Ядов, фиксируются различия в доминирующих ценностях и одновременно в диспозициях двух нижележащих уровней: отношение к некоторой типичной жизненной ситуации (например, выборам Президента) и к поведенческой готовности (намерен ли участвовать в голосовании). Обычно спрашивают: «Каковы Ваши общественно-политические ориентации (свободный рынок или рынок с участием государства)?» и «Если сегодня выборы, пойдёте голосовать (варианты действий)?»

Далее Ядов обращал внимание на проблемы, связанные с влиянием общесоциальных условий на диспо-регуляцию социального поведения людей и отмечал, что проверить характер, формы этого влияния можно с помощью методик, созданных ещё в 1970-х при разработке диспозиционной теории. И здесь же – печальное: «Можно ожидать, что любителей выполнять сложную работу сегодня окажется гораздо меньше, чем тех, кто захочет быстренько сплавить чертёж, сделанный по привычному шаблону».

По-видимому, находясь в «облаке» воспоминаний, Ядов отмечает, что в такой работе следует вычислять корреляционные графы по Л. Выханду, чтобы установить прямые и опосредованные взаимосвязи между тремя диспо-уровнями. Имеются серьёзные основания ожидать «отслаивания» высшего уровня с доминантой когний от нижележащих. Исследование такого типа гарантирует добротную кандидатскую защиту. Сегодня, замечу, корреляционные графы, предложенные в 1960-х эстонским биометриком Лео Выханду, скорее – знак времени, чем эффективный инструмент анализа сложных корреляционных структур.

Жанр историко-социологического, но не просто узко-биографического исследования жизни и творчества Ядова позволяет мне привести ещё один его текст о рождении диспозиционной концепции. Его название – «Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция» [Ядов 2015а], и его содержание во многом близко к рассмотренному выше, но есть в нём и новое. Во-первых, здесь есть ряд деталей, которых не было в версии, содержащейся в интервью. Во-вторых, он вводит читателя в «творческую лабораторию учёного», показывает, как зарождалась одна из известных теперь концепций «социологической психологии» (термин, предложенный И.С. Коном). И, конечно же, этот текст – абсолютно «Ядовский»: разговор об очень серьёзном, о том, что Ядов считал одним из важнейших своих достижений в науке, но без «нажима», без «бронзы» в голосе, с юмором. Безусловно, это не тот материал, что в утерянной папке (смотри выше письмо Ядова 4 мая 2010 г.), тем не менее, он крайне полезен. Электронное письмо от 23 мая 2010, к которому был приложен приводимый ниже текст, было весьма кратким: «Боря, сегодня от нечего делать, стал набрасывать “мемуар”. Он не закончен. Посмотри. Привет». Жаль, конечно, что больше таких «бездельных» дней у Владимира Александровича не оказалось, и текст остался незаконченным.

МЕМУАР О ТОМ, КАК РАЗРАБАТЫВАЛАСЬ ДИСПОЗИЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ⁶

Эту историю я описываю по памяти, т. к. никогда не относился серьёзно к архивам и больше того – выбрасывал разные записи в знак завершённой работы. А жаль. История с разработкой диспозиционной концепции саморегуляции социального поведения личности может быть интересной с точки зрения умственного процесса.

Когда мы начали в ИКСИ при Руткевиче проект «Ценностные ориентации», там действовало правило: если проект солидный, судя по замыслу и детальности разработки программы и полевых инструментов, то данное подразделение из статуса «группы изыскательского» проекта преобразуется в «отдел генерального проекта». Это означало финансирование полевых исследований и возможность пригласить на работу новых сотрудников. Мы же, находясь в Ленинградском филиале Института, испытывали все отсюда вытекающие трудности: ни машбюро, ни возможности договориться с коллегой и хотя бы временно попросить его лаборанта в качестве интервьюера.

Концепцию исследования разрабатывали, собираясь примерно через день-два после распределения на предыдущем семинаре «домашних заданий». Задания сводились к поиску нужной литературы. Я был руководителем сектора «изыскательского проекта», сменив в этой должности Игоря Кона. Игорь между тем непременно участвовал в наших посиделках. После очередного сообщения кого-либо из команды он как правило заключал: это известно и подвергается критике такими-то авторами. Мы распределяем новые задания на дом и, спустя время – аналогичный вердикт всё знающего Игоря Семеновича.

⁶ Текст этой статьи получен Б. З. Докторовым от В. А. Ядова 23 мая 2010 года; см. [Ядов 2015а].

Между тем, сидя в своём кабинете на улице Чайковского, где после выезда одной семьи в большой коммуналке мне досталась огромная комната с застеклённым эркером, я предавался размышлениям. Пытался как-то связать усвоенное из литературы. Что именно?

Милтон Рокич, парадокс Лапьера и попытки разрешить парадокс, как мы их называли, «аттитюдниками» (МакГайр и другие), Дмитрий Узнадзе и Владимир Николаевич Мясищев – основные источники. Всё это никак не связывалось меж собой.

Что следовало связать? Ценностные ориентации субъекта и его реальное поведение. Но не напрямую, так как общеизвестно, что, к примеру, стремящийся к правде подчас подвигает и обманывает, о соблюдении 10 заповедей и говорить не приходится: будь так, Ватикан в своё время не обогатил бы свои тайники золотом и драгоценностями за счёт индульгенций. Если работать с аттитудами, то методически неясно, как схватить предложенную [таким-то] трёхкомпонентную его структуру: когниции, эмоции и поведенческая установка.

С узнадзовской установкой не легче. Мы тесно общались с Шота Надирашвили, учеником Узнадзе и тогдашним директором Института психологии имени Узнадзе. Я не раз бывал в Тбилиси и помню застолье, в ходе которого Шота наглядно объяснил мне, что есть установка. Спрашиваю: объясни, наконец, какова роль осмысленного в установке? Он: «Ганцхоба (установка по-грузински) – это целое». Потом обращается к жене и просит принести ещё вина из подвала, «разное вино возьми, Мэри. А ты, Владимир, сделай вороночку из вот этого листа чистой бумаги, который я беру из пачки». Говорит сидящим за столом: друзья, пусть каждый из вас возьмет несколько капель в рог нашего ленинградского друга, хотя рог не настоящий. Он нас простит, потому что я предлагаю эксперимент. Когда мой «фунтик» наполнился, Надирашвили предложил откусить нижнюю часть и выпить содержимое. Потом встал в позу и задал вопрос: «Скажи, дорогой, можешь определить пропорции этих замечательных вин в своём бокале? Не можешь. Ганцхоба – это ганцхоба».

Между тем, Узнадзе, утверждая бессознательность установки, говорил, что она «объективируется» в случае, если установочное действие не приводит к ожидаемому результату. Ключ, например, не открывает замок: мы начинаем соображать, тот ли ключ, не засорился ли он или замок и т. д. Я соображаю, что установка чем-то сродни аттитуду. Чем? Эмоционального компонента нет (переживается не привычный акт открывания двери, но его бесполезность), а когниции оживают, ищем причину. Потом сознательное снова погружается в подсознание. Нет, ганцхоба нам в исследовании не помогает. Но что-то в теории Узнадзе есть, что надо дальше продумать. Узнадзе считает, что ганцхоба формируется на стыке некоторой жизненной потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть реализована.

И здесь меня что называется осенило: потребности-то разные, сиюминутные и многие иные. Почему не представить иерархию потребностей (например, как у А. Маслоу или иную), где каждому уровню потребности будет соответствовать адекватная её насыщению ситуация? Беру с книжной полки Геодакяна, который в то время был лидером просвещения наших умов по части системного анализа. Открытые системы, закрытые системы, иерархические системы... Ценностные ориентации – вершина системы Чего? Скажем, предрасположенности к поведению в разных ситуациях плюс для удовлетворения потребностей разного уровня. Остаётся продумать конструкцию диспозиционной иерархии, и научное открытие сделано!

Было часа два за полночь. Я разбудил Люку, захлебываясь от раздирающих чувств, изложил идею, и мы тяпнули из какой-то бутылки, что нашлась в доме.

Утром позвонил Лёше Семенову, нашему молодому сотруднику с полноценным образованием психолога. Лёша примчался не помню в какое время, но до завтрака. Первое, что он сказал: идея того стоит, но... Если система диспозиций иерархична, то

высшие уровни доминируют, а так ли это? В смысле эволюции это так, мозг человека и лягушки радикально отличны. И всё же вторая сигнальная система человека не всегда контролирует его подсознание. Мы вместе решили, что идею надо обсудить немедленно, а там видно будет.

В выше приведённом тексте нет указания на внешние обстоятельства, заставившие Ядова концентрированно размышлять над поисками серьёзной проблемы для нового исследования, там проект рождался на «пустом месте». Не было указания на внутреннюю готовность, вызванную обсуждениями на семинаре и «домашним заданием» И. С. Кона. А ведь с точки зрения теории научного творчества подобные побудители деятельности крайне важны для рождения новой, плодотворной идеи. Они-то и были побудителями похода Ядова на «чердак» с целью поиска необходимого. В интервью тоже был рассказ Ядова о добром застолье в гостеприимном доме Надирашвили, где он образно объяснил Ядову природу установки. Но этот сюжет был сам по себе, без привязки к рассказу об озарении Ядова. Я не думаю, что в момент написания этого текста Ядов помнил о том, что это живое обсуждение природы ганцхопы он освещал в интервью более пяти лет назад. Таким образом, мы имеем ценный для истории науки случай, когда изобретатель, открыватель чего-либо дважды описывает процесс рождения базовой идеи.

Вообще говоря, это не лучший вариант спрашивать родителей нескольких детей, кого из них они более любят, но автора ряда успешных, известных исследований всё же можно попросить высказаться о том, какой из проектов ему наиболее дорог. В интервью с Ядовым подобный вопрос – в той или иной формулировке – был потому уместен, что из нашей переписки я знал ответ. Мне хотелось, чтобы он стал, в какое-то время, публичным. Этой темой завершалось наше второе интервью, состоявшееся в преддверии 85-летия Владимира Александровича, потому приведу и вопрос, и ответ полностью: «Володя, что из сделанного тобой за многие годы научной и педагогической деятельности ты назвал бы самым главным? Как ты полагаешь, такого же мнения придерживается наше профессиональное сообщество или оно видит сделанное тобой иначе, с другой точки зрения?». Вот какого мнения он придерживался:

Я думаю, что собственно в науке главное – это диспозиционная концепция, а в плоскости педагогики – учебное пособие по методологии, методам и технике исследования. Тот факт, что последнее (восьмое) издание было в 2006 году под грифом «Университетский учебник» – тому свидетельство. (Главу о качественной методологии написала Виктория Семёнова.) Книга «Человек и его работа» была выполнена как учебное пособие, в котором мы шаг за шагом описываем ход исследования от формулировки проблемы (здесь надо отметить вклад Андрея Здравомыслова) до приёмов обработки данных (Галя Саганенко). Книгу мы полностью переписали после моего возвращения из Англии. В профессиональном сообществе «заслуги Ядова» оцениваются двояко. Мои сверстники (например, Г. Андреева, И. Кон, Н. Лапин, Ю. Левада, О. Шкаратан) особо ценили диспозиционную концепцию, а более молодые говорили, что осваивали профессию по двум названным выше работам.

Хочу ещё и ещё раз подчеркнуть, что многим обязан своим товарищам по исследовательским проектам, из питерской команды в первую очередь [Ядов 2014].

«ТОЧКИ СГУЩЕНИЯ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

В работе над этим разделом я прежде всего учитывал логику небольшой статьи Владимира Александровича Ядова «Вехи истории. 1988–2000» [Ядов 2008], в которой он в самом общем плане рассмотрел сделанное им на посту руководителя Института социологии РАН. Он говорил об организационной перестройке института, кадровых изменениях, создании Санкт-Петербургского филиала института и о теоретической реформации социологических исследований не только в рамках института, но в российской социологии в целом. Как и раньше, при рассмотрении обозначенных тем базовыми для меня являются материалы интервью с Ядовым и некоторые из его работ московского периода его жизни.

Но начну – с краткого описания цепочки событий в ленинградском Институте социально-экономических проблем РАН, итогом которых стал переезд Ядова в Москву.

НЕДОБРОЕ ПРОЩАНИЕ С ИСЭП АН СССР

С Ленинградом связаны важнейшие работы Ядова начала 1960-х – первой половины 1980-х: изучение отношения рабочих к труду, книга о методологии и методах социологического исследования и диспозиционная концепция личности; сначала – в ЛГУ, затем – в академических институтах: до 1975 года – в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, а затем – Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР. Так что разработка диспозиционной теории начиналась в одном институте, а итоговая книга вышла в другом. Можно предполагать, что через несколько лет после завершения этой работы Ядов предпринял бы какой-либо новый коллективный проект, скорее всего, в области отношения к труду. Эта тема явно лежала в русле генеральных направлений исследований ИСЭП, она продолжала интересовать Ядова; и к тому же годы, прошедшие после «Человека и его работы», и опыт анализа регуляции социального поведения позволяли ему предложить новые подходы к социально-психологическому анализу поведения различных социально-профессиональных образований. Движение в эту сторону было обозначено вышедшей в 1977 году под редакцией Ядова небольшой книжкой «Социально-психологический портрет инженера» [Социально-психологический портрет 1977].

Но стратегическая ориентация исследований ИСЭП и, в ещё большей степени, – моральная, нравственная атмосфера института складывались явно не в сторону продолжения Ядовских проектов. В ИСЭП я перешел одновременно со всеми сотрудниками ленинградских секторов ИКСИ, работал в социологическом отделе, руководимом Владимиром Александровичем, так что многое о происходившем тогда в этом институте мог бы рассказать сам. Но лучше приведу ответ Ядова на мой вопрос: «Несколько лет мы вместе проработали в ИСЭП АН СССР, ещё предстоит осмыслить тот период существования ленинградской/петербургской академической социологии. Может начнём?..». Прежде всего, Ядов дал характеристику возглавившему ИСЭП в 1979 году доктору экономических наук И.И. Сигову:

Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) – это в каком-то смысле дубль ИСИ при Руткевиче. Тот был «бульдозером», за рулём которого – отдел науки ЦК, а Ивглаф Иванович Сигов, директор ИСЭП, – точно такой же бульдозерист, только пониже рангом.

Сигова перебросили в наш институт с должности председателя комиссии партконтроля при ОК КПСС. Доктор по экономическим наукам, возможно, вполне заслуживший свою степень. Социологию терпел, потому что было указание сверху насчёт её полезности в социальном планировании. Ничего в ней не смыслил и главное – не желал что-то понять. Авторитарный тип личности. Коктейль: обком+гэбе – 70 процентов, марксистская политэкономическая закалка – 25 процентов, и тип личности – на остаток.

ИСЭП был создан на базе различных, в первую очередь академических институций, существовавших в Ленинграде, во главе этого очень непростого процесса стоял экономист и социолог Гелий Николаевич Черкасов, по определению Ядова, «наш человек» в идейно-нравственном отношении. По мнению Ядова, это был русский интеллигент высокой пробы, глубоко уважавший своё достоинство и равно – других, экстраверт (по психтестам не стоило и проверять) и, наконец, законченный «придурак» (Значение этого слова в Батыгинско-Ядовском понимании дано выше). Черкасов, продолжал Ядов, начал с того, что собирал начальников объединяемых институциональных структур у себя дома или у кого-либо из этой компании. Они обсуждали концепцию ИСЭП и т. п. Получалась сильная, инновационная программа. Во главе экономического, математического и социологического отделов были реальные лидеры в этих областях. Пошли семинары, люди стали притираться друг к другу. Но вскоре назначили Сигова. Продолжу цитировать Ядова:

Сиговщина началась с разработки общественно-полезной программы – ленинградского плана социального развития. Экономисты восприняли это нормально, математикам – всё едино, что считать, социологи – раскололись. Борис Парыгин возглавил одну фракцию, я – другую. В нашей были три сектора из четырёх: сектор Бориса Фирсова, Овсея Шкаратана и мой; три из четырёх, исключая парыгинский.

Перед глазами – заседание Учёного совета, на котором Сигов подбирает всех под Программу социального развития. А наш сектор – в самом разгаре полевых работ по проекту «саморегуляции» поведения человека. Парыгин (к тому времени Сигов меня снял с руководства отделом социологии и назначил Парыгина) ораторствует в поддержку. Я ору больше других из наших. Решение будет позже принято дирекцией.

Далее перехожу к сюжету, наличие которого в интервью мы специально обсуждали с Ядовым, мне он казался слишком «интимным», но Владимир Александрович убедил меня его оставить:

Не поверишь, какой поступок я совершил через пяток минут после заседания. Пришел к Парыгину и стал убеждать, чтобы наш сектор оставили в покое. Стоит как скала. Я психанул и говорю: «Боря, встаю на колени, не делай этого!». И, клянусь, встал на колени. Этот эпизод до сего дня сидит в памяти как позор. В отделении АН СССР, потом – РАН, уже в Москве я держался как святой Августин, пронзённый стрелами, а здесь...

В итоге мы коллегиально решили, кто будет от сектора изображать социальное планирование. Андрей Алексеев (нравственный лидер в команде) взялся сыграть заданный режиссером образ. Ему это было не так накладно, потому что болел за рабочий класс и имел свои исследовательские планы на этот счёт.

Позже, в письме Дмитрию Шалину, американскому социологу российского происхождения, ученику Кона и одно время – сотруднику Ядова, Владимир Александрович писал: «Дрянной человек Парыгин и отношения с ним останутся для меня предметом стыда за мягкотелость, неспособность резко порвать с нехорошим человеком» [Ядов 2010b].

В момент создания ИСЭП Андрей Николаевич Алексеев был избран секретарем партийного бюро, вскоре после прихода в институт Сигова он ушёл рабочим на один из заводов Ленинграда, где почти десять лет проводил своё исследование по разработанной им оригинальной схеме «участвующего наблюдения». Борис Дмитриевич Парыгин, учился на философском факультете ЛГУ в одни годы с Ядовым, доктор философских наук, ещё в начале 1970-х он предложил свою концепцию социальной психологии. По его книгам обучалось несколько поколений советских психологов. В моём понимании, деятельность Парыгина в ИСЭП имела серьёзные негативные последствия для развития Ленинградской социологии.

Теперь вернёмся к интервью с Ядовым:

Не так давно Игорь Кон передал мне подаренный ему в Питере роскошный гляцевый журнал “University Magazine”, издание Петербургского университета профсоюзов с фото Парыгина на обложке и фрагментом из интервью (слова интервьюера): «живого классика», «лидера международного ревизионизма».

Что он там наговорил, не вообразишь. «Классик», поскольку первым осмелился утверждать социальную психологию, «лидер ревизионизма» потому, что на инструктивной конференции ЦК по общественным наукам его упомянули рядом с чехословацкими протестантами. Дальше повествует, как он страдал от КГБ и парторганов. Множество фото; Парыгин с нобелевским лауреатом Жоресом Алфёровым, с Ядовым за столом президиума, с Галиной Старовойтовой. Понимает, что сегодня подать на публику.

Ещё тебе свидетельство Бориной научной славы. На рубеже 1970–1980-х он разработал методику измерения психологического климата в трудовом коллективе. Методика вызывала сомнения по части надёжности. Эта методика не имела никакого отношения ни к измерению психологического климата, ни к науке вообще.

Выше приводился фрагмент письма И. С. Кона о том, как он передал в лабораторию Ядова книгу Гуда и Хатта, с которой во многом началось освоение и Ядовым, и его сотрудниками современных методов социологии. Но в том же письме был ещё ответ Игоря Семёновича на мой вопрос, относящийся к середине 60-х годов, когда Б. Д. Парыгин завершал работу над своей докторской диссертацией по обоснованию статуса социальной психологии. Я ссылаясь на наш давний разговор с Коном, в котором он говорил о том, что он и Ядов помогали Парыгину в завершении его диссертации, и спрашивал: «Не пора ли поведать эту историю?». Эту часть письма Кона я лишь недавно впервые опубликовал:

Мне самому не хочется этим заниматься. Хотя к своему юбилею Парыгин опубликовал в журнале «Очень» комичную статью, где рассказывает, как его травили за то, что он был «лидером международного ревизионизма». У Ядова есть этот журнал, попросите его сканировать эту статью, это сказка. У меня нет секретарской помощи, поэтому сам я это сделать не могу.

Парыгину помогал не я, а только Володя, причём начиная с кандидатской. У него была тема «Ленин об общественных настроениях». Я лично ничего против него не имел, но, когда работа дошла до обсуждения на кафедре, я сказал, что монтировать концепцию из обрывков вырванных из контекста ленинских цитат нельзя. Его руководитель А. Г. Ковалев с этим согласился, и диссертация Парыгина повисла. После этого Ядов помог ему написать приличный текст, после чего Парыгин быстро пошёл в гору,

отплатив за это Ядову целой серией подлостей. Особенно после того, как Ядов взял его к себе в ИСЭП. Лично мне он ничего плохого не делал, просто не было возможностей. Попросите у Ядова этот его текст, честное слово, он уникален.

Сейчас уже не помню, как, но текст названного Коном интервью Парыгина отыскался [Интервью 2005]. Журналистское введение лишь обобщает сказанное Парыгиным о себе: «Борис Дмитриевич Парыгин – классик. Классики, как известно, существуют в форме книжных томов с тиснёными переплетами. Они сурово молчат в сумрачной тишине библиотек и укоризненно поблескивают золотом букв. Похоже, они не очень-то нам симпатизируют. Нам – осуетившимся и отпавшим от живительных родников их великих идей. Не таков Борис Дмитриевич. Он если и поблещкивает чем, так это иронией и интеллектом. Да не просто поблещкивает – блистает, несмотря на то, что скоро отметит семидесятипятилетие. Он принадлежит к совершенно особому разряду классиков – живым классикам. Эти – особенно редки. Встретить такого в своей жизни – большая удача».

Утверждаю, ни Ядов, ни Кон, ни их коллеги-друзья, внёсшие значительный вклад в развитие ряда социальных наук, никогда не давали своими интервью поводов к подобным журналистским заявлениям.

И всё-таки, в конце 1990-х Ядов говорил, что из ИСЭП он ушёл не из-за Парыгина; приведу его версию. Когда в институт пришёл Сигов, всё пошло по известной схеме позднебрежневского периода. В институте началась административная возня, партсобрания обсуждали идеологические вывихи. Б. Д. Парыгин оказался тараном обкома, более всех усердствовал в дискуссиях против всевозможных «ошибок». Ядов стал главной мишенью нападок, в конце концов его обвинили в «утрате документов для служебного пользования», а именно – критического доклада новосибирских социологов – ставшего позже известным как «Новосибирский манифест» – о состоянии нашей экономики, доклада Татьяны Заславской. Ядов не сдал препринт в 1-й отдел, а держал дома. Кому-то дал читать и забыл, кому именно. Далее – КГБ, отлучение от права пользоваться литературой «ДСП», угроза партийного выговора, а главное – притеснения всех сотрудников Ядовского сектора. В то время ушёл из сектора А. Н. Алексеев. Оставаясь на полставки, он работал на заводе «Полиграфмаш» и провёл опрос «Ожидаете ли вы перемен?». Сигов велел уволить Алексеева. Ядов возражал, но вынужден был уступить. Короче, всё складывалось скверно, и он перешел работать старшим научным сотрудником в Ленинградский филиал Института истории естествознания и техники к С.Р. Микулинскому; ему активно содействовал Владислав Жаннович Келле. Это был 1984 год, канун перестройки.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ В ЖИЗНИ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН

В 1988 году Ядов возглавил Институт социологии РАН, к сожалению, я не спросил его о том, какие академические и партийные структуры, наверное – точнее, кто именно был заинтересован в его переводе в Москву для руководства головным в отрасли институтом. Но в интервью, в котором Ядов рассказал мне о своей жене, я поинтересовался, как она отнеслась к его назначению на пост директора-организатора, которому предстояло принципиально изменить характер работы большого исследовательского коллектива, сформировавшегося за два десятилетия в Институте конкретных социальных исследований.

Ядов вспомнил, что предложение поступило летом 1988 года, когда он с женой жил на своём эстонском хуторе. Приехала на велосипеде жена их соседа-лесника с вытаращенными глазами и сказала, что через полчаса его требуют к телефону из ЦК. По телефону от соседа Ядов говорил с куратором социологического

направления из отдела науки ЦК КПСС Г.Г. Квасовым. В первом разговоре Ядов отказался, и получил сутки на размышления. За это время он осознал необходимость организации именно института социологии, а его жена увидела в этом предложении перспективу получения московской квартиры. Поэтому во втором разговоре Ядов дал согласие на переезд в Москву, но решительно отвергнул второе предложение – войти в состав ЦК КПРФ.

Замечу, по воспоминаниям Ядова, они жили четыре года на первом этаже академического дома для VIP-персон, и квартиру получили лишь под угрозой того, что на второй срок он избираться не будет и вернётся в Питер.

В целом всё происходившее в институте после того, как его возглавил Ядов, кратко, но зримо выразил Б. М. Фирсов, как выше показано, многие годы друживший с Ядовым и – по воле Ядова – создавший и несколько лет руководивший Санкт-Петербургским отделением Института социологии, который в настоящее время является самостоятельным Социологическим институтом РАН. По словам Фирсова: «Каждый день новой директорской жизни нёс на себе отпечатки его неукротимой творческой натуры. Поступки, которые он совершал, мысли, которые он выражал, для нас, людей из его окружения, были признаками его многообразных талантов, а для него, прежде всего, отстаиванием своих взглядов, как своего собственного "Я". В этом – весь Ядов» [Фирсов 2009b, с. 5].

Теперь в ряде сюжетов постараюсь показать разные стороны деятельности Ядова-директора, его полнейшую вовлечённость в жизнь Института. Но прежде всего – воспоминание Г. С. Батыгина о том, как Ядов осваивал рабочее пространство. «В моих хрониках, – писал Батыгин, – зафиксирован исторический эпизод: превращение сравнительно неплохого директорского кабинета в нечто вроде кафе; туда поставили дачные пластмассовые столики, а директор перебрался в каморку, около которой постоянно толчётся народ, ищущий справедливости. Он бы превратил весь институт в дискуссионное кафе. Но социальные законы берут своё» [Батыгин 2009, с. 556].

Одно из начинаний нового директора вошло в историю Института социологии как «Юрьев день». О том, как возникла идея – предоставить всем сотрудникам возможность работать по близким им темам и в кругу единомышленников, Ядов сам рассказал в 2011 году:

Вскоре после «смотрин» в кабинетах ЦК, куда меня водил вице-президент Академии В. Н. Кудрявцев, в Ленинград почтовой посылкой в коробке из-под сигарет мне прислали папки административных документов и научных отчётов подразделений ИСИ. Следовало продумать план перестройки Института социальных исследований в Институт социологии. Именно перестройки, т. е. реорганизации с минимальным травмированием штатных сотрудников [Ядов 2011].

Ядов ломал голову над решением этой задачи в течение десяти дней, ничего не получалось, и он пришёл к выводу о необходимости посоветоваться с человеком, знающим изнутри ситуацию в Институте. Лучшего консультанта Ядов увидел в Геннадии Семёновне Батыгине, которого считал своим товарищем и единомышленником. Приехав в Москву, где Ядова должны были представить народу в роли нового начальника, он позвонил Батыгину и попросил его приехать в гостиницу для серьёзного разговора. Он сразу отозвался на эту просьбу Ядова, и они несколько дней обдумывали стратегию и тактику реформирования института. В отношении стратегии никаких разногласий не было. Однако была тактическая проблема, получить поддержку партбюро, без которой ничего в институте сделать было невозможно. В то время секретарем партбюро был «человек Осипова», который – скорее всего – затормозил бы изменения в структуре и тематике Института. И здесь Батыгин предложил Ядову договориться с райкомом партии, чтобы они вернули в Институт

Александра Михайловича Демидова, который был командирован АН в райком на должность инструктора по работе с научными учреждениями. Всё получилось, Демидов был рад поработать с Ядовым, и поскольку Ядов был директором-организатором, т. е. «назначенцем», то секретаря партбюро можно было не выбирать, а назначить. Теперь – снова слова Ядова:

Не помню в подробностях, как шли дела директорства в первый месяц: слишком много сильных впечатлений, высвечиваются немногие. Мы продолжали вечерние посиделки всё в той же гостинице, ибо постоянное жильё куда было лишь обещано. Каким-то чудом меня осенило простое решение задачи, казавшейся неразрешимой, как проблема «гордиева узла» – развалить разом всю структуру организации к чёртовой бабушке, и пусть научные сотрудники самоорганизуются в исследовательские команды. Геннадий [БД: Батыгин] поначалу предлагал полностью расформировать институт, но в конечном счёте согласился. Однако, как человек, действующий рационально, он сказал, что мой план реализовать невозможно, поскольку потребуется разрешение президиума АН, а «старики» наверняка на это не пойдут.

Но Ядов всё же получил разрешение на подобную трансформацию Института от президента АН М. В. Келдыша, сказавшего: «Пробуйте, но шуму не надо». Всё рассказанное Ядов завершил словами: «Так что Геннадия Батыгина по справедливости следует считать со-организатором нашего института».

В 2014 году я проводил интервью с А. М. Демидовым, вот как он вспомнил рассмотренный сюжет: «... проработал я в Райкоме чуть меньше года. Обратное в Институт Социологии меня вернул В. А. Ядов, который был назначен в 1988 году директором. Произошло это так: когда Владимир Александрович приехал в Москву, он начал искать себе секретаря парткома, который мог его поддержать. Гена Батыгин посоветовал ему меня. Представляешь, каково было моё удивление, когда в мой кабинет в Райкоме вошёл сам Ядов. До этого мы были знакомы, но немного. Мы поговорили, и Владимир Александрович сразу предложил мне вернуться в Институт секретарём парткома. Я тоже сразу согласился. Должность секретаря парткома была не освобождённая, а я знал, что в Центре изучения общественного мнения, возглавляемого В. Бритвиным, Академией Наук выделены вакансии для создания сектора изучения общественного мнения москвичей. Ядов тут же предложил мне занять должность заведующего этим сектором. Так я пришёл в «общественное мнение». Самое интересное, что на общем собрании меня выбрали в партбюро, но в его составе оказалось больше сторонников Г. В. Осипова, которые «прокатали» мою кандидатуру на секретаря. Так я смог выйти на новый этап моей жизни и полностью посвятить себя изучению общественного мнения» [Демидов 2014, с. 4].

Но всё же Ядову удалось реализовать задуманное; о том, как всё проходило вспоминала сотрудница Института социологии РАН Татьяна Сергеевна Баранова. В какой-то момент, – начала она, – в наш институт [БД: тогда – Институт конкретных социальных исследований] приехал из Ленинграда Владимир Александрович Ядов, которого многие знали тогда лишь по его книгам и выступлениям на различных научных форумах. И для многих он стал олицетворением перемен. Много в стране менялось, ситуация была неопределённой, непонятно было, что будет с институтом, с социологией в целом. И вот тогда Ядов объявил «Юрьев день». До этого сотрудники были закреплены за секторами, за своими научными руководителями. Перейти в другой отдел было довольно сложно, а в период «Юрьева дня», продолжавшийся несколько месяцев, каждый сотрудник мог со своей ставкой перейти в тот проект, который был ему ближе и интересней. Список проектов был вывешен на доске объявлений, и к тому же каждый мог заявить свой проект, надо

было лишь «завербовать» в него какое-то количество человек. В конце концов было организовано много новых проектов, и Институт перешёл на проектную структуру, отказавшись от традиционных секторов и отделов [Баранова 2009, с. 207–208].

Интересную историю, относящуюся к началу директорства Ядова, вспомнила на рубеже 2009–2010 годов в нашем интервью доктор социологических наук Алла Евгеньевна Чирикова, на момент описываемой встречи с Ядовым – кандидат психологических наук, задумывавшийся о своей будущей работе [Чирикова 2010, с. 16].

Наш сектор работал достаточно обособленно от всех остальных сотрудников, но как-то к нам в комнату на 4 этаже пришёл В. А. Ядов, который стал тогда директором института социологии, сменив на этом посту В. Н. Иванова. Это было в конце 80-х. До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вёл себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену, и умеющий настоять на своём. Рациональность и эмоциональность в нём являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова я тогда была права – это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против работать рядом с таким талантливым человеком, который, к тому же, не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба.

Оставшись работать в институте, я стала ходить на общие конференции и семинары, где знакомилась с новыми для меня профессионалами. Читать литературу по социологии я стала несколько позднее, начав с Вебера и Бурдье. Потом мне стало интересно, о чём спорят социологи на своих заседаниях, и я с удовольствием стала знакомиться с работами В. Ядова по самоидентификации, диспозиционной структуре личности, методах исследования. Эти работы были мне ближе как психологу. Постепенно я втянулась в чтение социологических журналов, и мир социологов для меня стал расширяться. Со временем я начала чувствовать себя в нём более уверенно, однако и сегодня я не могу сказать определённо, что знаю социологию так же хорошо, как психологию.

«Юрьев день» – известное событие в истории ИС РАН; менее известен другой факт из жизни института, о котором в нашем интервью вспомнил Ядов; речь идёт о закрытии «закрытого отдела».

Это связано с началом моей работы в качестве директора-организатора Института социологии РАН. Знакомлюсь с сотрудниками из администрации. Начальник первого отдела, который отвечал за документы для служебного пользования, доверительно говорит, что временно отсиживается после работы в какой-то стране. Я договорился с начальством в Президиуме академии совместить первый отдел с отделом кадров, поскольку «ДСП» у нас мало. Должность сократили.

Дальше отправился в подразделения обсуждать их исследовательскую деятельность. В штатном расписании обнаруживаю закрытый отдел (около 30 человек), располагавшийся в другом здании, далеко от главного. Знакомлюсь с их работой. Заведующий отделом с социологией был знаком «шапочно», но сотрудники явно про-

фессиональны. Тематика – аудитория зарубежных радиостанций, настроения советских немцев... Напомню, что это время пика перестроечного энтузиазма. Иду к вице-президенту по социальным наукам, академику Владимиру Николаевичу Кудрявцеву. Он, будучи директором Института предупреждения преступности, основательно внедрял социологию в среду юристов, был членом Президиума ССА. Добрыми отношениями с ним я горжусь. Предлагаю Кудрявцеву ликвидировать отдел. Он, как знаток кремлевских игр, организует встречу с заместителем председателя КГБ Бобковым, который отвечал за работу по линии «инакомыслящих» (сегодня шеф охранной службы крупной компании). Предлагается коньяк. Чтобы подчеркнуть доверительность встречи, Бобков при мне отдаёт распоряжение грузинским товарищам отпустить арестованную в Тбилиси Новодворскую. И говорит мне: «Вы ведь знаете эту анархистку?». Может, читал перед приёмом моё досье, где, наверное, зафиксирована единственная встреча с Новодворской перед собранием нашего клуба «Перестройка».

Я вполне секу его показательные штучки и, улучив момент, говорю, что злополучный отдел надо ликвидировать и что «внедрённые» в него сотрудники Комитета мало профессиональны как социологи и к тому же недостаточно умны. Привожу факт: я отдал приказ о премировании, в котором было имя одного сотрудника из того отдела. Приказ вывешен на стенке. Иду в свой кабинет и вижу этого человека, ожидающего меня возле доски с приказами. Он говорит: «Владимир Александрович, не надо мне премию объявлять, я уже получил». Так как же расценивать ваших людей, если они в коридоре заявляют, что откомандированы в академический институт с Лубянки?

Бобков предлагает заключить официальный договор между институтом и ЦК КПСС о выполнении заданий ЦК и обещает убрать дураков. Не возражает против назначения заведующим отделом профессора Вилена Иванова, которого я сменил на посту директора. Дальше начинается волокита, приезжает гэбешник, и мы бесконечно согласовываем «договор с ЦК КПСС». Встречаюсь с Владимиром Николаевичем и рассказываю всё это, а в конце предлагаю отдать распоряжение о преобразовании отдела и покончить с его прежней деятельностью. В противном случае, говорю, Татьяна Ивановна [БД: Заславская], которую мы выбрали от академии и ССА на Всесоюзный съезд народных депутатов, заявит на съезде, что в социологическом институте Академии до сих пор существует подразделение, работающее по заданиям КГБ. Кудрявцев говорит – согласен, пишите предложение на моё имя. Отдел был преобразован с тематикой по анализу динамики общественного мнения, а при создании Института социально-политических проблем Геннадия Осипова отошёл в новый институт.

Думая о новой организации работы московских академических социологов, Ядов не забывал и о сложном положении, в котором оставались после его вынужденного ухода из ИСЭП АН СССР его ленинградские коллеги. Это было его личное решение – образовать в Ленинграде филиал создаваемого в Москве Института социологии. Выше приводились воспоминания Б. М. Фирсова о том, как он «притормозил» путь своего друга Ядова в науку, сделав его секретарем одного из городских райкомов комсомола, теперь Фирсов – о создании ленинградского филиала. Но сначала, чтобы нижеприводимый сюжет был понятнее, следует сказать немного о положении самого Фирсова в конце 1980-х годов. Как упоминалось выше, Ядову пришлось покинуть ИСЭП, поскольку его обвинили в утере доклада Т. И. Заславской, вскоре ставшего известным на Западе как «Новосибирский манифест». В чём-то схожая история, но в более жёстком варианте, была и с Фирсовым.

В начале 1970-х по решению Ленинградского обкома КПСС была создана небольшая группа социологов, которой было поручено обосновать и создать в городе систему изучения общественного мнения работающего населения. Она действовала непосредственно по заданию партийных органов, и почти с самого начала её деятельности я входил в её состав. Руководство группы было поручено Б. М. Фирсову, и фор-

мально мы входили в Ленинградские сектора ИКСИ, общее руководство которыми осуществлял Ядов. Вместе со всеми мы перешли в ИСЭП и стали сектором изучения общественного мнения и массовой коммуникации. Всё развивалось весьма успешно. Но – как это часто бывало – не только результаты опросов, но сам факт измерения общественного мнения обком КПСС держал в секрете даже от ЦК КПСС. Однако в конце 1983 года определённая часть данных попала в секретариат Андропова, это возмутило «хозяина» Ленинграда члена Политбюро ЦК КПСС Г. Романова, и грянул гром... Было проведено длительное разбирательство, персонами нон-грата были объявлены все сотрудники сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР во главе с Фирсовым, а в октябре 1984 года бюро Ленинградского обкома КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учётную карточку (хуже – лишь исключение из партии) и рекомендовало Дирекции ИСЭП уволить Фирсова из института.

Далее, как и в случае с Ядовым, Фирсов вынужден был отойти от изучения актуальных социальных проблем, он стал ведущим научным сотрудником в группе общих проблем в ленинградской части Института этнографии АН СССР. Трудно сказать, в каком направлении всё это развивалось, однако пришла перестройка. Далее обратимся к воспоминаниям Фирсова [Фирсов 2005, с. 17]:

Но тут наступил период общественной реабилитации и признания научных и человеческих заслуг В. Ядова. Он стал первым профессиональным социологом, допущенным к руководству головным социологическим институтом в системе Академии Наук СССР. В момент утверждения его в этой должности на заседании Президиума АН СССР Г. Марчук, тогдашний Президент Академии, задал Ядову дежурный вопрос: согласен ли Ядов принять на себя эту нелёгкую ношу и нет ли у него специфических пожеланий.

В советское время лица, утверждаемые на высокие посты, ждали этого вопроса. Это был момент, когда руководителей-небожителей можно было просить о чём-то необычном, разумеется, за счёт казны. Ядов отказался от выпрашивания сверхлимитных благ по случаю восшествия на социологический трон страны. Я, сказал он, приму назначение только в одном случае, а именно, если будет создан филиал Института социологии АН СССР в Ленинграде, где в заточении в стенах ИСЭП АН СССР томятся несколько десятков профессиональных социологов. Марчук вздрогнул, а затем сказал, что идею надо поддержать. <...> Обком дал безоговорочное согласие на создание нового института, согласился утвердить его директором-организатором «опального» Фирсова. Считанные недели заняла обычно многомесячная процедура сбора виз внутри отделов и управлений Президиума АН СССР.

ОТНОШЕНИЕ К МАРКСИЗМУ

На посту директора-организатора, а затем и избранного директора ИС РАН Ядову приходилось координировать множество проектов, осуществлявшихся сотрудниками института, участвовать во многих российских и международных форумах, наблюдать за становлением и развитием различных тенденций в мировой социологии и так далее. В поле его зрения находились многие предметные области, как те, в которых он работал ещё в Ленинграде: скажем, социология труда, проблемы образования, ценностные ориентации и другие, так и новые направления социологических исследований, возникшие в России в трансформационный период и позже, когда к руководству страной пришел В. Путин. В частности, Ядов занимал одно из ключевых положений в выработке программы ежегодного международного симпо-

зиума «Пути России», который на протяжении многих лет проводился Московской высшей школой социальных и экономических наук и междисциплинарным академическим центром социальных наук «Интерцентр».

В те же годы Ядов начинает активно заниматься теорией социологии. Во-первых, он ощущал необходимость принципиального обогащения своих знаний в этой сфере социологии. Ибо прежде, как он отмечал в названной выше статье «Вехи истории. 1988–2000», «собственно теоретическая социология не входила в круг моих интересов». Во-вторых, перед Ядовым, как директором головного Института, стояла задача определения, уточнения перспектив многих исследовательских подходов, направлений в российской социологической науке.

Отчасти всё это нашло отражение в его концепции полипарадигмальности современной российской теоретической социологии. Но прежде, чем перейти к анализу данной темы, остановимся на рассмотрении отношения Ядова и нескольких других известных социологов первого поколения к марксизму.

Так получилось, что в процессе первого интервью с Владимиром Александровичем, напомним, это была первая половина 2005 года, тема полипарадигмальности нами не обсуждалась. К тому моменту я прожил в Америке десять лет, из которых первые пять лет вообще не имел возможности следить за развитием социологии в России, а вторые не были связаны с изучением прошлого и текущего состояния российской социологии. Таким образом, я в принципе не мог начать спрашивать Ядова о его работах по теории социологии (а он этой темы не касался в своих ответах), но поинтересовался, не чувствовали ли социологи первого поколения себя скованными, работая исключительно в рамках марксизма. Сегодня ответ Ядова, конечно же, представляется крайне важным для понимания смены его, и всей когорты тогда молодых социологов, философско-теоретических взглядов [Ядов 2005а, с. 8–9]:

Какая, Боря, скованность? Мы и были марксистами, только такими, что потом нас называли шестидесятниками. Важно заметить, что в тот период марксизм как-то уютно совмещался с парсонсианским позитивизмом. «Бульдозер» (как его называл Грушин) М. Руткевич, директор ИКСИ, писал о «социальных перемещениях» (читай – мобильности) и прочее. Он же опубликовал сборник Андрея Здравомыслова с его предисловием и переводами Парсонса. Почему так? Парсонс отлично отвечал интересам брежневских прагматиков: стабильность системы.

Я определённо был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причём Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером. Оба анализировали именно капиталистическое общество, оба пользовались понятием «класс». Однако Маркс и Энгельс придавали своей классовой теории идеологическое значение, видели в ней теоретическое основание грядущей мировой революции, а Вебер, напротив, утверждал ценностную нейтральность социолога. Маркс поляризировал труд и капитал. Вебер фокусировал внимание на множественности неравенств на рынке труда и капиталов, использовал понятие социального ресурса, что у Бурдьё преобразовалось в социальный капитал.

Маркс – величайший мыслитель. Он прописан во всех западных учебных пособиях по социологии. Одна идея об отчуждении личности наёмного работника (пролетария) стоит ничуть не меньше концепции социального действия Вебера. Не надо забывать, что Маркс намеревался совместить свой эконом-детерминистский подход с культур-детерминистским. Он набросал план четвёртого тома «Капитала», где использовал понятие «азиатский способ производства». Азиатский способ тем отличается от европейского, что государство доминирует в экономике, рынок регулируется, не свободен.

Спустя столетие экономисты Поланьи, Норт и другие «открыли», что социальные (социо-институциональные) факторы вдвое (Норт подсчитал) доминируют над собственно экономическими: национальный доход, темпы роста, уровень инфляции, собираемость налогов, открытость внешней торговли и др. Поланьи предложил концепцию институциональных матриц восточной и западной культур. Восточная – иерархическая (государство лидирует, гражданское общество – периферия), западная – горизонтальная, имеет место договор между обществом и государством. По сути, нынешние неoinституционалисты подпитываются интеллектом Маркса. Вебер оставил нам в наследство «протестантскую этику» – запал капитализма, а его согражданин извлёк из истории человечества нечто большее.

Отношение к марксизму у нас сегодня разное, как и вообще ко всему, что связано с недавним прошлым. Расскажу тебе об одном «знаковом» событии. Научный семинар по случаю основания Горбачёвского фонда. Александр [БД: Николаевич] Яковлев, его исполнительный директор, выступает с длинным докладом на тему: что из социальной теории XIX века войдёт в будущее столетие? Не меньше трети времени, как говорила моя трёхлетняя внучка, «выругивает» Маркса. Вопросы. Лёня Гордон встаёт с места первым и говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарём ЦК по идеологии. Что вы всё-таки находите ценного у Маркса?». Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда я рассказал эту историю Шляпентоху, он со своей искромётностью среагировал: «Вот тебе пример “кассетного мышления” – одну кассету вынул, другую вставил».

Тогда, замечание Ядова о том, что он много пишет о полипарадигмальности современной социологической теории, было для меня лишь указанием на необходимость найти его работы и прочесть их, но я не решился расспросить его, в чём он видит смысл этой работы и в силу каких обстоятельств он подошёл к разработке этой темы. Скорее всего, уже через несколько лет я не задал бы Ядову следующий вопрос, ибо я уже в общих чертах знал, что в российской социологии нет единства в философском бэкграунде предлагаемых интерпретаций исследуемых социальных процессов, но сегодня ответ Ядова ценен с историко-социологической точки зрения. В нём зафиксировано его понимание теоретического многоцветия в российской социологии в начале текущего столетия. Итак, приведу мой вопрос «Какова философская база современной российской социологии?» и ответ Ядова [Ядов 2005а, с. 9]:

Общепринятой базы нет. Михаил Николаевич Руткевич, которого я уважаю за преданность принципам, написал статью в СОЦИС о Ядове как «флюгере». Он имел в виду мои публикации относительно полипарадигмальности современной теоретической социологии. Нынче это общепринятая формула; сегодня у нас, как в Греции, есть всё. Есть марксисты-фундаменталисты, марксисты с «организмическим» уклоном (совмещение Дюркгейма и др. с марксизмом и ...тоской по советской системе), неомарксисты активистского толка. Лидер этого направления Борис Кагарлицкий, кстати, читает курс в нашем институте. Нет и веберовцев «чистой воды». Юрий Давыдов пишет о России «в свете веберовского различения двух видов капитализма». Он извлёк из Вебера идею спекулятивного капитализма, в отличие от продуктивного, и приложил её к политике первого президента, а сегодня – и к Путину. Наш российский рынок спекулятивный. Магнаты извлекают прибыль из торговли природными богатствами и игры на валютной бирже. При Ельцине были так называемые, уполномоченные правительством банки, которые оперировали с бюджетными средствами, при Путине таковые заменены тендером конкурентов, где победитель назначен. Давыдов ссылается на Вебера, который писал о практике римских императоров брать займы на очередной военный поход у тогдашних ростовщиков и возвращать кредит из награбленного и продажи рабов.

В нашей сегодняшней социологии предостаточно парсонсианцев, которые утверждают логику социокультурных систем (они же в каком-то смысле питиримсорокинцы, так как он раньше Парсонса эту парадигму предложил). Бурдьевисты из поколения около сорокалетних просто одолевают, постмодернистов не очень много, но ихний вокабуляр освоили. Пару лет назад на конференции «Куда идёт Россия?» у Заславской – Шанина Лена Здравомыслова на пленарке говорит примерно следующее: «...дискурс между народом и властью...». Я вскакиваю: «Лена, как можно говорить таким языком?». Понятийный словарь социологии должен всё же соответствовать объекту анализа. «Дискурс» в данном случае – это то же, что разговор в пивной. Нетерпимость к иной позиции и стремление навязать свою. Подлинный дискурс подразумевает взаимное уважение сторон без обязательного итогового согласия.

Не думаю, что в столь коротком тексте Ядов дал полную картину многообразия теоретических платформ российской социологии, существовавших в начале века. Вместе с тем, можно допустить, что основные элементы полипарадигмального каркаса того периода им были обозначены.

Начав обсуждать с Ядовым его отношение к марксизму в прошлом и настоящем, я продолжил изучение отношения к марксизму в других интервью с представителями первого поколения советских социологов. И полагаю естественным кратко представить некоторые фрагменты этого поиска. В некоторых случаях я специально касался темы полипарадигмальности, в некоторых – она сама всплывала в ответах моих собеседников.

В беседе с А. Г. Здравомысловым я напомнил ему о дискуссии рубежа 1950–1960-х годов о соотношении исторического материализма и социологии и узнал его мнение относительно существования в российской социологии предпосылок для возобновления подобной дискуссии. Его ответ был однозначным, необходимости в новом обсуждении всего этого комплекса вопросов нет, ибо тогда ссылка на марксизм была решающим аргументом процесса обоснования задуманного исследования. Перестройка сняла запреты на социологические исследования, хотя, заметил Здравомыслов, негласно, но весьма активно формируется комплекс архаических идей, оказывающих некоторое влияние и на характер преподавания социологии в ряде вузов. При этом, по признанию Здравомыслова, в то время (это было на рубеже 2005–2006 годов) «В научном мышлении и в методологии исследований утвердилась идея плюрализма. Даже само понятие социологии сейчас трактуется по-разному. Можно сходу дать два десятка определений, каждое из которых будет верным» [Здравомыслов 2006, с. 8].

После этого было естественным поинтересоваться тем, как Андрей Григорьевич относился к тому, что часть российских социологов отказывалась от марксизма и пыталась противопоставить ему иные философские концепции. Прежде всего Здравомыслов привёл обширную цитату из Предисловия Г. С. Батыгина к изданной под его редакцией книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», суть которой сводится к утверждению о том, что огромный объяснительный потенциал марксизма породил, в частности, большое число его авторских «версий». И это факт объясняет, почему советский марксизм стал не столько доктриной, сколько эзотерическим кодом, имеющим множество интерпретаций. Причём этот код мог легко трансформироваться в альтернативные марксизму идеи.

После этого Здравомыслов, согласившись с моим утверждением-гипотезой об отношении ряда социологов к марксизму, заметил, что в некоторых российских вузах марксизм относится к комплексу понятий, вызывающих страх до дрожи в коленках, и указал на появление «идеологических борцов» с марксизмом, которые всех перепугали. Достигается такой эффект созданием букета страшных слов

и понятий: большевизм, ГУЛАГ, КПСС, русская интеллигенция, революция, гражданская война. Но всё же, надеялся Здравомыслов, главные страхи необратимо ушли в прошлое, так как «Маркс создал каркас социологического знания, который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять много».

На мою просьбу рассказать о своём марксизме, Здравомыслов ответил [Здравомыслов 2006, с. 9]:

Я социолог, опирающийся на Маркса, Парсонса, Вебера, Мертона, Дарендорфа, знакомый с идеями феноменологической социологии, символического интеракционизма и драматургической социологии. С Парсонсом были дружеские отношения, пока не «похолодало» на международной арене. С Мертоном встречался три раза. Всех этих мыслителей очень уважаю и знаю, за что именно я их ценю. Всё-таки одна из главных моих книг 1990-х годов – «Социология конфликта».

В общем, я согласен с Дарендорфом в оценке взглядов Маркса. Это была социология XIX века – социология эпохи противостояния классов в Европе. А после первой мировой войны общество (европейское) стало изменяться так, что тот аппарат понимания, который был создан Марксом и который имел очень большое практическое применение прежде всего в России – в качестве ленинизма, – уже не мог работать в масштабе европейской истории. Политика Рузвельта, обеспечившая выход из Великой депрессии в США, стала практическим доказательством возможности сотрудничества классов. В США и Европе были созданы институты регулирования классовых и иных конфликтов, которые имели практическое значение. В том числе и институт изучения общественного мнения, которым ты занимаешься.

А в Германии марксизм потерпел поражение в столкновении с открытым животным национализмом.

В целом, мне кажется, что в начале века и Здравомыслов в вопросе об основе теоретической социологии фактически придерживался позиции полипарадигмальности, близкой к Ядовскому пониманию. Несколько отличную точку зрения высказал в нашем интервью Николай Иванович Лапин. По его мнению, с утверждением идеологического плюрализма в российском обществоведении, прежде моноидеологичном, стало естественным принимать или не принимать те или иные учения, в том числе марксизм. Теперь это стало вопросом личного выбора каждого обществоведа. Говоря о себе, Лапин заметил, что он никогда не утрачивал интереса к методологии Маркса – молодого, зрелого и позднего и при необходимости возвращается к его произведениям: не столько для цитирования, сколько для самопроверки.

Через год после завершения беседы с Ядовым я решил провести интервью с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом, который к тому времени уже четверть века жил в США. Он многие годы работал в СССР, принадлежит к первому поколению социологов, после перестройки он стал часто приезжать в Россию, встречался с ведущими российскими социологами, и, как я понимал, мог рассказать многое и о собственном пути в социологию, и о развитии нашей науки. Конечно же я держал в памяти замечание Ядова о термине Шляпентоха «кассетное мышление». Но так получилось, что мне не потребовалось спрашивать его об отношении к марксизму и о «кассетном мышлении». Он сам подошёл к этой теме, развивая ответ на мой вопрос о сходстве идеологических установок, понимании политики страны, философии социологов-«шестидесятников».

Его интерпретация этого вопроса вылилась в ответ, крайне интересный для истории советской социологии, приведу полностью первую часть сказанного им [Шляпентох 2006, с. 20]:

Это очень интересный, но и трудный вопрос. В 60-ые годы было почти полное единство среди первых социологов. С одной стороны, они сами не выходили за рамки основных марксистских постулатов. Грушин, например, бравировал (чем меня этим при первом знакомстве в середине 60-ых чрезмерно удивил), что он убеждённый марксист. С другой стороны, вера в важность либерализации общества была принята ими всеми как идеология, обосновавшая необходимость социологии и *raison d'être* [БД: смысл] нашего существования. Официальный курс оттепели, который пережил Хрущёва до 1968 года, а в социологии частично даже до 1971 (ведь институт социологии был создан официально в 1968 году и просуществовал с Румянцевым как директором до 1971), делал всех нас лояльными режиму. Геннадий Осипов, чьи заслуги в создании социологии в начале 60-ых годов огромны, выглядел вполне как «свой парень». Он был тогда действительно вдохновлён, как никто другой, созданием эмпирической социологии и радовался каждому успеху в этом деле. Это он, например, добился того, что Румянцев подписал предисловие к моему сборнику «Социологии печати». Вера в то, что создание социологии – великое дело, объединяло не только высший комсостав социологии, но и рядовых бойцов и офицеров. Действительно, когда я приехал в Москву в 1969, я застал фантастическую картину в новом институте. Институт был переполнен «леваками», имевшими очень отдалённое отношение к социологии, были даже подписанты. Среди ярких либеральных звёзд был журналист Лев Анненков и экономист Геннадий Лисичкин. Был Лен Карпинский, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, у которого за плечами было несколько выдающихся поступков, включая выступление против волны сталинизма в «Известиях», где он работал после изгнания из «Правды» за статью (совместно с Бурлацким) против цензуры. Был там [БД: Борис Сергеевич] Орлов из тех же «Известий», уволенный за отказ писать репортажи из Праги о вторжении советских войск.

В 90-е годы, по выражению Шляпентоха, в сознании российских социологов произошла «замена кассет». Маркс и социалистические идеи начали срочно покидать публикации большого числа социологов и заменяться модными западными авторами типа Бурдье, многие из которых вели свою родословную именно от Маркса. В начале 90-х на юбилее Здравомыслова в Москве Шляпентох выступил с небольшим докладом, в котором пытался опозорить московских либералов в их возникшей ненависти к социальному равенству, доказывая, что в своей прыти отмежеваться от марксизма и социалистических идеалов они выглядят на Западе троглодитами. В вспыхнувшей затем небольшой перепалке Галина Михайловна Андреева спросила Шляпентоха: «Владимир Эммануилович, верите ли Вы в то, что человек может искренно менять свои убеждения?». Он ответил, что, конечно, может, но при условии, что изменения взглядов не приносят ему выгоду, не помогают ему делать карьеру. И он добавил, что эволюция взглядов Сахарова и Горбачёва ему кажется вполне достойной, а вот превращение Александра [БД: Николаевича] Яковлева, бывшего и. о. отдела пропаганды и агитации ЦК, в агрессивного хулителя Маркса, равно как и генерала Д. А. Волкогонова, зам. начальника Главупра по пропаганде в армии, в активного демократа абсолютно позорны.

Затем Шляпентох остановился на своём отношении к марксизму. Он заметил, что в то время как многие российские либералы отмежёвывались от Маркса, его эволюция в Америке была противоположной. Он понял, что его юношеский экстремизм в студенческие годы в Киевском университете (1947–1949), который заставил его на протяжении многих лет видеть в Марксе только неудачного пророка новой религии, был глубоко неправильным. Он разглядел в Марксе не только утописта, но и выдающегося мыслителя, в качестве социолога он оказался «живее всех живых». По числу концепций, «работающих» в наше время в социологии, полагал Шляпентох, ему нет равных, даже в сравнении с иконами современной социологии:

Дюркгеймом, Вебером или Парсонсом. И в завершение Шляпентох вспомнил такой случай: «Недавно я прочитал для аспирантов-социологов лекцию о Марксе и сам оказался под впечатлением мощи его беспощадного интеллекта, со всеми его ошибками и просчётами. Среди других идей, которые я толкал, была и демонстрация превосходства марксистского анализа социальных процессов, со всеми его ограничениями, над “убогостью” (любимое слово Маркса и Ленина) постмодернизма, при наличии некоторых положительных элементов в нём».

Выше говорилось об одном из соучеников Ядова Василии Яковлевиче Ельмееве. На протяжении всей его долгой научной жизни он считал себя истинным сторонником марксизма, потому мне показалось важным затронуть эту тему в нашей беседе. Мой первый вопрос касался положения марксизма в российской социологии и специфики российского марксизма. По мнению Ельмеева, интервью проходило в 2007 году, марксизм в России в институциональном отношении находился в худшем положении, чем где-либо в мире. В учебниках по истории западной социологии К. Маркса ещё относили к классикам, но в официальной современной российской социологии не было ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, не говоря уже о Сталине. Однако, тот факт, что теоретически марксизм не был преодолен ни одной из современных социологических теорий, позволял Ельмееву надеяться не только на его сохранение, но и на его развитие в диспутах.

Второй вопрос к Ельмееву имеет прямое отношение к исследованиям Ядова, поэтому приведу и вопрос, и ответ полностью: «Знакомы ли Вы с недавно выпущенной в Петербурге книгой Ядова “Современная теоретическая социология”, в которой он, высоко оценивая марксизм, вместе с тем отмечает, что происходящие в стране процессы могут быть успешно рассмотрены лишь в рамках мультипарадигмальной социологии. Что Вы думаете по этому поводу?» [Ельмеев 2007, с. 8]:

С изданным недавно курсом лекций В. А. Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» (СПб, 2006) ознакомиться удалось. Я знал его позицию, согласен с Вами по поводу его высокой оценки марксизма как одной из парадигм в социологии, хотя в рекомендуемой в лекциях литературе нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Если же не придерживаться марксизма, то надо сделаться приверженцем или продолжателем другого учения, если нет разработанной собственной парадигмы и собственной социологической концепции. Теоретической социологической парадигмы, которая бы превзошла марксизм, я пока не вижу или её просто нет. Полагаю, что понять современный капитализм в России невозможно, если не опираться на «Капитал» К. Маркса. Плюрализм в этих вопросах считаю умноженным дуализмом, причём в наихудших его формах – зеноновской дихотомии или кантовских антиномий.

И завершу этот параграф мнением Ядова о перспективах марксизма в России [Ядов 2005а, с. 10–11]:

Скажу так. Ральф Дарендорф в период начала посткоммунистических трансформаций писал о пост-состоянии, что в нём противостоят две тенденции: публичное отвержение прошлого и его вползание во все поры «постобщества». Ельцин после того, как слез с танка, но ещё не «работал с документами» так часто, как в конце своего президентства, произнёс известную фразу, обращённую к руководству республик: «Берите власти столько, сколько сможете удержать». Точно по формуле Дарендорфа. Если в СССР общие интересы (будь-то школьный класс или всё общество) декларировались как важнейшие, а частные – как им подчинённые, то Ельцин провозгласил нечто прямо противоположное. Теперь Путин восстанавливает первенство общенациональных интересов, как принято на Руси, перегибая палку. Ильич любил повторять фразу Плеханова: «Чтобы выправить линию, надо перегнуть палку в другую сторону». С марксизмом то же самое. Публично мало кто именует себя марксистом, хотя и таких хватает. Институт

экономики [БД: Леонида Ивановича] Абалкина – твёрдые марксисты, которые этим гордятся. Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах.

Возьмём Марксову концепцию рабочего класса. Российские наёмные работники физического или иного труда – типичный класс эксплуатируемых. Но это «класс в себе», он не осознаёт своего положения, и потому нет солидаризации, рабочие не стали реальным субъектом социальных процессов, не созрели до состояния «класса для себя». В странах Евросоюза картина противоположная и наёмные работники и работодатели чётко сознают несходство интересов. Действуют, однако, не по «Коммунистическому манифесту», но следуют идеологии партнёрства. В Конституции ФРГ говорится, что Германия является «демократическим и социальным государством». Отсюда – законы о труде, диктующие процедуры переговорного процесса между профсоюзами и хозяевами предприятий.

Мне посчастливилось присутствовать на таких переговорах. Мой друг социолог социал-демократ Вернер Фрике [БД: Fricke, Werner] из Фонда Эберта организовал приглашение на заседания сторон IG Farbenindustri, мощной сталелитейной компании. Большой зал. За длинным столом друг против друга элегантные господа. Плакат на одной стене – «Союз предпринимателей IG», на противоположной – «Профсоюз IG». За круглым столиком в стороне такие же элегантные Herren и флажок в центре – Министерство труда. Называется трипартизм. Профсоюзники в лице профессиональных экономистов демонстрируют на экране график заметного увеличения прибылей компании в минувшем году и требуют увеличения тарифных ставок. Другая сторона спрашивает: кто выступал на улицах за воссоединение Германии? Предприниматели или рабочие? Вы отлично знаете, что бюджет предполагает отчисления по статье помощи восточным землям. Как можно повысить разрядные тарифы? На третий день, как сообщил Фрике, пришли к согласию о каких-то пропорциях в пользу сторон. По федеральному Закону в случае нарушения «Генерального соглашения» хозяевами работники имеют право на забастовку с компенсаций нерабочих дней.

Скажи, можешь себе представить подобное собрание в московском особняке? Ответ знаю. Сегодня – нет, но уверен, что послезавтра – да. Россия является членом Международной организации труда (МОТ). Решения последней носят рекомендательный характер. Но рано или поздно наше правительство вынуждено будет следовать конвенциям МОТ. Великая держава не может вести себя как африканское государство с президентом-людоедом Бокассо. Сегодня российский капитализм варварский. Например, в приличных странах узаконен процент от прибылей, часть, которую должно тратить на повышение зарплат. Академик [БД: Дмитрий Семенович] Львов пишет, что «у них» зарплатная доля составляет около 70 процентов, у нас – около 30 процентов! Причём никакими законами это не регламентировано. На одной конференции выступающий пересказал разговор со своим приятелем, ныне хозяином процветающей индустриальной фирмы. Я, говорю, спрашиваю: сколько платишь работягам? Тот: чуть больше, чем другие в нашей отрасли, чтобы не переманивали к себе. – А повысить ставки можешь? – Могу, но зачем?

Когда у нас «устаканится», классовая теория Маркса будет объективно востребована.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД: «ЮРЬЕВ ДЕНЬ» В ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Повторю, мне не пришлось непосредственно с Ядовым обсуждать его движение в сторону полипарадигмального подхода и то, в силу каких обстоятельств, по его мнению, он стал разрабатывать эту концепцию, но в рамках историко-биогра-

фического исследования такая тема представляется крайне важной. Поэтому здесь приходится «косвенно» восстанавливать этот путь, в опоре на опубликованное им по этой тематике и на комментарии российских авторов по поводу его теоретических построений.

Прежде всего, следует заметить, что марксизм шестидесятников, тем более – в последние десятилетия прошлого века не был ортодоксальным, в их марксизме присутствовали элементы многих социологических парадигм. Это читается в приводившихся выше словах Ядова, Здравомыслова, Шляпентоха, просматривается и в ответах Лапина. Также можно обратиться к некоторым работам по критике буржуазной социологии Г. М. Андреевой, Ю. А. Замошкина, И. С. Кона и ряда других философов этого поколения, их книги, статьи давали понять внимательному читателю возможность обогащения истмата за счёт включения в марксистскую философию положений Вебера, Парсонса, современных учёных. Но сейчас я обращусь к интервью с Варленом Викторовичем Колбановским, философом и социологом первого поколения, многие годы исследовавшим вопросы теории марксистской социологии. Это именно он своей статьёй почти шестидесятилетней давности «О предмете марксистской социологии» («Вопросы философии», 1958, □ 8) начал дискуссию о самостоятельности социологии как науки. Напомню, что признание социологии как особой научной дисциплины произошло лишь в перестроечные годы.

Начиная интервью, я знал, что Колбановский не просто москвич, но – принадлежавший к «Арбатскому братству»; вот его слова: «Мы, наша школа, были детьми Арбата. Не случайно так называется книга ученика нашей школы, писателя Анатолия Рыбакова. Один из лучших, а, может быть, и самый лучший поэт нашего поколения Булат Окуджава писал: «Арбатство, растворённое в крови, неистребимо, как сама природа». Поэтому я знал, что беседа с ним будет интересной и фактологически крайне насыщенной. Но сейчас я приведу лишь некоторые фрагменты его обстоятельного рассказа о том, как у него возникла идея написания статьи о предмете марксистской социологии. Безусловно, было бы абсурдно, исторически-ограниченно объяснять появление обсуждаемой ниже статьи Колбановского лишь его «Арбатскими корнями», но не принимать во внимание это обстоятельство тоже нельзя. Вспомним приведённые выше слова А. Здравомыслова: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Пителим Сорокин...».

Конечно, ниже – рассказ не о возникновении полипарадигмальной социологии, но о том, почему она не могла возникнуть в СССР в первые постсталинские годы. Вот как это было сформулировано Колбановским [Колбановский 2014, с. 10–11]:

Всего десять лет назад (на философской дискуссии в ЦК ВКП(б) 1947 г.) прозвучал тезис об «отпочковывании» конкретных наук от философии – процессе, прогрессивном как для конкретных наук, так и для самой философии: озвучил этот тезис «главный идеолог» А. А. Жданов, но его подлинным автором был академик Б. М. Кедров, который и разрабатывал потом эту позитивную идею в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Вопрос об «отпочковывании» социологии от философии в СССР стоял особенно сложно. «Легитимными» в период 50-х гг. были понятия буржуазная социология (как ненаучная и сервильная империализму) и марксизм (= «исторический материализм») как единственно научная социология. Это повелось ещё с первой работы В. И. Ленина в полемике с Михайловским («Что такое друзья народа» и т. д.), было продолжено Н. И. Бухариным в 20-е гг., философами ИКП в начале 30-х гг. и канонизировано Сталиным в «Кратком курсе». Таким образом этому установившемуся «легитимному порядку» (коренившемуся в глубоко иррациональном понимании марксизма как непререкаемой «светской религии») надо было противопоставить некоторую другую – более гибкую

и лабильную систему взглядов, которая бы рассматривала советскую социологию не как общефилософскую, а как конкретную общественную науку с собственным теоретико-понятийным аппаратом и методико-эмпирической базой. Как это можно было сделать в условиях поздней (послесталинской) идеократии?

Никакие лобовые атаки, никакие «полипарадигмальные подходы» были в этот период абсолютно невозможны. В ЦК КПСС, в его отделах науки, агитпропе, идеологическом отделе сидели бесконечно бдительные социальные цензоры, охранители и попросту «стукачи», которые особенно были натасканы на философскую и социологическую «ересь» супротив марксизма. Более того. Ортодоксальный истмат переживает в 50-х гг. эпоху своего высшего расцвета и торжества. <...> В этих условиях работа по отпочковыванию социологии от философии могла происходить только на почве истмата, в категориях истмата и в форме защиты, углубления и развития самого истмата. Необходимо было найти *modus vivendi* – форму сосуществования истмата и социологии. Поиски этой формы прошли несколько этапов, но дискуссия в «Вопросах философии» 1957–1958 гг. фактически была первым этапом.

По мнению Колбановского, статья Юргена Кучинского «Социологические законы» («Вопросы философии», 1957, № 5) давала основания для новой, более гибкой легитимации социологии, хотя оперировала она совершенно ортодоксальными марксистскими категориями и чисто формально была направлена на «дальнейшее совершенствование» и упорядочение этих категорий. Ю. Кучинский – социолог и экономист из ГДР, автор большого цикла работ о положении рабочего класса в Англии и других странах Западной Европы. Он был социологом традиционного марксистского направления, но постоянно анализировал огромный экономический и статистический материал. Ряд его книг были переведены и опубликованы в СССР в 50-е гг., и его политическая и научная репутация не вызывала особых опасений ортодоксии. Именно поэтому его статья была опубликована в единственном тогда философском журнале.

Обсуждая соотношение экономических и социологических законов, Кучинский пришёл к заключению о неправомерности подчинять политическую экономию социологии или же считать социологию одной из отраслей политической экономики, и затем он пришёл к выводу: «Социология является совершенно самостоятельной наукой».

Естественно, в своей статье Колбановский не отрекся от исторического материализма, материалистическое понимание истории он считал великим научным открытием. Однако, в его представлении сама «парадигма» материалистического понимания истории не была чем-то вечным, но трактовалась как имевшая исторически преходящий характер, и потому с необходимостью на её место должна была прийти другая, более точная и универсальная «парадигма».

И вот как Колбановский оценивал сделанное им в наше время (в силу того, что Варлен Викторович не пользовался электронной почтой и часто болел, интервью продолжалось с 2009 до 2014 года) [Колбановский 2014, с. 12]:

«Бросая ретроспективный взгляд в прошлое» или, проще говоря, смотря на полстолетия назад, я вижу следующее: в положениях моей статьи уже заложено размежевание и разграничение истмата как общей теории, как социальной философии и не эмпирической науки – и другой его «отдельной» стороны – области конкретных социологических исследований, области эмпирической науки. Именно это различие теоретической и эмпирической стороны истмата послужило основанием для более точного определения предмета социологии в дискуссиях 1960–1970 –х гг.

Когда в начале декабря 2014 В. В. Колбановский умер, я писал, что его смерть – «это не только уход удивительного человека, эрудированного, всегда открытого к диалогу, интеллигентного с большим чувством юмора, много сделав-

шего для становления отечественной социологии, до последних дней следившего за её развитием и активно публиковавшего свои размышления о ней. Но это теперь ещё одна навсегда закрытая в наше прошлое дверь...». Задумавшись, от кого кроме Колбановского можно было бы получить столь интересное для освещения нашей истории воспоминание, в котором речь идёт о Г. В. Осипове: «Во время одной из наших ночных прогулок по Старому (тогда перестраивавшемуся) Арбату мы обсуждали вопрос о предмете социологии. И у него блеснула мысль, которую он тут же мне и поведал: «Социология – отдельная от истмата и самостоятельная наука. В своей книге я раскритикую тебя за твою статью в “Вопросах философии”. Это он и сделал – потому что в этот период был гораздо “левее” и надо отдать ему должное – прозорливее меня. Допускаю, что работа с “кондовыми” истматчиками в должности Учёного секретаря Института философии (1955–1960 гг.) показала ему, каким застойным болотом и мертвечиной был официальный истмат, претендовавший быть “единственно научной социологией”» [Колбановский 2014, с. 14].

Завершая этот сюжет, хочу сказать, что на обсуждение с Колбановским его статьи 1958 года меня «навёл» именно Осипов в процессе нашего интервью.

Опуская многие аспекты движения Ядова к концепции полипарадигмальности, я полагаю необходимым коснуться рассмотрения смены его критического отношения к качественным методам на его активную поддержку этого направления.

В статье «К вопросу о макро-микро дилемме в социологии» (2009 г.), которой Ядов отметил своё 80-летие, есть такие слова: «Количественную методологию удалось прилично освоить. “Качественники” же появились у нас в период постперестройки. Я их не понимал. Не понимал и их увлечение феноменологами. И не только я, большинство, если не все из моего поколения социологов». И далее, в примечании он заметил, что на протяжении довольно продолжительного времени оставался сторонником «истинной», то есть позитивистской социологии и выступал с публичной критикой В.Н. Шубкина за некоторые его высказывания относительно использования в социологии приёмов журналистики [Ядов 2009а, с. 147]. В самом конце 1980-х – в первые 90-е его отношение к ним стало меняться. Отмечу два аргумента в пользу этого утверждения.

Первый, – это статья Ядова «Стратегия и методы качественного анализа данных», опубликованная в первом выпуске журнала «Социология 4М: методология, методы, математические модели» за 1991 год [Ядов 1991]; скорее всего, она была написана в том же году или в конце предыдущего. И, очевидно, она носит разведывательный, ознакомительный характер, в ней ссылки на давно проработанную Ядовым отечественную и зарубежную литературу и на работу Андрея Николаевича Алексеева, с которой он тогда знакомился. Поскольку в перечне использованной литературы указывается, что материал Алексеева (всюду приведены инициалы А.П., хотя надо А.Н.) находится в печати, я решил уточнить у Андрея Николаевича, когда этот текст был опубликован. Он ответил, что Ядов тогда писал предисловие к рукописи так и не вышедшей книги Алексеева «Познание через действие...».

Но даже статья, которую писал Ядов, лишь знакомившийся с возможностями качественного анализа, для многих открыла эту методологию и определила характер их собственных исследований. Так вспоминает своё первое впечатление об этой статье А. С. Готлиб: «Я, конечно, не могу назвать точное время: день, час, год. Но я хорошо помню, какое ошеломляющее действие на меня произвела первая в российской социологии Ядовская статья по методам качественного анализа данных, опубликованная в 1991. Гремучая смесь впечатлений: удивление, ощущение необычности, восторг, стремление сразу же повторить этот опыт. С этим ощущением чего-то

абсолютно нового, и потрясаяюще интересного жила несколько лет» [Готлиб 2012, с. 14]. Далее она заметила, что «тема повела за собой» и в 2005 году она защитила докторскую диссертацию по методологии качественного анализа.

В процессе работы над этой книгой я попросил Анну Готлиб написать, как, по её мнению, Ядов относился к качественным методам. Прежде всего, она дополнила своё воспоминание о первой встрече с рассматриваемой статьей: «Его первая статья в “Социологии: 4М” в 1991 году была первой ласточкой нового подхода: оказывается, можно и без математики получить новое знание, прирастить имеющееся. Правда, и Ядов это показывал замечательно, можно и нужно использовать математическую логику: его метод “дна и элиты”, о котором он в статье рассказывал, как раз предполагал это использование логики: социолог ищет то общее, что характерно для первой и второй группы, а затем анализирует различия. То есть, нет коэффициентов корреляции, нет регрессионного анализа, но логика есть. Это было страшно интересно». Что касается собственно отношения Ядова к качественной методологии, то оно, полагает Готлиб, было сложным. С одной стороны, как умный, с высоко развитым чутьём он ратовал за полипарадигмальность, разъезжал по городам и весям страны с этой главной идеей. И к нам [БД: в Самару] приезжал с этим. Полипарадигмальность не только в теоретических подходах, но и на уровне эмпирическом. То есть, признавал возможность «другой социологии». С другой стороны, ему как социологу, сформировавшемуся в иных традициях, трудно было в полной мере принять ключевое положение феноменологической социологии, согласно которому «люди конструируют реальность всегда, это человеческий способ жизни, и социологи должны эти конструкторы, это индивидуальное видение анализировать. И другого не дано».

Второй аргумент обнаруживается в воспоминаниях В. В. Семёновой: «В 1990 г. по “наводке” В. А. Ядова, который знал наши “когортные” наработки в лонгитуде [БД: Микка] Титмы, к нам обратился французский исследователь Даниэль Берто. Как многие его коллеги, на волне перестройки оживившие свой интерес к России, он приехал в Москву, чтобы осуществить свой “российский” проект “Социальная мобильность в России в трёх поколениях”. Ядов направил его к нам» [Семёнова 2010, с. 14]. Далее Семёнова отмечает, что для небольшой группы российских социологов это была настоящая ломка сложившегося профессионального мировоззрения: от позитивизма к субъективной социологии. Методика биографического исследования, которая предполагала ряд совсем новых для них методических процедур, начиная от характера общения с респондентом и заканчивая интерпретативными методами анализа, оказалась “импортированной” с Запада. Над этим проектом они работали в 1990–1994 гг., неоднократно участвовали в различных семинарах и школах, в Англии, во Франции и в других странах, выезжали на кратковременную стажировку к Даниэлю Берто в Париж, и постепенно в ходе работы овладевали новой для них техникой и новым взглядом на социальное, глубже постигали теоретические и методологические основы качественной методологии в целом.

Пришло время, и Виктория Семёнова решила обобщить в докторской диссертации сделанное ею за многие годы работы в социологии и раздумывала, писать по более традиционной теме – поколения – или по новой, каковыми качественные методы оставались и в конце 1990-х. Решила посоветоваться с Ядовым, он твёрдо сказал – по новой методологии; она – спорна, тем и интересна. Защита состоялась в 2000 году и была первой по качественной методологии. Всё окончилось благополучно, но, по воспоминаниям Семёновой, то «...была действительно “рубка”. Многие члены Совета ополчились против этой “качественной” методологии (а что, остальная социология, значит, некачественная?!). Было много выступлений “против” <...> мне-

ние Совета склонялось в сторону полного неприятия диссертации и новой методологии как ненаучной, субъективистской, волюнтаристской, подвергающей сомнению устоявшиеся представления о логике социологического анализа».

Есть ещё одна точка на пути к полипарадигмальной концепции, о которой Ядов кратко рассказал в цитированной выше его статье 2009 года о соотношении макро- и микроподходов в социологии. По его замечанию, коллизия соотношения микро и макро – это проблема, пронизывавшая всю его социологическую жизнь, начиная с момента создания социологической лаборатории в ЛГУ. Ему не удавалось более или менее органично совместить макро-микро анализ и интерпретацию данных. Тогда Ядов обратился к истории расхождения путей макротеоретиков и конструктивистов. И вдруг, пишет он, меня «осенило», он совершенно чётко увидел, что макро- и микроанализы продвигались друг навстречу другу, сами того не осознавая. При этом, отмечает он, «прозрение» пришло при чтении книги Вадима Волкова и Олега Хархордина «Теория практик» [Волков, Хархордин 2008].

Глубокое знание Ядовым основных классических и современных теоретических направлений социологии, преодоление им собственного острокритического отношения к качественной социологии, понимание природы соотношения микро и макро, постоянное наблюдение признаков растерянности среди коллег, прежде всего – в региональных социологических центрах и на факультетах, – вызванной множеством теоретических схем, открывшихся многим в перестроечные и первые постперестроечные годы, стало стимулом для разработки им в начале нынешнего столетия полипарадигмального подхода. В общем случае речь идёт о признании за социологом права использования любых теоретических платформ и эмпирических методов, позволяющих ему эффективно искать ответы при решении стоящих перед ним проблем. Полипарадигмальный подход, писал Ядов, открывает возможность совмещения различных теоретических подходов [Ядов 2003]. Прошло совсем немного времени с момента введения Ядовым этой инновации, и сегодня она многим представляется «естественной». Однако нельзя не согласиться с А. Ю. Согомоновым, отметившим, что в то время теоретические разночтения одного и того же предмета были в новинку, не принимались истеблишментом и не очень уживались в голове самого исследователя. И далее: «Преодоление этого интеллектуального коллапса необходимо было и чисто академически и, что, пожалуй, гораздо важнее – политически. Теоретическое разночтение должно было стать и институциональной нормой в науке, и допустимой средой свободного научного мышления» [Согомонов 2009, с. 280].

Вскоре после выхода статьи Ядова одна за другой (2005 и 2006 годы) были опубликованы две работы А. Н. Малинкина с анализом Ядовской концепции. В них утверждается допустимость двоякого истолкования этого подхода: как исследовательской методологии (стратегии) и как социологической методологии (методологии социологического исследования). По его мнению, первое понимание допустимо и желательно, второе – нет, потому что узаконивает беспринципную эклектику. Поскольку в социологической литературе я не встречал второй интерпретации обсуждаемой концепции, я в нашей переписке (она состоялась в ходе работы над этим разделом книги) попросил Малинкина указать мне её примеры, так как мне хотелось понять логику подобной интерпретации. Я весьма благодарен ему за ответ, приведу его полностью:

Когда я писал статью, я не искал письменных подтверждений двух указанных точек зрения. Ориентировался на собственный опыт, так сказать, включённого наблюдения за социологической практикой в Институте социологии в течение почти 30 лет. Прежде всего для меня примером теоретика-методолога, идущего одновременно от теории и вызовов практики, всегда был Г. С. Батыгин. С Геннадием мы долго вместе

работали (у Бестужева-Лады, Давыдова, потом в его секторе социологии знания и редакции СЖ), провели одно совместное исследование, в некоторых его исследованиях я участвовал. Он как старший товарищ часто выступал для меня в роли наставника. Но я работал и в других секторах института, наблюдал исследовательскую практику и там. Так что можно, конечно, сказать, что слова «в социологической практике этот подход истолковывается двояко» носят общий характер, однако это не общие слова, не пустые абстракции, за которыми не стоит ничего, кроме социологического воображения.

По мнению Малинкина той или иной разновидности второй интерпретации парадигмального подхода Ядов придерживался в своих лекциях; могу допустить, что в отдельных случаях в первые годы разработки полипарадигмальной концепции он так делал, но ничего подобного нет в его итоговых книгах «Стратегия социологического исследования» (2007 год) и «Современная теоретическая социология...» (2009 год).

Вместе с тем, я полностью согласен с первой интерпретацией Малинкиным полипарадигмального подхода – как исследовательской методологии (стратегии). Действительно, в условиях теоретической неопределённости, характерной для российской социологии рубежа веков, социологам нужен был некий гид в крайне сложное и необычное по своей организации парадигматическое пространство. Ядовское предложение и сыграло роль подобного проводника.

В моём письме Александру Малинкину я кратко обозначил собственное понимание Ядовского полипарадигмального предложения: «Я полагаю, что построение В.А – скорее политико-научное (он пришёл к нам, чтобы дать нам свободу), чем теоретико-методологическое. Что Вы думаете по этому поводу?». Повторю, я не беседовал с Ядовым по поводу его полипарадигмальных сюжетов, но предполагаю, что в какой-то момент анализа накопившегося социологического багажа, в нём «заговорило» его хунвейбинство студенческой поры, и он понял, что свободно работать можно лишь в случае признания правомерности разных парадигм. И почувствовав в этом свободу, он решил, что свободными должны быть и другие. Конечно, мне было приятно прочесть в ответе Малинкина слова: «Наверно, Вы правы, когда пишете, "что построение В.А – скорее политико-научное (он пришел к нам, чтобы дать нам свободу), чем теоретико-методологическое". Речь, похоже, идёт отчасти о политике в области науки, отчасти – о политическом взгляде на научное познание, или, может быть, лучше сказать, о политически-идеологическом взгляде. Дескать, "пусть расцветают все цветы"».

В моём понимании, центральная идея Ядовского предложения очень чётко сформулирована А. Ю. Согомоновым: «А вот никакой одной единственной "звезды" быть не может» [Согомонов 2009, с. 281]; и далее он развивает это утверждение, говоря, что Ядов ненавязчиво, но решительно «отменил» правомерность лишь одного полипарадигмального подхода, он вернул в академическое сообщество ценности и нормы профессиональной этики учёного.

Как и Малинкину, в письме Согомонову я отметил, что Ядов «пришёл, чтобы дать нам свободу», ответ, присланный Согомоновым, оказался весьма пространным, но основные его положения я приведу:

Мне кажется, Вы очень точно уловили его жизненное амплуа <...>

Мне кажется, что его увлечение полипарадигмальным подходом возникло не сразу, а как ему пришлось стать директором нашего Института. Он отчётливо понимал, что возглавляет консервативную и ригидную институцию на переходный период. А это значит, что в ответственности научного руководителя большого коллектива – не дать ему развалиться как целостности, следовательно, принцип «пусть расцветают сто школ» оставался единственной стратегемой транзита. Монолит нужно было постепенно расколоть, но не через борьбу, а через толерантность <...>

Полипарадигмальный подход стал в этом смысле не только его личностным выбором (ему так было легче найти компромисс с самим собой и с другими), но и дидактической тактикой выращивания не зашоренного поколения чего-то нового. Не уверен, что сам про себя он сказал бы так же, но мне со стороны это было хорошо видно все эти годы. Пока он был активен и как учёный, и как руководитель, и как педагог.

Поэтому, конечно же, полипарадигмальный Ядов, мне кажется, это хорошо выстроенная политика транзита в научном сообществе, а не попытка построения аутентичной методологии.

Хотя в моей переписке с Ларисой Козловой и Александром Малинкиным моя интерпретация Ядовского полипарадигмального подхода как «Юрьева дня» для российской социологии подверглась сомнению, я всё же остаюсь при своём мнении. «Юрьев день» в Институте социологии, об этом – выше, помог сохранить кадры и, главное, активизировал исследовательскую деятельность. Безусловно, многие коллеги Ядова, особенно работавшие в Институте социологии, ряде других московских и петербургских социологических структур, давно в своей практике и в своих лекциях придерживались полипарадигмальных взглядов. Но ведь Россия – большая, и во многих университетах, не только региональных, но и столичных, о полипарадигмальности не могло быть и речи. Однако постепенно, сделанное Ядовым, без шума, «естественным» образом, стало составной частью современной российской социологии.

БЛИЖНИЙ МИР

Во вводном разделе было сформулировано понятие семантического пространства, названного «Миром Ядова», и говорилось о трёх важнейших его подпространствах: личностном, профессиональном и коммуникационном. И тогда же отмечалось, что сложность анализа последнего определяется особой Ядовской коммуникабельностью, а также географией и долголетием его профессиональных контактов. И вот теперь, следуя логике задуманного, мы подошли к рассмотрению коммуникационного мира Ядова. Но это лишь с формальной точки зрения. Фактически, уже на первых страницах книги, в автобиографических письмах Владимира Александровича, мы вошли в этот мир и не покидали его.

Ядов говорил о своей приверженности к коллективной работе и приводил примеры своего сотрудничества со многими коллегами и учениками, постоянно подчёркивая значимость их вклада в разработку теоретических проблем и анализ собранной информации. Он вспоминал своих университетских наставников и его ленинградских, московских и иностранных коллег-друзей, общение с которыми было для него крайне полезным в профессиональном и человеческом плане. Конечно, же он говорил и о своей семье.

Сборник «Vivat, Ядов!», подготовленный коллегами Ядова к его 80-летию, это – отличная основа для изучения коммуникационного мира Владимира Александровича. Во-первых, – серия интервью, в которых он рассказывает о себе. Во-вторых, почти три десятка очерков, эссе, написанных его школьными и студенческими друзьями, родными, коллегами разных возрастов. Далее – анализ ряда направлений Ядовских исследований, выполненный видными российскими и зарубежными (Болгария, Венгрия, Италия, Канада, Польша, Финляндия, Эстония) учёными. Четвёртый информационный блок назван «Первый учитель» – это воспоминания тех, кому Ядов помог войти в профессию, добиться в ней заметных результатов. Есть сказки прадедушки Володи, это то, что Ядов сочинял для своего правнука. Всё вместе позволяет лишь в самых общих чертах представить границы и наполненность «Мира Ядова». Можно утверждать, что без детального анализа системы общения Ядова невозможно построить и понять его мир, вместе с тем, освоение этого мира – одна из главных задач исследования истории российской социологии. Проведённые мною около 140 интервью убеждают в том, Ядов – «суперзвезда» коммуникационного мира нашего профессионального сообщества.

Ниже я лишь притронусь к двум темам, дающим представление о «самом ближнем мире» Ядова: его семье и друзьям-коллегам, с многими из которых он поддерживал самые добрые, тесные отношения на протяжении полувека.

СЕМЬЯ

Вопрос о семье почти завершал беседу с Ядовым 2005 года: «О профессиональном сообществе в целом мы поговорили, тему поколений затронули, может теперь о твоей семье? Ведь в социологии есть династия Ядовых». Приведу полностью ответ Владимира Александровича [Ядов 2005b, с. 30–31]:

Да, это так. Коля защищал работу в рамках диспозиционной концепции. Опрашивал полярников и для контроля – тех же специалистов, что работали в Институте Арктики и Антарктики в Ленинграде, не имея опыта экспедиции (непростой доступ к зимовщикам организовал мой школьный одноклассник Олег Седов, ставший полярником). Проблема – насколько реальные условия влияют на диспозиции личности. Изменяются они под влиянием ценностных ориентаций или поведенческих аттитюдов,

то есть сверху или снизу. Он тянул с работой очень долго, не хотел прикрываться фамилией и делал всё крайне тщательно. Защита на психфаке прошла великолепно. Чтобы прокормить семью (теперь две дочки и сын), занялся неакадемической деятельностью, пошёл работать к тебе в Северо-Западный филиал ВЦИОМ. Сегодня это российско-финская фирма «Той-Опинион». Но радует, что Коля остаётся верен академической науке. Повторное исследование «Человек и его работа» его команда сделала за гроши, какие у нас были по гранту. Просто я сказал – денег у нас столько-то, больше нет. И они выложились по-полному. Одна из интервьюеров пишет: «на заводе альтернативный профсоюз изгнан, судится с администрацией, меня дирекция не допустила в цеха, пришлось ловить респондентов возле пивного ларька у проходной». Чувствуешь марку? Коля – наша с Люкой гордость. Например, такой факт. Он шеф российско-финского предприятия, а зарплату делит по справедливости, ничего себе не отстёгивает. Звонит и спрашивает – папа, не можешь подкинуть? Отлично понимаю, что его семья могла бы жить как околонурусская, но у него есть нравственные пределы.

Старшая внучка Катя, которая одарила правнуком Димой, работает над кандидатской и успешно преподаёт в «Вышке» (Высшей школе экономики). Студенты говорят, что здорово. Мне – приятно.

Младшая Соня сейчас на третьем курсе социологического факультета в питерском университете. Недавно была включена в группу студентов, приглашённых в США на недельный визит в их университет. Я пару лет назад взял её в Канаду (конечно, не за счёт канадцев) на рабочее совещание по проекту трудотношений и, представь, Сонька там что-то говорила, вовсе не стыдное.

Люка стала основателем отечественной социопедагогики. Мы жили уже в Москве, когда мой школьный друг Слава Никаноров (крупный учёный физик, завлаб, а прежде заместитель директора физтеха Алфёрова) позвонил и спросил, приеду ли я на защиту её докторской. Я, поверь, не знал, что она пишет диссертацию. Тот же синдром, не прикрываться фамилией, хотя в нашей семье, начиная от родителей, жёны сохраняли свою девичью.

И ещё Майя Ядова, двоюродная внучка, о существовании которой я не знал. Она москвичка, окончила по журналистике и поступила в аспирантуру на наш факультет.

Язвительный Валентин Гафт сочинил: «Россия, слышишь этот зуд? Три Михалкова по тебе ползут». Можно сказать: пятеро Ядовых ползут.

Прошло десять лет. Екатерина Николаевна Ядова в 2009 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Челночество как социальный ресурс трансформационного периода», активно публикуется и успешно преподаёт; она проректор по дополнительному профессиональному обучению Moscow Business School Московского технологического института.

Соня окончила социологический факультет СПб университета, специализируется в области прикладных социологических исследований и маркетинге; работает в расположенном в самом центре города, крупнейшем в Питере универмаге – Доме ленинградской торговли (ДЛТ).

Майя Андреевна Ядова в 2006 году защитила кандидатскую диссертацию по социологии «Нормативные поведенческие установки молодёжи постсоветского поколения», старший научный сотрудник Института социологии образования РАО.

Младший сын Николая – Ян, учится в Петербургском государственном университете путей сообщения.

Правнукам Владимира Александровича Дмитрию (2002 года рождения) и Вальдемару (2012) ещё предстоит выбрать свою профессию.

Жена Владимира Александровича – Люция (Людмила) Николаевна Лесохина – вошла в эту книгу на её первых страницах, в письме Ядова «Что бы я сказал о своей жизни». В какой-то момент нашей с Ядовым переписки я почув-

ствовал, что он очень грустит по Людмиле Николаевне, и поскольку она многие годы отдала социологическим исследованиям в области образования взрослых, более того, была одной из первых среди разработчиков этого направления, я попросил Ядова рассказать о его жене. История эта – необычная, романтическая. Интервью получилось объёмным, потому приведу лишь ряд его фрагментов [Ядов 2012].

Володя, начнём нашу беседу с вопроса о семье Люки, тем более, что её отец – автор названия книги «Человек и его работа».

<...> Её полное имя Люция, от слова революция. Отец Люки Николай Григорьевич – убеждённый коммунист, вплоть до убийства Кирова работал одним из его помощников, он делал обзоры печати и писем, поскольку имел журналистский опыт (в журнале «Костёр»). Так случилось, что убийцу Кирова Николаева охрана передала Н.Г., сунув ему в руки пистолет. Николаев потерял сознание, так что отец Люки лишь стоял над ним, покуда другие гэбисты не увели Николаева. Самое удивительное – это запись в трудовой книжке: «Уволен в связи с убийством С.М. Кирова». И никаких последствий! В нашей питерской квартире остался дарственный портрет Кирова <...>.

Мне кажется, вы подружились ещё в школе... это так?

...Вернувшись из эвакуации, я поступил в 8-й класс в те годы мужской школы и вскоре стал секретарём комсомольской организации. Секретарём ближайшей женской школы была Лесохина. Мы договорились «дружить школами», т. е. устраивать общие вечера непременно с танцами. Был в числе прочих организован «Суд над Печёриным», в котором я прокурорствовал, а Люка выступала его адвокатом. И прочее и прочее.

Вскоре образовалась группа из 4–5 моих и около того же люкиных подруг. Её родители любезно позволяли нам устраивать в их большой квартире в аккурат посередке двух наших школ на противоположной стороне ул. Чайковского вечеринки с застольем и танцами. Девушки готовили огромное блюдо картофельного салата с другими овощами, мы приносили нарзан и чуть пива. За столом обсуждали своих учителей (некоторые из них работали в обеих школах) и разные значимые общественные события <...>. Трепались и танцевали под проигрыватель. Моим соперником в отношении Люки был Олег Седов, впоследствии моряк-полярник. Высокий красавец дворянского происхождения. В 9 класс я поступил в авиационную спецшколу, и этим одолел Олега <...>. Фуражку с кокардой, шинель и прочее нам спецам выдали, а погоны – нет. Погоны должны быть уже обычных. И Люка сделала их сама! Да ещё опрыскала духами. Олег всё понял, и мы остались ближайшими друзьями на всю жизнь. Даже могилы Олега и его жены почти рядом с могилой Люки (и моей в будущем) на кладбище в Песочном.

Володя, рассказывая о том, как тебя осенила идея «диспозиции личности», ты заметил: «Со своего “чердака” я спустился в реальную квартиру за полночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие!». Ты понимаешь, как важна первая реакция человека, мнению которого ты доверяешь. Ведь она могла сказать что-либо типа: «И зачем тебе это надо... у тебя что, нет других проблем?». И ты мог бы согласиться и не разрабатывать эту идею.

А ты не помнишь, как Люка отнеслась к тому, что Игорь Кон начал подталкивать тебя к социологии? Дело-то было новым, туманным...

Дело в том, что о парадоксе Лапьера мы говорили и раньше. Так что «зачем это тебе нужно?» она никак сказать не могла. Напротив, обрадовалась, что некий выход найден.

К моим занятиям социологией Люка отнеслась вполне положительно. Ведь не случайно они с Вершловским [БД: Семен Григорьевич Вершловский (1931–2015), доктор педагогических наук, профессор, специалист в области образования для взрос-

лых и непрерывного образования] попросили специально заняться с моей помощью обучением методам социологических исследований «в поле». Они и выборку освоили и интервью проводили в своём направлении – образование взрослых.

Когда произошёл сдвиг её научных интересов в сторону социологии?

После переезда в Москву я много рассказывал ей о новейших событиях в теоретической социологии, активистской особенно. У нас бывали Зигмунт Бауман и Пётр Штомпка. Однажды мой питерский друг спрашивает по телефону, приеду ли я на защиту Люки? Оказывается, она написала докторскую по проблеме образования взрослых (книгу издали в Польше), ничего мне не говоря. Защита прошла отлично (я, естественно, приехал), а после того Люка выпустила несколько аспирантов, включая одну полячку.

Первые, кому я сказал о предполагаемом отъезде в Америку, были ты и Люка... больше я её ни видел....

Разумеется, она интересовалась вашими делами в США...а потом случился её рак груди, что установили слишком поздно.

В заключение скажу, что наши с ней отношения были очень дружескими, о многом говорили, никогда не ссорились всерьёз. Она оберегала меня от дурных знакомств. Трагедия с запущенным раком была подлинной трагедией. Лечилась она в Питере, куда я приезжал во все выходные. Когда я сказал, что поедem на хутор в Эстонию, она ободрилась, думая, что не так все плохо. Но было именно плохо. Она скончалась на хуторе. На местном кладбище стоит камень в память о Люке, на русском и эстонском <...>. Портрет [БД: Люки] стоит на книжной полке напротив моей кровати, так, что мы и сейчас вместе.

Добавлю, действительно Людмила Николаевна была яркой, умной женщиной, прекрасно понимала людей и всегда была верным советником Владимира Александровича в весьма непростых жизненных коллизиях.

Интервью с сыном Владимира Александровича Ядова Николаем состоялось давно, на рубеже 2008–2009 гг. Обычно публикации интервью с социологами я сопровождаю вводным текстом, «вводка» к данному интервью была одной из самых коротких: «С тех пор, как я выделил в сообществе российских социологов профессионально-возрастные страты, Николай Владимирович Ядов был обречён на то, что ему придётся поговорить со мною «за жизнь». Дело в том, что он не просто относится к четвёртой когорте, одно из названий которой – «поколение биологических детей» социологов-первооткрывателей, но является сыном родителей, стоявших у истоков современного этапа нашей науки. С Николаем удивительно приятно беседовать. Он обладает редким даром: сказать всё, что надо, и не сказать ничего, что не надо».

С Николаем Ядовым (1957 года рождения) я познакомился весьма давно, он ещё был школьником. А на рубеже 1980-х – 1990-х мы несколько лет работали вместе в тогда ещё Ленинградском отделении Всесоюзного (Всероссийского) центра изучения общественного мнения.

Приведу несколько фрагментов интервью с Ядовым-младшим, прежде всего, раскрывающих важные аспекты общего духа, климата этой семьи.

Когда я спросил Николая о выборе профессии, он назвал два варианта: психология или история. Философский факультет особенно не рассматривался, он казался ему слишком идеологизированным. Заметил, что он очень не любил предмет «научный коммунизм», и пояснил: «Если в названии науки есть слово научный, значит что-то здесь не в порядке. Как государство. Если в названии есть слово “независимое”, то это точно марионетка». К окончанию школы у него были представления о психологии и социологии, но его более интересовало то, что происходит в обществе, а не в голове отдельного индивида. Однако факультетов социологии тогда ещё не было.

Ниже будет сказано, что утверждение «Советская социология начинается с буквы “Я”» было отчеканено профессором психологии Евгением Сергеевичем Кузьминым; Николай учился на кафедре социальной психологии, которую создал и возглавлял Кузьмин. И мне кажется, что в характеристике, которую Николай дал своему профессору, присутствует отношение Ядова-старшего и к Кузьмину, и к фронтовикам: «О нём есть разные мнения, но мне он всегда нравился тем, что оставался фронтовым офицером. Он мог нас разносить по швам, но если образовывался конфликт с другой кафедрой, факультетом или вообще с кем-то «не нашим», то для Кузьмина «наши» всегда были правы, независимо от сути дела. Он всегда знал, на какой он стороне. Это довольно необычное качество для интеллигенции...» [Ядов Н. 2009, с. 2]. Замечу, Е. С. Кузьмин и мне помог в трудный момент жизни.

В студенческие годы Николая молодёжь увлекалась Окуджавой, Галичем, Кимом, Высоцким, читала «самиздат» и, мне было интересно узнать, был ли он включён в эту культуру. Вот его ответ: «Окуджава, Ким и Высоцкий определённо. Галич, по-моему, был вообще запрещён, но любимой песней отца была “Ошибка” (“Мы похоронены где-то под Нарвой...”). Что касается самиздата, то мне он особенно не попадался. Я читал запрещённые вещи Стругацких (“Улитка на склоне”, “Сказка о Тройке”). А ещё отец как-то привёз из-за какой-то границы “1984” Оруэлла на английском. Помню, на меня книжка произвела сильное впечатление. Вторая книга с таким же эффектом – о культуре нацистской Германии, совершенно открытая и советская. Сходство с тем, что я видел вокруг, было поразительным».

Курсовые и дипломные исследования разрабатывались Николаем в рамках теории диспозиций, так что здесь было прямое влияние отца. Николай вспоминает, что он выбирал эту тематику, так как она постоянно обсуждалась дома; в то время диспозиционная теория формировалась. И ещё он отмечает: «Есть такое высказывание: “Все психологические теории личности среднего уровня описывают личность автора”. В этом есть доля правды. И у папы, и у меня установочные модели поведения очень выражены. Так что мне это было близко и субъективно принималось».

После окончания университета Николай несколько лет работал в одной из крупнейших в Ленинграде заводской социологической лаборатории известного Кировского завода. В 1989 году, не уходя в аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию по тематике, разработка которой восходит к «Человеку и его работе». Цель его лонгитюдного социально-психологического исследования заключалась в выявлении того, каким образом перестраивается диспозиционная иерархия личности в непривычных условиях производственной адаптации. Основным вывод был простым и несколько неожиданным. Человек или находит способ реализовывать свои привычные модели поведения в новых условиях, меняя скорее сами эти условия, чем себя, или уходит с данного места работы. Процесс адаптации может сопровождаться довольно сильными колебаниями структуры диспозиций, но в завершение процесса иерархия восстанавливается почти в первоначальном виде. Другими словами, «не надо прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас».

С 1994 года Николай возглавляет созданную им российско-финскую маркетинговую кампанию «Той-Опинион».

А вот этот фрагмент интервью, который я, по понятным причинам, процитирую полностью:

Скоро Владимиру Александровичу – 80 лет, уверен, что многие хотели бы высказать ему своё глубочайшее уважение и благодарность за сделанное им для развития российской социологии и за помощь, оказанную Ядовым в разные годы. Выше мы немного говорили о диспозиционной теории личности, не мог бы ты в опоре на неё дать портрет Владимира Александровича?

Очень просто. Я, кажется, уже говорил, что каждый психолог пишет портрет своей личности. Как известно, диспозиции (когниции, верования и проч.) стремятся к некой непротиворечивости. Не обязательно формально-логической, но психо-логической. Расслоение диспозиций было выявлено Ла-Пьером в эксперименте, когда он заказывал по телефону места в отелях для себя и двух его студентов-китайцев. В случае, когда хозяин отеля руководствовался своими мерзкими расистскими ценностями, он отказывал. А когда Ла-Пьер появлялся перед хозяином вживую, без предварительного заказа, он, как правило, получал нормальное обслуживание. Работала ситуативная установка на клиента.

В. А. Ядов точно не отказал бы китайцам ни по телефону, ни лично. В быту это, наверное, называется, цельностью личности. Причём для отца, как я понимаю, эта цельность является сама по себе ценностью. Если обстановка принуждает к какому-то виду двоемыслия или, извините, двоедействия, тем хуже для обстановки [Ядов Н. 2009, с. 15–16].

Мне не надо писать здесь что-либо обобщающее, процитирую вновь слова В. А. Ядова: «Безмерно счастлив с Люкой, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь: горжусь Колей, своим сыном, человеком чести; двумя внучками, внуком и двумя правнуками».

КОЛЛЕГИ-ДРУЗЬЯ

Здесь собрано несколько текстов, в которых Владимир Александрович Ядов говорит о друзьях-коллегах, людях, с которыми он дружил многие годы.

Начну с воспоминаний об Андрее Григорьевиче Здравомысловом, с которым Ядов был знаком со студенческих пор, создал первую в стране социологическую лабораторию и совместно с которым провёл пионерное социологическое исследование, ставшее основой классической для нашей науки книги «Человек и его работа».

Первое письмо Ядова было получено 14 февраля 2013 года; это – его реакция на присланный ему первый вариант моей статьи, написанной по случаю приближавшегося 85-летия со дня рождения Здравомыслова. С некоторыми сокращениями это письмо было опубликовано в качестве приложения к моей статье [Докторов 2013а]; здесь приводится его полный текст. Последнее предложение Ядова – это дополнительный аргумент в пользу публикации полного текста.

Текст об Андрее хорош тем, что высвечивает его индивидуальность. Я бы добавил (не для публикации!), что Андрей предпочитал персональные публикации, коллективных сочинений старался избегать (кто-то пустил выражение о них – «братская могила»). Я же опять по контрасту люблю коллективные публикации, т. к. в такой общей работе непременно рождаются подчас полезные идейки. Вот сейчас мы в нашем отделе путём переписки разрабатываем программу проекта о гражданских инициативах. Думаю, что эффективность вдвое-втрое выше индивидуального творчества. То же можно сказать о Борисе Грушине (у него – «Сорок семь пятниц», у меня – книга «Мы – Они», «Мастер класс Ядова»).

В твой текст могу добавить несколько фраз.

Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с тем, что сегодня принято называть креативом, т. е. творческой жилкой. Именно он при разработке программы исследования мотивации труда молодых рабочих нашёл выход, как обойти догмат о «социальном содержании» труда, что противопоставляло подневольный труд при капитализме и труд как самоценную деятельность в коммунистическом обществе. Мы не могли непосредственно это исследовать без сравнения данных по Питеру и, скажем, Манчестеру. И Андрей предложил концепт «социально-технологическое содержание

труда» от требующего большой умственной нагрузки до бездумного «человек-машина» на конвейере. Это спасло проект. Он же придумал индекс «логический квадрат», что по сути представляло совмещение в одном показателе ответов на три разных вопроса об отношении к своей работе. К сожалению, случаев сотворчества с Андреем у меня больше не было. Мы в последние годы обсуждали с ним проблему национальных особенностей социологического теоретизирования и существенно расходились в содержательных характеристиках этих особенностей, каковые де факто признавал и я. Несмотря на разногласия, я пригласил Андрея прочитать пару лекций нашим студентам. Была живая дискуссия, что опять же в пользу продуктивности синергетического эффекта.

Я так пространно пишу потому, что ты определённо это используешь когда-нибудь в своих публикациях. Сейчас, освободившись от работы над книгой, хочу написать в твой архив кое-что из саморефлексии по поводу так сказать творческого процесса. Посмотрю в интернете литературу о психологии творчества и сочиню для твоего архива.

Второе письмо было приложением к краткому электронному сообщению Ядова (7 июля, 2009 г.): «Тебе в архив. Час назад умер Андрей Здравомыслов». Скорее всего этот краткий некролог был тогда опубликован, но мне это не известно.

В. Ядов

Прощай, Андрей.

С Андреем Здравомысловым меня связывает шестидесятилетняя дружба, вначале студентами, а позже товарищами по социологической лаборатории ЛГУ и соавторами. Последняя наша книга – второе (без купюр) издание «Человек и его работа» с дополнением «...в СССР и после» [Здравомыслов, Ядов 2003]. Каждый комментировал раздел, в котором лидировал при подготовке первого издания. Надо сказать, что нам легко было соавторствовать, прекрасно понимали друг друга, равно владели и данными и аппаратом анализа. Было время, когда я уступал ему в английском (именно Андрей перевёл учебник Гуда и Хатта, на котором мы осваивали азы эмпирического исследования), но после стажировки в Англии мы сравнялись в English. На Международном конгрессе МСА в Эвиане мы первыми из советских были приняты в Исследовательский комитет по социологии труда и поочередно избирались в состав его руководства. В начале 90-х оба мы начали интенсивно осваивать работы классиков и современных теоретиков социологии. Андрей стал членом ИК МСА по теории и истории социологии. В последние годы он полностью ушёл в исторические изыскания, опубликовал солидные тексты, в которых стремился показать, каковы культурные особенности социологии в странах Европы и в России. Буквально на прошлой неделе я обращался к нему за справкой по этим сюжетам.

Мы – разные по темпераменту, он скорее интроверт, я – определённо экстраверт. Моего друга отличала чрезвычайная скрупулезность в обращении с источниками, историческими фактами, чем сам похвастаться не могу. Тексты, что я ему посылал (равно как он мне свои), обычно пестрели пометками касательно имён, дат... Ни он, ни я не настаивали на собственной интерпретации чего бы то ни было, излагали своё мнение.

Уходит наша возрастная когорта. Прощай, Андрей.

В течение нескольких лет, отделявших моё второе интервью с Ядовым от первого, умерло несколько социологов, близких ему по понимаю их общего дела и по гражданской позиции. Таким образом, в нашей второй беседе был более чем оправдан следующий вопрос: «В последние годы ушло несколько человек, дорогих нам не только как профессионалы, но и как личности. Давай поговорим о них, это тема – трудная, но нам надо и с ней справиться...». Приведу полный ответ на него [Ядов 2014, с. 4–5]:

Ты задал непростую задачу, сказать о наших товарищах что-то ранее не сказанное. Мне представляется, что стоит поговорить о стиле их работы: «человек – это стиль». Википедия приписывает фразу французскому натуралисту 18 века Бюффону, который, правда, сказал несколько иначе – «стиль – это человек». Хочу напомнить, что советский психолог Вольф Соломонович Мерлин целенаправленно исследовал проблему индивидуального стиля деятельности и пришёл к выводу, что разные люди способны решать поставленные им задачи разными индивидуальными «манерами».

Игорь Кон, например, прежде, чем приступить к работе над некоторой проблемой, затрачивал уйму времени на поиски литературы, исчерпывающей предмет к данному времени. Я уже говорил, что проект «Ценностные ориентации» мы начали с переходом всей командой в ленинградский отдел ИКСИ, которым руководил Игорь. Долгое время мы не могли сколь-нибудь продвинуться в разработке программы по той причине, что Игорь, выслушав каждого, неизменно заключал: об этом писал такой, а проблема, о которой говорил (обращается к «неучу») хорошо известна. И называет источники. Игорь сам предложил мне взять на себя руководство, продолжая приходить на рабочие обсуждения программы. Я пытался, как считал, в меру дозировать знакомство с литературой, отсекая всё пограничное, и мы начали продвигаться.

В общем скажу, что стиль работы Игоря Кона – это стиль учёного книжника, притом работающего в одиночку, о чём он рассказывает в своих мемуарах.

Стиль Бориса Грушина – прямо противоположный. Борис предпочитал командную работу, поскольку это были массовые обследования и программу проекта сочиняли коллективно. Подобный стиль деятельности идеально отвечал его характеру и темпераменту крайнего экстраверта, в отличие от явного интроверта Кона. Игорь, к слову сказать, начиная говорить, не был способен прерваться, а Борис немедленно подавал реплику, а затем продолжал своё. Замечу, что мы с ним в смысле стиля очень похожи⁷.

Стиль деятельности Юрия Левады, я бы сказал, – нечто среднее между двумя описанными. Он был книжник, но не «книжный червь», как Игорь Кон. И вместе с тем он являлся великолепным лидером в коллективной работе. Не говорю о ВЦИОМе, в самые мрачные годы Левада вёл свои знаменитые семинары, участвовать в которых стремились и зарубежные коллеги. Интересно, что по характеру Юрий был интровертом, что сказывалось и на его отношении к другим исследователям. Одних он полагал интересными для себя и был готов часами обсуждать интересующую его или собеседника проблему, быстро вникал в неё и мобилизовал свои знания по предмету. Неинтересных для себя он сторонился, экономил время ради дела, которым был занят в данное время.

Володю Шубкина книжечем литературы по предмету я бы не назвал. Но он запоем читал беллетристику и стихи. Любил театр, в любимовском «Современнике» был своим человеком и, кажется, входил в художественный совет непослушного театра. Он, как известно, публиковался в «Литгазете» и являлся членом Союза писателей. В Шубкинском стиле отличительной чертой было товарищество; не случайно он предпринял мини-исследование в своём отделе в Академгородке и составил социо-матрицу тесноты взаимосвязей в группе. Матрица удостоверяла сплочённость их коллектива, никого не обидела. Володя, как и Грушин, отличался методологическим, я бы сказал, изобретательством. Если Грушин придумал выборку опрашиваемых пассажиров поезда дальнего следования (люди из разных регионов страны), то Шубкин нашёл простейший и «невинный» способ выявить, в какой мере в стране социализма наличествует социальное расслоение: опрос выпускников школ и данные о продолжении образования. Этот проект стал классикой нашей социологии, продолжается его учениками до сего времени. Шубкин первым инициировал исследования качественными методами,

⁷ Очень тёплое отношение В. А. Ядова к Б. А. Грушину просматривается в том, что уже тяжело больной Владимир Александрович участвовал «Грушинских чтениях на Моховой», проводимых факультетом журналистики МГУ. Он рассказал об отношении своего ушедшего друга к жизни и к делу своей жизни – изучению общественного мнения [Ядов 2015b].

которые в то время в мировой социологической практике модными вовсе не были. Он утверждал, что личность статистически исчислить нельзя. Кстати о социометрии Морено Володя тоже не знал, сам изобрёл методику. Писал он легко и быстро великолепным и доступным непрофессионалам стилем. Был, как мы говорим сегодня, подлинно публичным социологом. Впрочем, здесь он не отличался от Кона, Грушина и Левады.

На стиль деятельности Андрея Здравомыслова наложило отпечаток его тяжёлое ранение, полученное в блокадном Ленинграде; он долгие годы провёл в больницах, там закончил школу и поступил в Ленинградский университет, и всю жизнь сильно сутулился. Уверен, что по этой причине Андрей инстинктивно подчёркивал, и вполне заслуженно, своё первенство и, выступая, обычно вставлял фразу «как я писал». Он предпочитал публиковаться самостоятельно, коллективные публикации противились его натуре. Андрей основательно «перелопачивал» литературу по предмету, в отличие, например, от того же Грушина (и меня), и был склонен к историко-социологическим сюжетам.

В то время была жива и продолжала работать Татьяна Ивановна Заславская, поэтому, я специально попросил Ядова рассказать о её стиле работы, ибо она несомненно принадлежала к самому близкому кругу друзей Владимира Александровича [Ядов 2014, с. 5–6]:

Татьяна – мужественная труженица на поприще науки. Она отличается от всех нас не свойственным другим «благородным происхождением», она – из профессорской семьи с глубокими научными и культурными традициями. Она с юности вела дневник и бережно хранит переписку с членами их дружной семьи. Татьяна никогда не позволяет себе воспользоваться «рыбой» в отзыве на диссертации, внимательно вчитывается в многостраничный текст диссертаций, не авторефератов, как многие это делают. Столь же тщательно правит она собственные сочинения – привычка экономиста перепроверять расчёты. Работает и сейчас очень много, не смотря на не лучшее самочувствие. Работоголик, как и другие из нашей компании, она предпочитает строго академический стиль изложения. В коллективной работе – строгий руководитель, очень требовательна. Круг её друзей, как правило, остаётся постоянным, новые знакомства дальше приятельских не заходят⁸.

Наступило лето 2013 года, мы прервали нашу беседу, но осенью – вернулись к ней. Одним из первых был вопрос: «Володя, у нас был летний перерыв в интервью, спасибо, что согласился на продолжение беседы. Выше я задавал тебе вопрос о стиле работы Татьяны Ивановны Заславской... но недавно её не стало, ещё не прошло и 40 дней после её смерти. Вы долгие годы дружили, ею многое сделано для развития социологии в СССР/России. Что бы ты сказал о Заславской как об учёном и личности?». Вот ответ Владимира Александровича [Ядов 2014, с. 11–12]:

Думаю, что Татьяну Ивановну отличало обострённое, мучительно даже, восприятие социальной несправедливости. Это находило своё проявление и в тематике её исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять, как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской. «Новосибирский манифест» утверждал необходимость перестройки системы государственного управления экономикой, отказа от администрирования сверху донизу и «перехода к экономическим методам регулирования производства» (Заславская Т.И. «Новосибирский манифест», 1983 г.).

⁸ БД: Это было написано В. А. Ядовым** за несколько недель до смерти Т. И. Заславской.

Сам термин «перестройка» впервые прозвучал в этом историческом докладе Заславской и Аганбегяна. Прорабы перестройки подготовили к апрельскому пленуму ЦК КПСС 1988 г. публицистический сборник под редакцией Ю. Афанасьева «Иного не дано», который начинался статьей Заславской «О стратегии социального управления перестройкой». Увы, «дано» было совсем не то, к чему стремились романтики шестидесятники. И Татьяна Ивановна вместе с Теодором Шаниным инициировала ежегодные международные конференции «Куда идёт Россия?». 20 томов материалов этих конференций обществоведов – глубокий анализ процессов «постперестройки». Ведущие Россию, однако, преследуют свои интересы, лишь спорадически перед очередными выборами бросая подачки гражданам страны.

Татьяна радикально перестроила деятельность ССА, президентом которой была избрана в 1991 г. Ассоциация заявила себя как независимая гражданская структура. Президиум ССА во главе с Т. Заславской выступил против кровавого разгона демонстрантов в Тбилиси 9 апреля 1989 г. и Вильнюсе (май того же года), создал рабочую группу из армянских и азербайджанских социологов для поддержания диалога в период нагорно-карабахского конфликта (1987–88 гг). Именно от ССА она была избрана на первый Съезд Народных депутатов и стала деятельным членом непослушной Межрегиональной депутатской группы, противостоящей «агрессивно послушному большинству».

Общеизвестна её роль в создании ВЦИОМ вместе с Грушиным и Левадой. Трудно перечислить заслуги Татьяны Ивановны как учёного и гражданина. Ко всему прочему Татьяна фантастически скрупулезно вычитывала тексты коллег, испещряя их замечаниями и советами. Была предельно внимательна к собеседнику, вживалась в его заботы. Общаться с нею было удовольствием, а дружить – истинной жизненной наградой.

Здесь отражено отношение Ядова к своим коллегам-друзьям, с которыми им было многое пережито, переговорено. Выше отмечалось, что я осознанно не приножу воспоминаний давних друзей Ядова о нём самом, однако процитирую четыре начальные строки из стихотворного поздравления Ядова с его 75-летием, написанного А. Г. Здравомысловым:

Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир [Здравомыслов 2009, с. 141].

В полной мере сказанное здесь, по-видимому, было понятно лишь Здравомыслову и Ядову, но, можно допустить, что речь шла о давних дискуссиях и спорах относительно роли социологии, о способности, возможности этой науки познать, изменить и улучшить советскую модель общества. И хочу обратить внимание на то что, этот стих – знаковый для многих социологов первого поколения. Он навеян духом «песенки» Булата Окуджавы «Девочка плачет, шарик улетел», которую Ядов очень любил и в своё время познакомил с ней Здравомыслова. Замечу, здесь мы снова, говоря о Ядове и его друзьях, обращаемся к примерам творчества Окуджавы...

Содержание и интенция приводимого ниже послания Ядова Геннадию Васильевичу Осипову по поводу его 80-летия будут понятнее, если я предположу ему рассказ о моём поздравлении Владимира Александровича с его 80-летием. Это была заметка «Правофланговый, или советская социология начинается с буквы “Я”» – моя первая попытка рассказать биографию Ядова и сформулировать моё отношение к прожитому и сделанному им. Вывод был такой: «Ядов – не только учёный и гражданин. Наряду с этим существует Ядов как феномен профессионального общения. Он всегда в ожидании нового, в настрое на узнавание, и одновременно он всегда

щедр на советы и консультации тем, кого он давно знает и кто пришёл к нему впервые. У него самоуважение много сделавшего свободного человека. Ему уникальным образом удаётся совместить глубочайшее погружение в проблемные области науки с откликом на текущие события жизни. Ядов – интеллектуал, но в нём есть нечто от земных платоновских героев, понимающих мир нутром. С таким талантом можно лишь родиться. Но одновременно этот природный дар дополнен традициями шестидесятиничества и глубоко пропитан духом петербургско-ленинградской культуры» [Докторов 2009].

Но ещё важнее начало той статьи, в нём объясняется происхождение получившего сегодня известность утверждения «Советская социология начинается с буквы “Я”». Это было весной 1968 года, и отчеканил его при мне известный ленинградский психолог Евгений Сергеевич Кузьмин (1923–1993). Тогда я понял только то, что буква «я» – не местоимение, и несколько позже осознал, что сказанное Кузьминым относилось к Владимиру Александровичу Ядову. И по тому, как это было произнесено, я теперь могу утверждать, что то была не спонтанно родившаяся фраза, а итог рассуждений учёного, знавшего логику и процесс развития в СССР социальной психологии, смежной с социологией науки, и Ядова с его студенческих пор.

И всё же удивительно, что Кузьмин смог столь ёмко и точно определить место и роль Ядова в постхрущёвской российской социологии. Тогда Ядову не было и сорока лет и невозможно было сказать, что будет им сделано в следующие годы. Вывод один: как учёный, изучавший механизмы зарождения науки, Кузьмин понимал, что сделанное Ядовым на тот момент – фундаментально, навсегда; как социальный психолог он мог оценить редкостный тип личности Ядова, увидеть его харизму и обнаружить в нём уникального лидера; наконец, как человек цельный, переживший раскулачивание и в 18 лет ставший на фронте инвалидом, он распознал сильный гражданский потенциал Ядова.

Приводимый текст Ядова озаглавлен: «Моему другу, с которым мы часто не сходимся во взглядах»; 9 мая 2009 года по просьбе Владимира Александровича мне переслал его Владимир Эммануилович Шляпентох. Привожу текст полностью, поскольку это не только поздравление Геннадия Васильевича Осипова, но редкий для Ядова историко-социологический текст, его взгляд на становление советской социологии.

Чередой пошли юбилеи социологов, благодаря усилиям которых эта область социального знания была признана достойной быть в ряду марксистских общественных наук. Тот период, конец 50-х и начало 60-х, вполне можно назвать временем начала социологического движения. Все черты социального движения здесь присутствуют: конфликт с «системой» (в нашем случае системой общественнознания во главе с диалектическим и историческим материализмом), формирование неформальных сетей со своими лидерами в Москве, Ленинграде, Свердловске, в новосибирском Академгородке, в Тарту и др. центрах, формирование некоторого общего представления о социологии и в чём её польза для общества и государства, персонификация «врагов» (в основном из числа высокопоставленных философов и «научных» коммунистов) Наконец, объединение разрозненных сообществ социологов в некую профессиональную организацию (ССА), а дальше – полная легитимация в системе научных учреждений, образования и разного рода служб на предприятиях, в отраслях и даже в одном из министерств – Министерстве труда.

Движение за социологию сплотило нас как сотоварищей-единомышленников. А позже и особенно в период горбачёвской перестройки раскололо надвое по причине РАЗНОВидения будущего России и отношения к дооктябрьскому прошлому, да и к совет-

скому. Все знают знаменитую фразу, приписываемую не то Сократу, не то Аристотелю: «Платон мне друг, но истина дороже». Обычно мы акцентируем насчёт истины, а первую часть формулы – пропускаем мимо ушей.

Геннадий Осипов был и остаётся для меня другом, хотя мы основательно расходимся в представлениях о современной, российской в особенности, социологии и по-разному оцениваем многие социальные проблемы. Был случай, когда я публично обвинил Геннадия в том, что он сочинил манифест национал-социализма. Геннадий обратился в суд, требуя извинений за оскорбление чести и достоинства. По ходу так сказать процесса (продолжительные посиделки с судьей, протоколистом – секретарем суда и адвокатами сторон) мы созвонились и договорились прекратить это разбирательство. Геннадий отозвал свой иск, но честно опубликовал и свою тогдашнюю статью и мою обвинительную. Это, я полагаю, и есть эмпирическое свидетельство справедливости древнегреческой формулы о дружбе и истине. На истину ни Сократ, ни Платон, ни уж тем более мы с Осиповым претендовать не имеем права. Но излагать свои концепции и свои представления о сущем – почему нет?

Возвращаясь к «истокам». Геннадий, и только он, смог «пробить» создание социологического подразделения в институте философии АН СССР, где были такие «сильноресурсные» (в терминологии Бурдые), как, скажем, академик Митин и жуткая баба – профессорша Морджинская. Эта последняя отслеживала мельчайшие «немарксизмы», тут же докладывала кому следует и первой бросалась выступать на учёных советах и прочих заседаниях. В таком вот «социальном контексте» Г.В. инициировал проекты «Рабочий класс и технический прогресс», где было показано, что технический прогресс для рабочих может оборачиваться не лучшей своей стороной. Он придумал проект «Копанка» – исследование молдавского поселения, 25 лет тому назад бывшего в составе королевской и буржуазной Румынии. Хотя пафос проекта состоял в эмпирическом доказательстве преимуществ социализма, исследователи честно приводили статистики, каждый мог сам оценить, что в этой Копанке сегодня происходит.

Говорить о роли Геннадия Осипова в дальнейшем САМОутверждении и признании властями социологии как нормальной научной дисциплины нет надобности. Об этом уже немало сказано и написано.

Сегодня некоторые вспоминают слова моего коллеги психолога Евгения Кузьмина, который сказал, что советская социология начинается с буквы «Я». Это, заверяю всех, необъективно, неправильно и несправедливо. Советская социология начинается с ОЯ. Я залез в Википедию и узнал, что Оя – река в Красноярском крае, в российской глубинке. Бывают же чудесные ассоциации. Оба мы, Геннадий, из какой-то неведомой сибирской речки пробивали ей русло аж до столицы СССР, рыли канал не под ружьём топтуна, но совершенно добровольно.

Друг мой, я с тобой принципиально не согласен во многом, как и ты со мной не согласен. Табачок врозь, но дружба – это святое не только у древних греков, но и у наших отцов, что пережидали в окопах время для атаки.

Геннадий, прими мои искренние пожелания по случаю 80-летия. Может, покурим каждый свою махорку и рванём, старики, впереди мальчишек к справедливому устройству НАШЕГО общества?

Посмотрел и я справочник, оказалось, что река Оя – немалая, её протяженность 254 км. В моём понимании, важнейшая фраза поздравления Осипова: «Оба мы, Геннадий, из какой-то неведомой сибирской речки пробивали ей русло аж до столицы СССР, рыли канал не под ружьём топтуна, но совершенно добровольно», и в ней ключевое слово – «оба». По сути, Владимир Александрович говорит здесь о том, что становление советской социологии следует рассматривать в качестве результирующей двух составляющих. Одна – это то, что стоит за буквой «Я»: собственно развитие методологии и теоретико-эмпирических методов советской социологии как само-

стоятельной науки. Вторая составляющая, обозначенная литерой «О», это – пусть далеко не полное, не последовательное, но признание социологии и социологических исследований властями: создание академического института, организация Советской социологической ассоциации, обладавшей правами на издание социологической литературы, участие советских социологов в международных форумах – в этом прежде всего заслуга Осипова. По воспоминаниям В. В. Колбановского, Ядов в начале нынешнего века сказал: «В нашей среде нашёлся человек, который умел говорить с НИМИ на ИХ языке» [Колбановский 2009, с. 285]. Этот человек – Осипов, ОНИ – это руководство отделов науки и пропаганды ЦК КПСС и чиновники АН СССР. Ядов точно подобной роли сыграть не мог, прислушаемся к словам одного из его лучших друзей – И. С. Кона: «По своему характеру Ядов – бесспорный лидер, особенно в том, что касается формулирования и разработки новых идей (организационных и дипломатических талантов я за ним никогда не замечал) [Кон 2009, с. 116].

Теперь представим диаграмму, на которой изображён небольшой кружок, размещённый в центре большой окружности, на ней разложены такие же небольшие кружки. В центральный кружок впишем «Ядов», а в кружки, расположенные на окружности, – фамилии всех российских и зарубежных социологов, названных в книге. Это и будет схематическое представление ядра коммуникационного мира Ядова. Если мы постараемся кратко описать «миры» этих людей, характер соприкосновения и взаимопроникновения всех этих «миров», то построенное семантическое пространство станет простейшим описанием рождения и развития послевоенной советской социологии и её трансформации в постсоветскую. Усложняя эту модель, мы можем переходить ко всё более полному, адекватному представлению о коммуникационном мире Ядова, а значит – о «Мире Владимира Ядова» в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пора понять и сказать, что всем нам повезло быть современниками, коллегами, учениками человека, осознавшего своё предназначение и нашедшего своё счастье в том, что он смог полностью исполнить его. Очень многие из нас общались – лично или через его книги – с человеком из другого мира, наделённого уникальным социальным чутьём и понимаем. И даром делиться своими знаниями.

По моему мнению, Владимир Александрович Ядов – это учёный и личность такого масштаба, что при изучении его биографии и творческого наследия в высшей степени уместно, даже необходимо обращаться к истории науки и опираться на принципы анализа процессов и результатов деятельности учёных, писателей и художников, оказавших выдающееся влияние на развитие науки, искусства, общества в целом. Совокупность многих личностных и макросоциальных обстоятельств определила особую роль таких людей в создании научной и художественной картины мира. Внешне это иногда выглядит так, что какая-то высшая сила поручила им сообщить всем остальным нечто жизненно важное, научить чему-то крайне необходимому.

Мне приходилось уже писать о причинах слабости, робости наших историко-биографических исследований, касающихся, в частности, современной российской социологии. Их много, но отмечу, на мой взгляд, главную. Мы не считаем, что уже имеем право на свою историю. Мы все вместе её сделали и делаем, мы её выстрадали и должны изучать её. Однако мы заиклены на теории и методах познания социального мира, на предметно-объектных аспектах изучаемых феноменов и процессов. И не отдаём себе отчёт в том, что главное в науке – это исследователь.

На наших глазах, в течение нескольких последних лет ушла значительная часть людей, стоявших у истоков современной российской социологии. Мы как научное сообщество – осиротели. Неужели и уход Ядова не заставит нас задуматься о том, что изучение нашего прошлого – неотложная задача, стоящая перед всеми нами? Или мы добровольно отказываемся от него?

Настоящий текст – это попытка обозначить самые общие «точки» биографии Ядова, разработка которой потребует многих лет и значительных усилий. Не только собственно интеллектуальных, необходимо также осознание многих нравственных проблем. Ведь создание портрета Ядова подразумевает осуществление многоаспектного и многослойного анализа более чем полувекового развития советской и постсоветской социологии, а также изучения и оценки деятельности многих и многих наших коллег.

Поколение первых советских социологов было сформировано войной и «оттепелью»; им предстояло создать российскую социологию с «нуля». Назову лишь тех из них, с кем Ядова связывали многолетние дружеские связи, кого он характеризовал добрыми словами в интервью и о ком писал в письмах. Частично это отражено выше: Галина Андреева и Борис Грушин, Татьяна Заславская и Андрей Здравомыслов, Игорь Кон и Николай Лапин, Юрий Левада и Геннадий Осипов, Анатолий Харчев и Овсей Шкаратан, Владимир Шубкин и ещё немногие.

Ядов – один из них, и его наследие должно рассматриваться в контексте сделанного всеми, более того, и представителями следующих профессионально-возрастных когорт. Но сейчас я хотел бы наметить без аргументации и взаимоувязки лишь то, что отличает биографию Ядова от прожитого другими и что, мне кажется, лежит в основании уже получившего распространение в нашей историографии понятия «Феномен Ядова».

Из всех первопроходцев только Ядов имеет прямое отношение сразу к трём элементам фундамента нашей социологии: основополагающая «Человек и его работа», вечная книга по методологии социологического исследования и для многих до сих пор трудная и потому плохо понимаемая диспозиционная теория личности. Более того, сделанное им в плане акцентирования полипарадигмальности современной теоретической социологии во многом обеспечило «бескровный» переход от советского к постсоветскому периоду отечественной социологии. Возможно, тем самым ему удалось решить уникальную задачу науковедения и организации науки.

Ядов – единственный среди социологов своего поколения, кто во время войны ушёл из школы и поступил в военное училище. Хотел стать лётчиком. Не прошёл по здоровью, не согласился учиться на техника по обслуживанию самолётов, ибо хотел участвовать в боях, и через год вернулся в школу. Выше были приведено его письмо, которое начиналось словами: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» и оканчивалось: «Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю. О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт».

Жизнь испытывала Ядова и одновременно обогащала его социальный опыт. Не распорядилась бы жизнь с ним так жёстко, не отправила бы его – отличника и комсомольского активиста – на завод, не овладел бы он рабочей профессией, то, скорее всего – не было бы «Человека и его работы».

Ядов – руководитель первой в СССР социологической лаборатории. Он один из первых советских социологов, учившихся за рубежом, в Англии; там он узнал многое о современных методах социологии и углубил свои знания в области психологии. Потом всё это нашло отражение в его книге «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» и в диспозиционной теории личности.

Выше было сказано, что как-то Рой Медведев, друг семьи Ядова ещё со студенческих времён, привёл к ним мужчину и попросил приютить его ненадолго. Практически не покидая дома, мужчина всё время что-то писал на машинке. Позже Ядов узнал, что это был Александр Солженицын. Но подобно Борису Грушину, Ядов не участвовал в диссидентских начинаниях и мог сказать о себе: «Я не участвую в чужих войнах, веду свои». Тем не менее, в начале 1980-х Ядов оказался в Ленинграде опальным и на несколько лет был вынужден отойти от активной работы в социологии. Однако, когда началась перестройка, в Москве не нашлось человека, которому руководство Академии наук и ЦК КПСС могло бы доверить преобразование Института конкретных социальных исследований в Институт социологии.

В большом разговоре о «Школе Ядова» Виктория Семёнова рассказала, как в один из дней работы Всероссийского социологического Конгресса в Уфе (2012 год) посередине большого холла, заполненного приехавшими на конференцию и неорганизованно общавшимися между собой учёными, вдруг поставили стул или табуретку, на которую сел Владимир Александрович. И сразу вокруг него зароились все собравшиеся. Всё «броуновское движение» в холле вдруг организовалось вокруг этой центральной табуретки.

Такова была харизма Ядова, магия его личности. Я уверен, для многих, кто впервые его видел «вблизи», возможно обменялся парой фраз, это – событие на всю оставшуюся жизнь, тема для многолетних рассказов студентам и коллегам.

Судьба хранила Ядова от того, чтобы не сорваться с балкона, не погибнуть на настоящей, войне, не сломаться после исключения из партии и фактически надолго или навсегда потерять право заниматься наукой, не получить непоправимых травм на чужих войнах, не «обидеться» на систему за изгнание из ленинградской социологии. Она дала ему долгую и, как он сам сказал, счастливую жизнь. Временем, обсто-

ятельствами на него была возложена особая миссия – создание российской социологии. И он её выполнил, хотя никогда не заявлял об этом. Всегда был настроен на познание нового и всегда был открыт людям.

В качестве эпиграфа книги взяты слова любимой Владимиром Александровичем трагической песни Галича «Ошибка». Завершить книгу хочется четверостишием из также любимого Ядовым «Сентиментального марша» Окуджавы:

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведёт.
Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
А для меня – твои тревоги и добрый мир твоих забот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г. М.* Ядов как ЯВЛЕНИЕ // В кн.: [Vivat 2009].
- Баранов А. В.*: «А всё-таки она вертится». 2008 // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Baranov.pdf> (21.01.2016).
- Баранова Т. С.* «Юрьев день» // В кн.: [Vivat 2009].
- Батыгин Г. С.* Ему легко быть самим собой // В кн.: [Vivat 2009].
- Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.
- Вооглайд Ю.* Ядов – Учитель // В кн.: [Vivat 2009].
- Горшков М. К.* К читателю // В кн.: [Vivat 2009].
- Готлиб А.*: «Моя потребность рассказать “свою историю” счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии». 2012 // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/gotlib.pdf> (23.01.2016).
- Ельмеев В. Я.* «Я был и остался сторонником материализма в социологии». 2007 // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Elmееv.pdf> (21.03.2016).
- Демидов А. М.*: «В 1991 году GFK-РУСЬ состояла из трёх человек, а сейчас нас – 380» // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/demidov.pdf> (21.01.2016).
- Докторов Б. Б.А. Грушин.* Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
- Докторов Б.*: «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В. А. Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40–50.
- Докторов Б., Ядов В.* Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 40–50.
- Докторов Б.* Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» // Полит.Ру. 2009. URL: <http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html> (21.04.2016).
- Докторов Б. А. Г.* Здравомыслов: его деятельность и наследие ещё предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013а. № 2. С. 2–8.
- Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013б.
- Докторов Б. З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014а // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385> (31.01.2016).

Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014b // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370> (21.01.2016).

Докторов Б. З. В. А. Ядов: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» // Социологический журнал. 2015. Том 21. № 3. С. 146–154 // UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/via_bd_letters_13.pdf (29.01.2016).

Заславская Т. И.: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука». 2007 // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Zaslavskaya.pdf> (21.03.2016).

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду // Опыт и методика конкретных социологических исследований / Под ред. Г. Глезермана. М.: Мысль, 1965а.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего // Социология в СССР: Т. 2. М.: Мысль, 1965b.

Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

Здравомыслов А. Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4. В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Zdravomyslov.pdf> (21.03.2016).

Здравомыслов А.Г. Заметки о времени социологического прозрения // В кн.: [Vivat 2009].

Интервью с Борисом Парыгиным (Проведено Алексеем Гориченским) // Очень. 2005. № 4, январь // UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/parygin.html> (25.01.2016).

Ковалева И. Д. Человек и стратег // В кн.: [Vivat 2009].

Козлов Р.Г. Взгляд в 80-летнюю даль // В кн.: [Vivat 2009].

Колбановский В. В. О праве социологии на свободу мысли // В кн.: [Vivat 2009].

Колбановский В. В. «В настоящее время в социологии “расцветают сто цветов”» // В кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/kolbanovskij.pdf> (21.01.2016).

Кон И. С. Заметки о Владимире Ядове // В кн.: [Vivat 2009].

Красин Ю. А. 19-я «гвардейская». Заметки участника с комментариями, спустя полвека // КЛИО. 2010. № 2. Цитируется по материалам, присланным В. А. Ядовым (Электронный архив Б. Доктора).

Медведев Р. А. К 80-летию В.А. Ядова // В кн.: [Vivat 2009].

Никулин А. Ядов и его «Наука постигать» (в печати). 2015.

Попова И. М. Володя был звездой первой величины // В кн.: [Vivat 2009].

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.

- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Семёнова В.: «Мой долгий путь к профессии». 2010 // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Semenova.pdf> (21.03.2016).
- Согомонов А. Ю. Ядов парадигмальный // В кн.: [Vivat 2009].
- Социально-психологический портрет инженера: по материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
- Столочич Л. Н.: «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // Социологический журнал. 2010а. № 4. С. 113–135.
- Столочич Л. Социологи в Кяэрику // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010b. № 1(79).
- Тартаковская И. Н. Презирая иерархии... // В кн.: [Vivat 2009].
- Тихонов А. В. Феномен Ядова // В кн.: [Vivat 2009].
- Фирсов Б. М.: «...О себе и своём разномыслии...». 2005 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Firsov.pdf> (21.01.2016).
- Фирсов Б. М. О моём наставнике и друге. 2009а // В кн.: [Vivat 2009].
- Фирсов Б. Владимир Ядов. Сложен, но его понимает всякий // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009b. № 2. С. 5–6.
- Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
- Чурикова А. Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным». 2010 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Chirikova.pdf> (21.01.2016).
- Шляпентох В. Э.: «Социолог: здесь и там». 2006 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Shlapentokh.pdf> (21.01.2016).
- Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Автореф. дисс. на соискание учён. степ. канд. философ. наук. Л., 1959.
- Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: изд. ЛГУ, 1961.
- Ядов В. А., Беляев Э. В., Водзинская В. В. и др. Изучение бюджета времени как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1961. № 23. Вып. 4.
- Ядов В. А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда). Автореф. дисс. на соискание учён. степ. д-ра философ. наук. Л.: ЛГУ, 1967.
- Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.
- Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: 1972.

- Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М: методология, методы, математические модели. 1991. № 1. С. 14–31.
- Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Доп. и испр. изд. Самара: Самар. ун-т, 1995.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов / В соавторстве с В. В. Семёновой. [5-е изд. доп.] М.: Добросвет: ИС РАН, 1998.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов / В соавторстве с В. В. Семёновой. [5-е изд. доп.] М.: Добросвет: ИС РАН, 1999.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов. / В соавторстве с В. В. Семёновой. М.: Ин-т социологии: Добросвет, 2000.
- Ядов В. А. Возможность совмещения теоретических подходов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–19.
- Ядов В. А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». 2005а // В кн.: [Докторов 2014а], URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf (21.03.2016).
- Ядов В. А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» (2). 2005b // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf (21.03.2016).
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. Москва: Омега-Л, 2007.
- Ядов В. А. Вехи истории. 1988–2000 // Социологические исследования. 2008. № 6.
- Ядов В. А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009а. № 1. С. 145–154.
- Ядов В. А.: «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок труда» // В кн.: [Vivat 2009b].
- Ядов В. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии // Троицкий вариант. № 53. 11 мая 2010а. С. 10. URL: <http://trv-science.ru/2010/05/11/sociologiya-vojny/> (21.01.2016).
- Ядов В. Борис Парыгин. 2010b // UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/yadov_parygin_10.pdf (21.01.2016).
- Ядов В. А. Свидетельствую: Геннадий Батыгин был со-организатором Института социологии // Социологический журнал. 2011. 1. С. 128–130.
- Ядов В. А. Л. Н. Лесохина в воспоминаниях В. А. Ядова. 2012 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2014/luka-1.pdf> (21.01.2016).
- Ядов В. А.: «Всё зависит от нас самих» (Интервью Б.З. Докторову). 2014 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2014/yadov2.pdf> (23.01.2016).

Ядов В. Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015а. □ 4. С. 48.

Ядов В. А. Пока живём надеемся // В кн: Открывая Грушина. Том 4 / Ред.-сост. – М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015b. С. 43–45.

Ядов Н.: «Хочется жить в нормальной либеральной стране». 2009 // В кн.: [Докторов 2014а]. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_N.pdf (21.01.2016).

Good W. J., Hatt P. K. Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill, 1952.

Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник Ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М.: Институт социологии РАН, 2009.

Научное издание

Докторов Борис Зусманович

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

В 9-ти томах

ТОМ 6

БОРИС ГРУШИН, ВЛАДИМИР ЯДОВ
В НАЧАЛЕ ПОСТБИОГРАФИЙ

В 2-х книгах

Редактор-корректор Елена Кофанова

Макет издания Елена Григорьева

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН

E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.